

Ферри Пратчетт

ШЛЯПА, ПОЛНАЯ НЕБА

РОМАН ИЗ ЦИКЛА «ПЛОСКИЙ МИР»

Annotation

Когда ты становишься ведьмой-ученицей, то ждешь, что тебя научат колдовать. Варить зелья. Составлять заклинания. Летать на метле... Но, как выяснила Тиффани Болен, это не совсем так. По большей части ведьмовство — просто скучные повседневные дела, в которых нет ничего волшебного. И если главное в магии — не пользоваться магией, то Тиффани это отлично удается. Ведь девочка даже путанку, простейший магический инструмент, сплести не может... Правда, один фокус у нее все-таки получается. Когда под рукой нет зеркала, Тиффани выходит из тела и смотрит на себя со стороны. Это очень удобно, если хочешь узнать, идет ли тебе новое платье... И очень опасно, если не знаешь, как защитить себя. А Тиффани не знает. И значит, очень скоро ей придется учиться быть ведьмой в экстремальных условиях!

- [ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ](#)
 -
 - [Введение](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [От автора](#)
 - [Комментарии](#)
- [notes](#)
 - [1](#)

- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ
ШЛЯПА, ПОЛНАЯ НЕБА
РОМАН ИЗ ЦИКЛА «ПЛОСКИЙ МИР»

© Аллунан Н., перевод на русский язык, 2016

© Оформление, ООО «Издательство «Эксмо», 2016

Введение

*Из книги «Волшебные создания и как избежать встречи с ними» 2-жи
Констатанции Тик:*

Нак-мак-Фигли

(они же пиксты, маленький свободный народец, крошечные человечки и неопознанные, предположительно вооруженные злоумышленники)

Нак-мак-Фигли — одни из самых опасных волшебных созданий, особенно в нетрезвом виде. Пьянство, грабежи и драки — их основные увлечения. Крадут все, что не приколочено. А что приколочено, крадут вместе с гвоздями.

Однако те, кому удалось познакомиться с маленьким свободным народцем и остаться в живых, утверждают, что при всем при этом Нак-мак-Фигли отличаются преданностью, силой, упорством, храбростью и даже соблюдают что-то вроде кодекса чести (например, не воруют у тех, у кого нечего красть).

Типичный Фигль (женщины-пикеты встречаются редко, о них подробнее будет сказано ниже) около шести дюймов^[1] ростом, рыжеволосый, синий от татуировок и краски (сделанной из растения под названием «вейда красильная») и, скорее всего, как раз собирается вам врезать — ведь если вам удалось разглядеть эти подробности, значит, вы подошли слишком близко.

Одет он в килт*^[2], сделанный из первой попавшейся тряпки, — отличительным знаком клана у Фиглей служат не цвета одежды, а татуировки. Возможно, он также носит шлем из кроличьего черепа. Фигли часто вплетают в волосы перья, бусины и вообще все, что кажется им привлекательным. Почти наверняка Фигль имеет при себе меч, но скорее для вида — в бою пикеты предпочитают использовать ноги и голову.

История происхождения Фиглей скрыта во Мгле Веков. Фигли рассказывают, что когда-то они жили в Волшебной стране, но Королева эльфов изгнала их, потому что они восстали против ее жестокой тирании. Другие источники говорят, что их выгнали за пьянство.

Касательно религии Фиглей не известно почти ничего, за исключением единственного факта: они верят, что уже умерли. Им нравится наш мир, его яркое солнце, высокие горы, синее небо и изобилие тех, с кем можно подраться. Не может быть, чтобы такой прекрасный мир был доступен для всех, утверждают они. Должно быть, это что-то вроде рая или Валгаллы*, куда попадают после смерти отважные воины. Следовательно, рассуждают Фигли, они уже прожили свои жизни где-то еще и попали сюда после смерти за хорошее поведение.

Абсолютно неверное и абсурдное утверждение, ведь, как мы знаем, на самом деле все обстоит как раз наоборот.

Когда кто-то из Фиглей умирает, его не сильно оплакивают. Единственное, о чем горюют его братья, это что он слишком мало пробыл здесь, прежде чем вернуться в мир живых или, как они его еще называют, Догробный мир.

Места обитания и быт

Фигли предпочитают селиться в могильных курганах древних правителей, обустроивая себе среди золота и сокровищ уютные пещерки. На таких курганах обычно растут терновник и бузина. Особенно Фигли любят старые деревья, прогнившие изнутри, — пустой ствол служит им дымоходом. И конечно же, в таком кургане есть кроличья нора. Она выглядит в точности как кроличья нора, вокруг нее даже разбросан кроличий помет и, если на Фиглей нашло особое вдохновение, клочья кроличьей шерсти.

Внизу, под землей, находится дом Фиглей. Он во многом напоминает пчелиный улей, только меда там куда как меньше, зато жал — хоть отбавляй.

Причина сходства в том, что среди Фиглей крайне мало женщин. Возможно, именно поэтому женщины маленького свободного народца рожают множество детей, очень часто и очень быстро. Новорожденные младенцы размером не больше горошины, но при правильном

питании удивительно быстро растут. Фигли стараются селиться рядом с людьми, чтобы можно было воровать коровье и козье молоко для детей.

«Царица» клана зовется кельдой. Мужа кельды называют Большим Человеком клана. Она постоянно рождает сыновей, так что к тому времени, когда кельда достигает преклонного возраста, клан большей частью состоит из ее детей. Когда рождается девочка (что бывает очень и очень редко), мать воспитывает ее сама, передавая ей тайное знание кельд — так называемые таинства. Как только девочка превращается в девушку, она покидает родной клан и отправляется в путь, взяв с собой нескольких братьев для защиты.

Чаще всего рано или поздно она находит клан, которому нужна новая кельда. Но иногда, очень редко, девушка собирает Фиглей из разных кланов и основывает свой, совершенно новый клан в незанятом кургане. Так или иначе, новоиспеченная кельда обязана выбрать себе мужа, после чего она полностью вступает в свои права и слово ее становится законом для всех членов клана. Однако после замужества она если и выходит из-под земли, то недалеко и ненадолго. Кельда правит в своем доме, но покинуть его не может. Таким образом, она является одновременно королевой и пленницей.

Перевод некоторых слов и выражений Фиглей, с поправкой на требования приличий

Бураны — покрытые густой шерстью создания, которые едят траву и блеют. Не путать с известным погодным явлением.

Верзуны — люди.

Гюйс — очень важное обязательство, нарушить которое невозможно в силу традиций и магического подкрепления. Не пернатое*.

Заморочный — жуткий, странный, иногда — почему-то — продолговатый.

Карга — ведьма, независимо от возраста.

Карговство — все, что делает ведьма.

Нахрюкаться — меня заверили, что это означает переутомиться.

Ой-ёи-ёи — традиционное причитание.

Особая овечья притирка — прошу прощения, но это, скорее всего, не что иное, как самогон. Никто не знает, как притирка действует на овец, но говорят, капелька этого напитка согреет пастуха в холодную зиму, а Фигля

— в любое время года. Не пытайтесь изготовить ее самостоятельно.

Разбреловина — чепуха, глупость.

Раскулрыть! — восклицание, которое может означать все что угодно, от «надо же!» до «мое терпение лопнуло — спасайся, кто может!».

Расхляй — см. *угрязок*.

Старукса — женщина преклонного возраста.

Сульбоиос — важное событие в жизни, которое может оказаться роковым.

Таинствия — секреты, тайны.

Тубзя — туалет.

Угрязок — бесполезный член общества.

Чувырла — очень нехороший человек/зверь/другое.

Чучундра — нехороший человек/зверь/другое.

Глава 1

ОТЪЕЗД

Потрескивая, оно парило по-над холмами, словно невидимый туман. Двигаться без тела было утомительно, и оно летело очень медленно. Не думало ни о чем. Вот уже много месяцев его не посещало ни единой мысли, потому что мозг, служивший для него вместилищем мыслей, умер. Они всегда умирают. И вот теперь оно вновь беззащитно, вновь одержимо страхом.

Оно могло бы найти пристанище в одном из пухлых белых существ, что тревожно блеяли, пока оно катилось по лугам. Но эти существа были способны думать лишь о траве и о том, как делать других таких же пожирателей травы. Нет. Их мозг не подойдет. Нужно что-то получше — могучий разум, наделенный силой, разум, где можно будет почувствовать себя в безопасности...

Оно искало...

Новые башмаки никуда не годились. Они были блестящие и негнущиеся. Блестящие башмаки! Стыд и срам... То ли дело — чистые башмаки. Привести башмаки в порядок, смазать, чтобы не промокали, — в этом нет ничего плохого. Но башмаки нужны, чтобы ходить, а не чтобы блестеть.

Тиффани Болен покачала головой, стоя на половике в своей комнате. Надо будет постараться поскорее придать новым башмакам приличный обшарпанный вид.

Еще на ней была новая соломенная шляпка, украшенная лентой. Насчет шляпы у нее тоже имелись сомнения.

Она посмотрела на себя в зеркало, но зеркало было немногим больше ладони, все потрескавшееся и в пятнах. Приходилось водить им вокруг, разглядывая себя по кусочку, а потом пытаться мысленно составить из этих кусочков общую картину.

Но сегодня — особенный день. Что ж, ладно. Она старалась не делать так дома, однако сейчас очень важно выглядеть достойно, а поблизости все равно никого нет...

Тиффани положила зеркальце на шаткий столик у кровати, встала на середину потертого половичка, закрыла глаза и сказала:

— Меня видно.

И вдалеке, среди холмов, нечто без тела, без разума, способное лишь страдать от неутолимого голода и бесконечного ужаса, ощутило силу.

Будь у него нос, оно бы принялось.

Оно искало.

Оно нашло.

Какой странный разум — словно много-много разумов, вложенных один в другой! Но такой могучий! И так близко!

Оно чуть изменило направление и стало двигаться немного быстрее.

Овцы, почувствовав, что сквозь них проходит что-то невидимое, неслышимое и необоняемое, заблеяли в испуге...

...и вновь принялись жевать траву.

Тиффани открыла глаза. И увидела себя. В нескольких шагах от себя. Она смотрела на собственный затылок.

Осторожно, чтобы не разрушить чары, глядя только на ту себя, что снаружи, но не на ту, что смотрит, Тиффани двинулась по кругу.

Двигаться таким образом было нелегко, но вот наконец она стоит перед собой и разглядывает себя с головы до ног.

Волосы, как и глаза, скучного коричневого цвета... Ну, с этим ничего не поделаешь. По крайней мере, они чистые, и лицо тоже.

Платье на ней было новое, и это отчасти спасало положение. В семье Боленов редко обзаводились новой одеждой, и платье, конечно же, купили на вырост. Зато оно было светло-зеленое и даже не волочилось по полу. В этом новом платье, сверкающих башмаках и соломенной шляпке она выглядела как... как фермерская дочка, порядочная и чистенькая, которая впервые едет на заработки. Сойдет.

Тиффани видела и другую шляпу у себя на голове, остроконечную, но чтобы разглядеть ее, приходилось напрягаться — полупрозрачный отблеск исчезал, стоило посмотреть на него прямо. Это из-за нее Тиффани сомневалась, надевать ли новую соломенную шляпку, но соломенная шляпка сидела у нее на голове так, будто другой шляпы вовсе не было.

Потому что в некотором смысле ее и не было. Увидеть ее можно было только в дождь. Солнце и ветер проникали сквозь шляпу свободно, но дождь и снег чувствовали ее присутствие и вели себя так, будто она настоящая.

Эту шляпу Тиффани дала величайшая ведьма в мире, самая настоящая ведьма, в черном платье и черной шляпе, с таким пронизывающим

взглядом, что кого угодно пронзал насквозь и вылетал с другой стороны, прямо как скипидар, когда им лечат овец. Шляпа была как бы наградой. Тиффани тогда сотворила волшебство — настоящую, серьезную магию. До того момента она и не знала, что способна на чудеса. А когда колдовала, то не знала, что колдует. И после не могла сказать, как ей удалось сделать то, что она сделала. И вот чтобы понять это, Тиффани и отправлялась учиться.

— Меня не видно, — сказала она.

Вторая Тиффани поплыла перед собственными глазами — ну, или не перед глазами, пойдя разберись, — и исчезла.

Когда этот фокус получился у нее в первый раз, Тиффани страшно разволновалась. Но, с другой стороны, ей всегда легко было представить себя со стороны. Она запоминала события, как сцены с собственным участием, а не так, будто смотрит на все сквозь две дырки в черепе. Часть Тиффани постоянно приглядывала за Тиффани.

Мисс Тик — еще одна ведьма, но более общительная, чем та, что вручила шляпу, — говорила: ведьма должна уметь отстраняться от происходящего, и этому Тиффани тоже предстоит научиться. Наверное, решила Тиффани, «меня видно» — часть этого умения.

Иногда она думала, не спросить ли про «меня видно» у мисс Тик. Когда Тиффани произносила эти слова, она словно делала шаг в сторону и покидала собственное тело, и обретала какое-то другое, призрачное, но способное ходить. Однако стоило ей опустить взгляд и увидеть себя призрачную, как чары рассеивались — часть ее пугалась и спешила вернуться обратно в настоящее тело. В конце концов она решила ничего не говорить мисс Тик. Не обязательно же рассказывать учителям обо всем. Да и вообще, это полезное умение, когда под рукой нет зеркала.

Мисс Тик занималась тем, что выявляла ведьм*. Так, насколько поняла Тиффани, было среди них заведено: некоторые ведьмы при помощи магии следили, не появится ли где-нибудь одаренная девочка, и отправляли ее на обучение к кому-нибудь постарше и поопытней. Никто не будет тебе объяснять, как делать чудеса. Тебе объяснят, как ты их делаешь.

Ведьмы в чем-то похожи на кошек. Они не любят собираться вместе, но предпочитают знать, где найти себе подобных, если вдруг понадобится. А понадобится это может в том случае, если ведьма вдруг начнет покрякивать и противно хихикать. Тогда другие ведьмы скажут ей об этом — по-дружески.

Ведьмы почти ничего не боятся, объясняла мисс Тик, но самые опытные и могущественные, хоть и не говорят об этом вслух, боятся того, что они называют «обратиться ко злу». Слишком легко позволить себе

одну-другую маленькую жестокую выходку только потому, что у тебя есть сила, а у других ее нет; слишком легко начать думать, что люди вокруг мало что значат; слишком легко решить, что представления о добре и зле распространяются на кого угодно, только не на тебя. Но стоит пойти по этой дорожке, и кончишь свои дни одна-одинешенька в пряничном домике, мерзко хихикая, пуская слюни и выращивая бородавки на носу.

Всякая ведьма должна знать, что другие ведьмы не спускают с нее глаз.

Вот за этим, подумала Тиффани, и нужна шляпа. Если закрыть глаза, можно коснуться невидимой тульи и полей. Это напоминание...

— Тиффани! — крикнула снизу мама. — Мисс Тик пришла!

Накануне Тиффани попрощалась с матушкой Болен...

Железные колеса глубоко вросли в землю выше по склону холма. Круглая пузатая печурка, косо стоявшая на траве, порыжела от ржавчины. Скоро Меловые холмы поглотят их, как они поглотили матушку Болен.

Саму кибитку сожгли в день похорон. Ни один пастух не осмелился бы использовать ее, не говоря уже о том, чтобы провести в ней ночь. Матушка Болен занимала важное место в головах людей, и заменить ее было нелегко. Ночью и днем в любое время года она была воплощением самих холмов: их лучший пастух, хранительница их мудрости и памяти. Словно душа зеленых лугов, ходила она по окрестностям в старых башмаках и холщовом фартуке, посасывая вонючую старую трубку и потчуя овец скипидаром.

Пастухи говорили, что небо синее, потому что матушка Болен на него глазее. Они называли маленькие летние облачка ягнятами матушки Болен. И хотя пастухи улыбались при этих словах, они не то чтобы просто шутили.

Ни один пастух не мог и подумать о том, чтобы поселиться в ее кибитке. Ни один.

И поэтому они срезали дерн, опустили матушку Болен в толщу мела, уложили дерн обратно и полили его, чтобы не осталось и следа. А кибитку сожгли.

Овечья шерсть, табак «Веселый капитан» и скипидар...

...так пахли пастушья кибитка и матушка Болен — бабушка Тиффани. Запахи запоминаются накрепко, проникают в самое сердце и остаются там. Тиффани достаточно было вдохнуть их, чтобы снова очутиться в тепле, тишине и покое кибитки. Раньше она шла туда, когда ей было грустно и когда была счастлива. И знала, что матушка Болен улыбнется, заварит чаю и промолчит. И ничего плохого не могло случиться в той пастушьей кибитке. Она была надежной твердыней, которая устояла бы против всего

мира. Даже теперь, когда бабушки больше не было, Тиффани нравилось подниматься сюда.

Тиффани стояла на том самом месте, а ветер шевелил траву, и колокольчики овец, пасущихся вдалеке, глухо блямкали.

— Мне надо... — Она прокашлялась. — Мне надо уехать. Я должна научиться настоящему ведьмовству, а здесь меня некому научить, понимаешь? Я должна... приглядывать за холмами, как это делала ты. Я умею... я много чего могу, но ничего толком не знаю, а мисс Тик говорит, если чего-то не знаешь, оно может тебя убить. И я хочу уметь все, как ты. Я вернусь! Я скоро вернусь! Обещаю, я вернусь лучше, чем сейчас!

Голубая бабочка, подхваченная порывом ветра, опустилась на плечо Тиффани. Сложила крылышки раз, другой... улетела.

Матушка Болен никогда не умела хорошо обращаться со словами. Она любила помолчать и собирала тишину к тишине, как другие сматывают в клубок обрывки веревок. Она умела так ничего не сказать, что сразу все становилось понятно.

Тиффани постояла еще немного, чтобы слезы высохли, потом повернулась и пошла вниз по склону. За ее спиной неугомонный ветер вихрился вокруг старых колес и свистел в трубе старой печки. Жизнь продолжалась.

В том, чтобы девочка возраста Тиффани отправилась куда-то «в услужение», не было ничего особенного. Обычно девочки работали горничными или служанками. По традиции, начинать следовало с помощи по хозяйству одинокой старой женщине. Старушка не сможет платить много, но, с другой стороны, это ведь твоя первая работа, многого ли ты заслуживаешь...

Дома, на Родной ферме, Тиффани почти в одиночку справлялась с делами в молочне, ей только большие бидоны с молоком самой было не поднять. Поэтому родители совершенно не ожидали, что она захочет отправиться куда-то, чтобы работать прислугой. Но Тиффани сказала: ведь все так делают. Полезно немного посмотреть мир. Познакомиться с новыми людьми. Никогда не знаешь, что из этого выйдет.

Этот довод, как ни странно, убедил маму. У мамы Тиффани была богатая тетка, которая когда-то поступила в большой господский дом посудомойкой, потом стала горничной и наконец дослужилась до экономки и вышла замуж за дворецкого, и они жили в красивом доме. Конечно, дом им не принадлежал, и они занимали в нем лишь крохотный уголок, но все равно тетка матери считалась почти что знатной дамой.

Тиффани не хотела становиться знатной дамой. Это была просто

уловка. И мисс Тик ей подыграла.

Ведьмам не положено брать денег за свою работу, поэтому они обычно владеют еще каким-нибудь ремеслом. Мисс Тик, например, была ведьмой, маскирующейся под учительницу. Она бродила с места на место вместе с табором других учителей, норовивших научить кого-нибудь чему-нибудь в обмен на еду и старую одежду.

Это было очень удобно, поскольку позволяло странствовать по округе, не вызывая подозрений, — жители холмов не доверяли ведьмам. Они думали, что ведьмы пляшут при луне без ничего. (Тиффани исследовала этот вопрос и успокоилась, узнав, что это не обязательно. Хотя, если очень хочется, можно и поплясать, только лучше сначала убедиться, что поблизости нет крапивы, чертополоха и ежей.)

Если уж на то пошло, люди и бродячим учителям не особенно доверяли. Поговаривали, они таскают кур и крадут детей (что в каком-то смысле было правдой). А еще они ходят от деревни к деревне с ярко раскрашенными повозками, в длинных балахонах с кожаными заплатками на локтях, в странных квадратных шляпах. И говорят между собой на тарабарском языке — всякие там «*Alea jacta est*» и «*Quid pro quo*»^[3]. Мисс Тик ничего не стоило затеряться среди них. Ее ведьмовская шляпа была особенной модели, приспособленной для ведьм-лазутчиц: она выглядела как обычная соломенная черная шляпка с цветами и, только если потянуть за потайную веревочку, становилась остроконечной.

Весь минувший год Тиффани проявляла такой интерес к учебе, что ее мама только диву давалась и даже немного беспокоилась. Учеба, считали в холмах, конечно, помогает идти в ногу со временем, но в больших дозах может вызвать нервное расстройство.

А месяц назад пришла весточка: «Приготовься».

Мисс Тик, в своей шляпе с цветами, пришла на ферму и поведала родителям Тиффани, что некая пожилая женщина в горах, прослышав о невероятной искушенности девочки в изготовлении сыров, хотела бы нанять ее в качестве служанки. Тиффани будут полагаться четыре доллара в месяц и отдельная кровать, а на Страшдество хозяйка отпустит ее на неделю домой.

Тиффани хорошо знала своих родителей. Три доллара было бы маловато, а пять — подозрительно много, но искушенность в сырах наверняка стоит лишнего доллара. И отдельная кровать — это ведь тоже немало. (Пока почти все сестры Тиффани не повыходили замуж, девочкам приходилось делить одну кровать на двоих.) Предложение звучало очень заманчиво.

Манеры и вид мисс Тик немного напугали родителей Тиффани, но их с детства приучили уважать людей, которые знают больше, чем они. Если человек умеет выговаривать всякие длинные слова, значит, это важная персона, никак иначе. Поэтому родители согласились.

Тиффани случайно услышала их разговор тем же вечером, когда отправилась наверх спать. Ведь если чисто случайно поставить на пол стакан вверх доньшком и чисто случайно приложить к нему ухо, можно случайно услышать все до последнего слова.

Папа сказал, что Тиффани совершенно ни к чему никуда ехать.

Мама сказала, что девочкам всегда любопытно посмотреть мир, так вот пусть Тиффани и посмотрит его с толком и пользой. Кроме того, она способная и голова у нее на плечах имеется. Да и если она будет стараться, то, кто знает, может, однажды станет прислугой у настоящих господ, вот как тетя Хетти. И тогда их дочка будет жить в доме, где даже туалет не во дворе.

Отец сказал: скоро она поймет, что полы скоблить все равно где.

Мать сказала: ну что ж, тогда ей станет скучно, и она через год вернется. И кстати, что такое «искушенность»?

«Опыт и знания», — подумала Тиффани. У них дома был большой толковый словарь. Мама старалась туда не заглядывать — от одного вида такого множества слов ей становилось не по себе. Тиффани прочитала словарь от корки до корки.

В итоге все уладилось, и вот, месяц спустя, Тиффани уже заворачивает свои старые, ношенные до нее всеми сестрами башмаки в чистую рогожку и убирает их в чемодан. Этот подержанный чемодан купила ей мама — он был сделан то ли из хлипкого картона, то ли из прессованных виноградных косточек пополам с ушной серой, и его приходилось обвязывать веревкой, чтобы не распахнулся или не развалился в дороге.

Настало время прощаться. Тиффани всплакнула чуть-чуть, мама расплакалась вовсю, и Винворт, младший брат Тиффани, тоже разревелся в надежде получить конфетку. Отец не плакал, но дал Тиффани серебряный доллар и хриплым голосом наказал ей писать домой каждую неделю — то есть тоже как бы разрыдался, только по-мужски. Она попрощалась с сырами в молочне, с овцами в загоне и даже с котом Крысодавом.

Потом все, кроме сыров и кота, стояли в воротах и махали, пока Тиффани и мисс Тик — ах да, овцы тоже не махали! — пока Тиффани и мисс Тик не спустились по склону почти до самого проселка, ведущего в деревню.

Дорога была молочно-белой от мела. Стояла тишина, только их

башмаки стучали по убитой колее, да жаворонки в небе пели свою неумолчную песню. Был конец лета, очень жарко, и новые башмаки жали.

— На твоём месте я бы сняла их, — сказала мисс Тик чуть погодя.

Тиффани села у обочины и достала из чемодана старые башмаки. Она не стала спрашивать, откуда мисс Тик узнала, что новые жмут. Ведьмы замечают все. Старые башмаки, хоть под них и приходилось поддевать несколько пар носков, были гораздо удобнее. Они начали ходить задолго до рождения Тиффани и успели поднатереть в этом деле.

— Мы сегодня увидим каких-нибудь... человечков? — спросила мисс Тик, когда они снова тронулись в путь.

— Не знаю, мисс Тик. Я ещё месяц назад сказала им, что уезжаю. В это время года у них очень много дел. Но один или двое всегда наблюдают за мной.

Мисс Тик быстро огляделась:

— Я ничего не вижу. И не слышу.

— Да, именно так и можно узнать, что они где-то рядом. Когда они здесь, становится чуточку тише, чем обычно. Но они не покажутся, пока вы со мной. Они немного побаиваются люблю... каргу. Это они так всех ведьм называют, — поспешно пояснила Тиффани. — Ничего личного.

Мисс Тик вздохнула:

— Когда я была маленькой, мне ужасно хотелось посмотреть на пикетов. Я постоянно ставила где-нибудь блюдце с молоком. Теперь-то я понимаю, как ошибалась.

— Да, надо было налить чего-нибудь покрепче, — сказала Тиффани.

Она взглянула в сторону, и ей показалось, что возле изгороди мелькнули и исчезли чьи-то рыжие космы. Она улыбнулась, однако на душе у нее было немного беспокойно.

Тиффани, пусть и всего несколько дней, была почти что королевой эльфов — насколько это вообще возможно для человека. Правда, на самом деле она звалась не королевой, а кельдой, а Фиглей называть эльфами и подавно не стоит, если не хотите, чтобы вам навалили по первое число. С другой стороны, Нак-мак-Фигли всегда готовы лихо и весело навалить кому-нибудь: когда рядом нет врагов, они дерутся между собой, а если Фигль надолго остаётся в одиночестве, он лупит себя по носу, просто чтобы не терять навык.

С формальной точки зрения они все-таки были волшебным народцем, потому что когда-то жили в Волшебной стране, мире эльфов. Но их изгнали оттуда — возможно, за пьянство. И свою кельду, пусть её «правление» и продолжалось всего несколько дней, пикеты никогда не забудут...

Они всегда где-то рядом.

Кто-нибудь из них постоянно шнырял на ферме или парил верхом на канюке высоко над меловыми склонами холмов. Они приглядывали за Тиффани, готовые прийти ей на помощь, хотела она того или нет. Тиффани очень старалась их не обидеть. Она спрятала свой дневник поглубже в ящик стола, проконопатила бумагой стены уборной и сделала, что смогла, с половицами в спальне. Пикеты ведь хоть и маленькие, но *мужчины*. Тиффани не сомневалась, что они стараются оставаться незамеченными, просто чтобы ее не беспокоить. Но она очень хорошо научилась их видеть.

Они исполняли желания — не те три желания из сказок, вечно оборачивающиеся бедой, а обычные, повседневные. Нак-мак-Фигли — невероятно сильные и бесстрашные существа и способны двигаться очень быстро. К сожалению, они плохо понимают, что человек не обязательно имеет в виду то, что говорит. Однажды в молочне Тиффани вздохнула, когда резала сыр: «Эх, был бы у меня нож поострее...» — и едва она успела договорить, как перед ней в столешницу вонзился кончик самого острого из маминых ножей.

Сказать: «Вот бы дождь наконец перестал», пожалуй, ничем не грозило — пикеты не владеют настоящей магией. Но Тиффани научилась быть очень осторожной с желаниями, если их могут исполнить маленькие, упорные, сильные, бесстрашные и проворные человечки, которые вдобавок не прочь под настроение хорошенько отпинать кого-нибудь.

Со словами надо было соблюдать осторожность. Тиффани и раньше не пришло бы в голову заявить: «Ах, как бы мне хотелось выйти замуж за прекрасного принца!», но теперь она и подавно трижды подумала бы, прежде чем брякнуть такое. А то еще откроешь дверь, а за ней стоит пристукнутый и ничего не понимающий принц, связанный священник и довольный Фигль в качестве шафера.

Но порой, хотя и по чистой случайности, Фигли и впрямь делали что-нибудь хорошее, и Тиффани в благодарность выносила из дома и оставляла в неприметном месте всякие вещицы, которые не особенно нужны людям, но могли бы пригодиться маленьким человечкам — ложечки для горчицы, булавки, супницу, подходящую по размерам в качестве ванны для Фиглей, и мыло на случай, если они не поймут намека. Мыло они не взяли.

Последний раз Тиффани навещала Фиглей у них дома, в старом погребальном кургане высоко в холмах, когда получила приглашение на свадьбу Явора Заядло и Джинни. Явор Заядло был Большим Человеком местного клана, а Джинни пришла из клана Долгого озера, чтобы стать новой кельдой и нарожать множество детей, как пчелиная матка.

На свадьбу явились и Фигли из других кланов: больше пирушек пикеты любят только большие пирушки, а больше больших пирушек — только большие пирушки, на которых угощают задарма. Тиффани, по правде говоря, чувствовала себя немного неловко, ведь она была раз в десять выше самого высокого из гостей. Но обращались с ней очень вежливо, а Явор Заядло даже произнес длинную речь, где называл ее «наша мила грамазда мал-мал карга», и только потом упал лицом в пудинг. В пещере было очень жарко и шумно, однако Тиффани осталась. На пол положили крошечный, под стать Фиглям, веник, и Джинни под приветственные вопли собравшихся перетащила через него Явора Заядло. Вообще-то по традиции жених с невестой должны были вместе перепрыгнуть через веник, однако по той же традиции ни один уважающий себя Фигль на собственной свадьбе к этому времени уже не держится на ногах.

Тиффани заранее предупредили, что после церемонии с веником ей лучше будет уйти, потому что далее в программе значилась традиционная же драка между кланами невесты и жениха, которая могла затянуться до пятницы.

Тиффани на прощание поклонилась невесте, как принято между кельдой и каргой, и хорошенько рассмотрела ее. Джинни была маленькая и очень хорошенькая. А еще она высоко держала голову, и взгляд ее тоже выдавал сильный характер. Девочки у Нак-мак-Фиглей рождаются редко и с раннего детства знают, что однажды станут кельдами. Тиффани подозревала, что в ближайшем будущем Явор Заядло откроет для себя некоторые особенности семейной жизни.

Ей было жаль уезжать от Фиглей, но не слишком сильно. В конце концов, Тиффани уже исполнилось одиннадцать, и в таком возрасте как-то не пристало лазать в кроличьи норы, чтобы поболтать с маленькими человечками.

Кроме того, Джинни напоследок так глянула на нее... Мимолетным, но очень тяжелым взглядом. Нетрудно было понять, что он означает. Тиффани ведь несколько дней считалась кельдой и невестой Явора Заядло, пусть им и пришлось назначить день свадьбы только для того, чтобы соблюсти традиции. И взгляд Джинни говорил: «Он мой! И этот дом — мой! Держись от нас подальше! Я не хочу, чтобы ты приходила!»

Тиффани и мисс Тик шли по проселочной дороге, и вместе с ними двигался островок тишины: все, что обычно шуршало в живых изгородях, замирало, когда рядом оказывались Нак-мак-Фигли.

Дойдя до небольшой лужайки, они сели и стали ждать телегу. Через

пять часов очень неспешной езды с местным возчиком они доберутся до местечка под названием Дверубахи, где можно сесть в большой дилижанс, идущий до самых гор и даже дальше. Родители думали, что Тиффани с мисс Тик так и поступят.

Телега уже показалась вдали, когда по лугу глухо застучали копыта. Тиффани обернулась — и ее сердце разом и подпрыгнуло, и провалилось куда-то.

Это был баронский сын Роланд верхом на красивом черном коне. Он спрыгнул на землю, не дожидаясь, пока конь остановится, и смущенно замер.

— Ой, какой там интересный... э-э... камень. Я пойду посмотрю его поближе, хорошо? — прощепетала мисс Тик приторно-сладким голоском.

Тиффани захотелось ее ущипнуть.

— Э-э... выходит, ты уезжаешь, — выдавил Роланд, когда мисс Тик поспешно удалилась.

— Да, — сказала Тиффани.

Казалось, мальчишка вот-вот лопнет от неловкости.

— Это тебе, — сказал Роланд. — Я купил у одного ремесленника во Взове. — Он протянул ей небольшой сверток из мягкой бумаги.

Тиффани взяла подарок и аккуратно спрятала в карман.

— Спасибо, — сказала она и сделала небольшой реверанс.

Вообще-то девушкам и положено приседать в реверансе перед господами, но Роланд от этого краснел и начинал заикаться.

— О-открой его потом, — промямлил он. — Надеюсь, тебе понравится.

— Спасибо, — вежливо повторила Тиффани.

— Э-э... вон телега уже едет. Поспеши, а то еще уйдет без тебя.

— Спасибо. — Тиффани снова чуть присела в реверансе, просто чтобы закрепить результат.

Это, конечно, было немного жестоко, но иногда жестокость необходима.

И вообще, упустить эту телегу было очень трудно. Ее запросто можно было обогнать трусцой. Она двигалась так медленно, что остановка ни для кого не оказывалась сюрпризом.

Скамеек в ней не было. Хозяин телеги постоянно объезжал деревни по кругу и подвозил вещи и иногда людей. Пассажирам приходилось устраиваться среди ящиков с фруктами и рулонов полотна.

Тиффани села сзади, свесив ноги в старых башмаках. Телега покатила по ухабистой дороге. Ноги Тиффани покачивались взад-вперед.

Мисс Тик устроилась рядом, и ее черное платье вскоре по колено припорошило мелом.

Тиффани заметила, что Роланд остался стоять, глядя им вслед, и только когда они почти перестали видеть друг друга, запрыгнул на лошадь.

И она хорошо знала мисс Тик — ее наверняка так и распирало от любопытства. Ведьмы терпеть не могут чего-то не знать. И когда деревня осталась позади, мисс Тик, основательно поерзав и покашляв, спросила-таки:

— Разве ты не хочешь посмотреть?

— Посмотреть что? — отозвалась Тиффани, не поворачивая головы.

— Подарок, который дал тебе этот юноша.

— А я-то думала, вы изучали интересный камень, мисс Тик, — с упрёком сказала Тиффани.

— Ну, он оказался не таким уж и интересным, — ничуть не смутилась ведьма. — Так что? Ты его развернешь?

— Попозже, — сказала Тиффани.

Ей не хотелось говорить о Роланде, ни сейчас, ни, если уж на то пошло, вообще когда-либо. Не то чтобы он ей не нравился. Она встретила его в мире Королевы эльфов и вроде как спасла, хотя сам Роланд этого не помнит, потому что большую часть времени был без сознания. Нетрудно потерять сознание, напоровшись на банду взвинченных Фиглей. И разумеется, хотя никто из них не сказал ни слова неправды, дома все решили, что это Роланд спас Тиффани. Не могла же, в самом деле, девятилетняя девочка, вооруженная сковородкой, спасти тринадцатилетнего парня с мечом.

Тиффани это вполне устраивало. Так люди не задавали вопросов, на которые она не хотела, да и не могла ответить. Но Роланд завел привычку... болтаться поблизости. Они чисто случайно натыкались друг на друга куда чаще, чем это возможно. И если Тиффани шла на праздник или еще какое событие в деревне, там непременно оказывался и Роланд. Он всегда держался очень вежливо, но смотрел глазами спаниеля, получившего пинка, а Тиффани это бесило до крайности.

Вообще-то следовало признать (как бы трудно это ни было), что Роланд уже не такой тупица, как когда-то. Но, с другой стороны, он изначально был настолько тупым, что над заточкой еще работать и работать.

«Лошадь», — вдруг подумала Тиффани, сама не зная, к чему. А потом поняла, что пока мыслями она была далеко, ее глаза смотрели вокруг.

— Я такого никогда раньше не видела, — сказала мисс Тик.

А Тиффани обрадовалась Лошади, как старой знакомой. Мел здесь вздымался вверх, и между холмов покоилась небольшая уютная долина. На ее крутом склоне было что-то вроде рисунка: кто-то убрал дерн длинными плавными линиями, так что полосы обнаженного мела сложились в изображение лошади.

— Это Белая Лошадь*, — сказала Тиффани.

— А почему ее так называют? — спросила ведьма.

— Потому что мел белый? — предположила Тиффани, прогоняя мысль о том, что мисс Тик немного дурочка.

— Нет, я имела в виду, почему лошадь? Это ведь совсем не похоже на лошадь, просто несколько кривых линий.

«И кажется, будто они движутся», — добавила про себя Тиффани.

Говорили, что дерн срезали люди, жившие на холмах в древние времена, те самые люди, которые тащили и ставили кругами камни, те, кто хоронил своих мертвецов в больших курганах. Они и сделали рисунок в конце этой маленькой долины. Белая Лошадь была в десять раз больше настоящих лошадей и даже совсем не походила на лошадь, если только не знаешь, как смотреть. Хотя древним художникам было прекрасно известно, как выглядят лошади, они сами держали лошадей или, по крайней мере, видели их каждый день. И если эти люди жили очень давно, это еще не означает, что они были глупые.

Однажды, когда Тиффани с отцом проезжали мимо по пути на ярмарку овец, она спросила его, почему Белая Лошадь не похожа на лошадь. И он повторил ей, что ответила ему матушка Болен, когда он был маленький и спросил ее о том же. Отец передал ее ответ слово в слово, и Тиффани теперь сделала то же самое:

— Оно не про то, как лошадь выглядит. Оно про то, что лошадь есть на самом деле.

— О, — сказала мисс Тик. Однако она была не только ведьмой, но еще и учительницей и потому, должно быть, не смогла сдержаться, чтобы не добавить: — Интересный факт: вообще-то белых лошадей не бывает. Светлая масть называется серой^[4].

— Да, я знаю. Но эта — белая, — твердо сказала Тиффани.

Ее ответ заставил мисс Тик отступить, и какое-то время они ехали в молчании. Однако ведьме явно что-то не давало покоя.

— Тебе, наверное, грустно покидать Меловые холмы? — спросила она, пока телега тряслась по дороге.

— Нет, — сказала Тиффани.

— Нет ничего страшного в том, чтобы грустить, покидая дом, — не

унималась мисс Тик.

— Спасибо, но я вовсе не грущу.

— Если тебе хочется поплакать, можешь не делать вид, будто в глаз попала соринка или...

— Все нормально, правда, — сказала Тиффани. — Честное слово.

— Понимаешь, такие вещи лучше не копить в себе, а то потом это может очень плохо сказаться...

— Я ничего не коплю, мисс Тик.

Тиффани и сама была удивлена тем, что ей совсем не хочется плакать, но не собиралась делиться этим удивлением с мисс Тик. Она заранее приготовила место для горя в своей душе, но оказалось, что ей нечем его заполнить. Возможно, потому, что все сожаления и колебания она оставила аккуратно уложенными и завязанными в узелок высоко на склоне холма, рядом с пузатой печкой.

— И конечно, если ты чувствуешь себя немного подавленной, ты можешь посмотреть на подарок, который этот юноша... — снова попыталась мисс Тик.

— Расскажите мне о тетушке Вровень, — перебила Тиффани.

Все, что она знала о своей будущей наставнице, — это имя и почтовый адрес. Зато адрес звучал многообещающе: «Маленький домик в лесу, у засохшего дуба возле Потеряхиной тропки. Если не застанете дома, положите письма в старый башмак у двери».

— Ах да, тетушка Вровень... — Мисс Тик смирилась с поражением. — Ну конечно... На самом деле она не так уж и стара, но говорит, что третья пара рук по хозяйству ей бы не помешала.

Тиффани никогда ничего не пропускала мимо ушей, даже когда разговаривала с мисс Тик.

— Выходит, она живет не одна? — спросила девочка.

— Э-э, нет. Не совсем так.

— Значит, у нее четыре руки?

Тиффани чувствовала, что мисс Тик пытается увильнуть от ответа.

Ведьма вздохнула. Ужасно трудно иметь дело с человеком, который все замечает. Это совершенно сбивает с толку.

— Когда вы встретитесь, ты сама все поймешь. Я не могу объяснить — что бы я ни сказала, это тебя только запутает. Уверена, вы с тетушкой поладите. Она умеет находить общий язык с людьми, а в свободное время занимается ведьмовскими изысканиями. И еще она держит пчел. И коз — их молоко, я уверена, очень полезно, ведь оно содержит гомогенизированные жиры.

— А что такое «ведьмовские изыскания»? — спросила Тиффани.

— О, это очень древнее ремесло. Она составляет новые чары, пытаясь понять, как люди когда-то додумались до старых. Знаешь все эти рецепты, где предлагают взять «летучей мышки ушки и пальцы от лягушки»? Ни у кого из нас ни разу ничего такого не получилось. Но госпожа Вровень считает, это только потому, что мы не знаем, какой вид лягушек брать и какие пальцы...

— Простите, я не стану помогать резать невинных летучих мышей и лягушек, — решительно сказала Тиффани.

— Что ты, тетушка Вровень никогда никого не убивает! — поспешно заверила ее мисс Тик. — Она использует тела животных, которые умерли своей смертью: погибли под колесами повозок или покончили с собой. У лягушек, знаешь ли, бывают тяжелые приступы депрессии...

Телега катилась себе по пыльной белой дороге, пока не скрылась из глаз.

И ничего не произошло. Жаворонки заливались в небе, летая так высоко, что их невозможно было разглядеть, ветер разносил по лугам семена трав, овцы блеяли на пастбищах Меловых холмов...

А потом что-то прокатилось следом за телегой. Оно было как маленький смерч — о том, что оно вообще здесь, говорило только облачко пыли над дорогой. Оно пролетело мимо, гудя, как туча мух.

И тоже скрылось за холмом.

Спустя какое-то время в траве раздался голосок:

— Раскудрить его! Оно ж за ней прет, зубдамс!

Другой голос сказал:

— Но стара-то карга ж его усечет, агась?

— Чегой? Учителка? Да кака с нее карга-то!

— У ней чепунец колом, Грамазд Йан, — возразил второй голос с легким упреком. — Ты на цветики-то ее не смотри, я сам зырил: она шнурик дерг — и чепунец как встопырится!

— Ах-ха, Хэмиш, твоя правда, как шкрябить и читить она будьте-нате, но чегой в книхах нет, об том она ни бум-бум. И ты как хошь, а я при ней носу не кажу. Она така, что сразу про тя шкряб-шкряб. А ну, быро — надо кельду сыскнуть.

Нак-мак-Фигли из клана Мелового холма ненавидели записи во всех видах по многим причинам, но главным образом потому, что *написанное остается написанным*. Письмо — способ поймать слова и пришпилить их к месту. Ты, значит, говоришь от души, а такой-какой чувырла за тобой — шкряб-шкряб! И кто его знает, что он потом с твоими словами сотворит!

Это ж все равно как тень твою к стенке прибить!

Но теперь у них появилась новая кельда, а новая кельда приносит новые идеи. Так специально заведено, чтобы жизнь и уклад клана не слишком застаивались. Кельда Джинни выросла в клане Долгого озера высоко в горах, а тамошние пикеты умели писать.

И она не видела причин, чтобы ее муж не умел. Так что в эту самую минуту Явор Заядло остро чувствовал на собственной шкуре, что Джинни — не кто-нибудь, а кельда.

По его лбу ручьями стекал пот. Явор Заядло однажды забил волка в одиночку и с радостью согласился бы повторить этот номер, причем с закрытыми глазами и с одной рукой, привязанной за спиной, лишь бы не делать того, что ему приходилось делать теперь.

Первоначальные навыки письма он уже освоил. В его понимании они заключались в том, чтобы:

- 1) стащить бумагу;
- 2) стащить карандаш.

Но, к его сожалению, дело этим не ограничилось.

И вот сейчас Явор Заядло держал огрызок карандаша обеими руками, а двое братьев толкали его к клочку бумаги, прибитому к стене (это был старый счет на колокольчики для овец). Остальные пикеты с трепетом наблюдали за действием, расположившись на многочисленных галереях.

— А мож, я мал-помалу начну, а? — упирался Явор Заядло. Упирался он так старательно, что его пятки оставляли две борозды на земляном полу пещеры. — Со всяких там препинаков...

— Ты — Большой Человек клана, Явор Заядло, знатца, должен быть перв и на письме. Чтоб мой муж — и не мог написать даж свое имя? Или я не показала те, как шкрябать буквы?

— Ах-ха, женщина, видал я те мерзавые гнутые разбредовины! А это ё на меня пырилось в ответ! Я б той букве люлей надавал, а то нагла больно!

— Слухай меня. Приткни карандаш к бумаге. Я буду грить, как шкрябить. — Джинни скрестила руки на груди.

— Да от этой шкрябиловки сплошь беды! — взвыл Явор Заядло. — Одно-едино писанное словцо может на висельницу привести!

— Ты мне это брось! — рявкнула Джинни. — Дело-то плево. Верзунские маляшки, и те шкрябают. А ты уже взрослявый Фигль!

— А ишшо эта шкрябиловка все грит и грит за тебя, даже когда ты давно копытсы клеил. — Явор Заядло размахивал карандашом так, будто пытался отогнать злых духов. — И не гри мне, что эт' норм.

— А, дык ты боишься? — пошла на хитрость Джинни. — Ну что ж, лады. Каждый Большой Человек чего-то да струснет. Забери у него карандах, Вулли. Не могу ж я требовать от мушцины, чтоб он заборол свои страхи.

В пещере повисла гробовая тишина. Туп Вулли неловко взял огрызок карандаша из рук Явора. Взгляды сотен крошечных глаз были прикованы к Большому Человеку. Явор Заядло развел руками. Свел их обратно. Громко засопел, сверля бумагу сердитым взглядом. И воинственно выпятил челюсть.

— А тебе грррабли в рот не кладай, Джинни мак-Фигль! — сказал он наконец, поплевал на ладони и выхватил у Тупа Вулли карандаш. — А ну, дай сюдыть это орудие погибели! Эти твои буковы даж не поймут, откуда ты по ним прилетело!

Он взял карандаш на изготовку и принял боевую стойку перед бумагой.

— Вот и молодца, — похвалила Джинни. — Первая букова — «Я». Эт' которая как жиренный верзун, который куды-кось топ-топает.

И Явор Заядло, на глазах у всего честного народца, высунув язык и сопя от усердия, кинулся в бой. Одолев очередную палочку или загогулину, он всякий раз вопросительно смотрел на кельду. Наконец дело было сделано.

— Вот и умница, — похвалила Джинни. — Неслабо сработано.

Явор Заядло отступил на шаг и критически осмотрел запись.

— Че, зубдамс? — спросил он.

— Зубдамс, — подтвердила кельда. — Ты таки нашкрябил свое имя, Явор Заядло!

Фигль снова уставился на клочок бумаги и спросил:

— И че, теперь век воли не повидать?

Рядом с кельдой кто-то негромко кашлянул, вежливо привлекая к себе внимание. Это была жаба, точнее, Жаб. Его все звали Жаб, потому что имена у жаб не в ходу. Что бы там ни думали люди, ни одну жабу не зовут Томми или еще как-нибудь. Такого просто не бывает.

Когда-то Жаб был адвокатом — и человеком, жабы-то обходятся без законников и законов. В жабу его превратила фея-крестная. Вообще-то она хотела превратить его в лягушку, но не очень хорошо представляла себе разницу. В последнее время Жаб жил в кургане вместе с Фиглями и приходил им на помощь, когда требовались умозаключения.

— Как я уже вам говорил ранее, господин Заядло, само по себе написание имени не может иметь никаких дурных последствий, — сказал

Жаб. — И в вашем имени в письменном виде нет абсолютно ничего противозаконного. Если только, — добавил он с чисто адвокатской усмешкой, — не рассматривать его как чистосердечное признание.

Никто из Фиглей не засмеялся. Они привыкли, чтобы шутки были малость, ну, посмешнее, что ли.

Явор Заяadlo с серьезными видом разглядывал свои весьма неровные каракули.

— Но эт' ж мое имя нашкрябано, а?

— Безусловно, господин Заяadlo, — подтвердил Жаб.

— И ничего дурственного с того не стряснулось, — констатировал Фигль. Он присмотрелся к буквам пристальнее. — А почему ты бум-бум, что оно справку мое?

— А вот за этим и надобно уметь читать, — вмешалась Джинни.

— Это когда буквы обращаются в голоса в балде? — уточнил Явор Заяadlo.

— В идеале — да, — сказал Жаб. — Но мы решили, вам проще будет начать с более *физической* стороны процесса...

— А мож, я тогось, токо шкрябить буду, а читит пусть кто-нить ишшо, а? — без особой надежды предложил Явор Заяadlo.

— Вот уж нае, мой муж должен и то, и другое уметь, — заявила Джинни, вновь сложив руки на груди.

Когда жены пикетов складывают руки на груди, остается только смириться с судьбой.

— О бедный я, все спротив мя — и женечина, и жаба, — покачал головой Явор. Но когда он снова уставился на плоды своих трудов, в его глазах промелькнула легчайшая тень законной гордости. — Но эт' все ж мое имя, так? — спросил он.

Джинни кивнула.

— Мое само взаправдашне шкрябано имя, и никаких вам «хватануть живым или мертвым» или чего ишшо тако. Мое имя, мной нашкрябано.

— Да, Явор, — сказала Джинни.

— Моенное имище, как есть. И никакая чучундра с ним ниче тако не сотварнет. Ниче ведь моему имищу не грозитя?

Джинни взглянула на Жаба, но тот лишь пожал плечами. Дело было в том, что мозги среди Фиглей распределяются неравномерно — большая часть достается женщинам.

— Эт' вам не хухры-мухры, это вам имище настоящее, шкрябано так, что никто ему нипочем, — не унимался Явор Заяadlo. — Эт' магия-чудия, вот что, эт'...

— Ты букову «я» нашкрябил нетудыть и запропустил «а» и «о» в «Заядло», — перебила Джинни, поскольку всякая порядочная жена должна заботиться о том, чтобы муж не лопнул от гордости.

— О женщина, я ни бум-бум, кудыть тот жиренный верзун прет, — отмахнулся Явор Заядло. — С этими жиряками никогда наперед не сказанешь, кудыть их понесет. Это каждый истовый шкрябильщик кумексает. Вон, зырь: то он топ-топ сюдыть, то — тудыть... — Он с гордостью воззрился на свою писанину:

РВОР ЗЯДА

— Ас этим «а-о» ты вообще ни бум-бум, — заявил он. — Все правно нашкрябано: «зэ», «я», «дэ» и «ло»: Заядло. Вишь? Кумексать надыть! — Он воткнул карандаш себе в волосы и, задрав нос, посмотрел на жену.

Джинни вздохнула. В детстве у нее было семьсот братьев, так что она отлично знала, что мысли любого мужчины бегут очень быстро, но зачастую совсем не в ту сторону. А если мужчинам не удастся приспособить то, что они думают, к тому, что есть, они норовят приспособить то, что есть, к тому, что они думают. И обычно, советовала ей мама, в таких случаях лучше с ними не спорить.

По правде говоря, только пять или шесть пикетов из клана Долгого озера умели как следует читать и писать. Грамоту считали странным увлечением, скорее для тех, кто малость не от мира сего. Ну в самом деле, какой с нее прок, когда, положим, начинается новый день? Буквы не помогут одолеть голыми руками форель или разбойно напасть на кролика с целью отобрать у него шубу и вкусное мясо. От писанины не запьянеешь. Ветер не прочитаешь, по воде не напишешь.

Но над записями не властно время. Они доносят голоса Фиглей, живших много лет назад, и видевших странное, и делавших удивительные открытия. От этого пикетов бросало в дрожь, потому-то некоторые считали, что читать и писать — дурное дело. Но в клане Долгого озера думали по-другому. И своему новому клану Джинни желала только добра.

Быть молодой кельдой нелегко. Ты приходишь в чужой клан вместе с несколькими братьями, которые отправились с тобой, чтобы тебя охранять. Там ты выходишь замуж, и у тебя разом появляются муж и несколько сотен деверей. Если слишком много думать об этом, сердцу становится неспокойно. Дома, на острове посреди озера, Джинни могла хотя бы с мамой поговорить. Но кельде никогда не вернуться в родной дом.

Если не считать нескольких братьев-телохранителей, она совсем одна.

Джинни страдала от одиночества, и тоски по дому, и страха перед будущим. Вот почему совершила ошибку...

— Явор!

В лаз, ведущий в пещеру и замаскированный под кроличью нору, ввалились Грамазд Иан и Хэмиш.

Явор Заядло сердито посмотрел на них:

— Эй, мы тута в буковы играемся!

— Ах-ха, Явор, но мы, как ты велел, зырили, чтоб наша мала карга типсы-топсы отбыла, а за ней роевник прется!

Явор Заядло выронил карандаш.

— Взаправды? Нивраз об них в этом мире не слыхал!

— Точняк, Явор! — подтвердил Грамазд Йан. — Он так гундел, что у меня все зубья заныли!

— Дык че ж вы ей не сказанули, тупитлы? — заорал Явор.

— Ас ней жо друга карга была, поучительная, — пояснил Грамазд Иан.

— Мисс Тик? — уточнил Жаб.

— Ах-ха, у ней ишшо лицеморда белая, что твои егурти, — кивнул Йан. — А ты грил, чтоб мы ей не казались, Явор.

— Ах-ха, но дык тут жо особ случай... — начал было Явор, но осекся.

Он был женат не так долго, но у всякого женатого мужчины довольно быстро вырабатывается особое чутье, целый ряд чувств от шестого и далее, которые подсказывают ему, что он вот-вот окажется по горло в неприятностях.

Джинни легонько притопывала ногой. Руки ее по-прежнему были скрещены на груди. На лице застыла улыбка, входящая в набор особых умений, которыми женщины со своей стороны тоже овладевают после свадьбы. Такая улыбка ясно говорит: «Да, ты по горло в неприятностях, но я еще чуть-чуть подожду — и дам тебе увязнуть по самую маковку».

— Что-что вы там грите про мал-мал каргу? — спросила она, и голос ее был тихим и тоненьким, точь-в-точь как у мышки, прошедшей обучение в Гильдии Наемных Грызунов-Убийц.

— Ой, ну, да, эт' самое... — заюлил Явор, изменившись в лице. — Ты разве ж ее не помятуешь, дорога-мила? Она и на свадьбе была ишшо... Мала карга была нашей кельдой день-друг, тако дело. Стара кельда с нее словесо взяла, прям перед тем, как в Догробный мир возвернуться, — добавил он, словно в надежде, что упоминание покойной кельды спасет его от надвигающегося урагана. — Ну вот мы и того, призыряем за ней мал-мал, она ж какс-никакс карга наша и вообче... — Он говорил все тише и тише, в конце концов умолк под взглядом Джинни.

— Истова кельда берет Большого Человека мужем, вот как я Явора Заядло взяла, — сказала она. — И что, я тебе плоха-нехороша жена?

— Хороша, ой хороша... — пробулькал Явор. — Но...

— А на двоих ты жениться не можешь, эт' двуженство будет, так иль нет? — продолжала Джинни сладким, как яд, голосом.

— Ох, до этого ж не дошло! — Явор Заядло принялся затравленно озираться в поисках путей к бегству. — И вообще, это ж токо на время было, она ж ишшо мал-мала девчура, но котелком варит, и...

— Тута я котелком варю, и я — кельда в этом клане, так иль нет? А кельда может быть токо одна, так иль нет? И мой котелок наварил, что боле никто за этой девчурой хвоститься не будет, ясно?

Стыд-позор на вашии балды! Девчурке не по нутру, когда умбал навроде Грамазда Йана на нее почем-здря пырится!..

Явор Заядло повесил голову:

— Ах-ха... Все так... Токо вот...

— Токо что?

— За бедной девчурой роевник тащится...

Джинни надолго замолчала, потом спросила:

— Точно?

— Ах-ха, о кельда, — встрял Грамазд Иан. — Его гундеж один раз пошьшишь — век не забуднешь.

Джинни побледнела и прикусила губу.

— Но ты грил, что с ней могуча карга, Явор?

— Ах-ха, токо никто нипочем ишшо не уносил ног от роевника! Его не пришибить, его не споймать, его не...

— А разве ты не грил мне, как та мала грамазда девчура билась с Кралькой и заборолла ее? — спросила Джинни. — Сквородксой ее пришибла, ты сказанул. Знатца, она крепок орех. Ежли она могуча карга, то сама смекнет, как быть. У кажденного свой судьбонос в жизни, и это — ее. Могуча карга должна сама эт' пройти.

— Ах-ха, но роевник жо пожутче, чем... — заикнулся Явор Заядло.

— Там, куды она едет, другие карги будут ее карговству учить, — твердо сказала Джинни. — А мне судьба кельдовству самой по себе учиться. Уповай, чтоб она училась так же шустро, как я, Явор Заядло.

Глава 2

ДВЕРУБАХИ И ДВА НОСА

Местечко Дверубахи оказалось просто-напросто изгибом дороги, которому зачем-то дали имя. Там всего-то и было, что постоянный двор для проезжающих, кузница и лавочка, в окне которой торчал самонадеянный кусок картона с надписью «СУВЕНИРЫ». И больше ничего. Вокруг, за полями и перелесками, тут и там виднелись дома, и их обитателям, возможно, Дверубахи казались Большим Городом. В любом мире полным-полно таких мест. Мест, откуда уезжают, но куда не едут.

Дверубахи тихо жарились под полуденным солнцем. Посреди пыльной дороги дремал престарелый спаниель, белый с коричневыми пятнами.

И все же Дверубахи были поселением посерьезнее, чем деревня поблизости от Родной фермы, и Тиффани никогда раньше не видела сувениров. Она зашла в лавочку и потратила полпенни на маленькую деревянную табличку с резным изображением двух рубах на бельевой веревке и пару открыток под названием «Вид на Дверубахи». На открытках были все та же лавочка и, возможно, все та же собака, спящая посреди дороги. Маленькая старушка за прилавком обратилась к Тиффани «юная госпожа» и рассказала, что ближе к концу года в Дверубахи съезжаются люди за милую^[5] окрест, чтобы посетить Праздник Квашения Капусты.

Выйдя из лавки, Тиффани обнаружила, что мисс Тик стоит посреди улицы рядом со спящей собакой и напряженно вглядывается туда, откуда они приехали.

— Что-то не так? — спросила Тиффани.

— А? — Мисс Тик вздрогнула от неожиданности, словно уже успела забыть о ее существовании. — О, нет, ничего. Просто я... Мне показалось, я... Послушай, почему бы нам не пойти немного перекусить?

Найти кого-нибудь живого на постоялом дворе оказалось нелегко, но мисс Тик решительно направилась на кухню и разыскала там женщину, которая пообещала принести им чай и булочки. Женщина сама не поняла, как вышло, что она им это пообещала, ведь официально она считалась свободной до прихода дилижанса. Но мисс Тик умела задавать вопросы, уже содержащие нужные ей ответы.

А еще мисс Тик спросила, нельзя ли принести сырое, то есть не приготовленное, и обязательно не надтреснутое яйцо. Способность

задавать вопросы так, чтобы собеседник не спросил в ответ: «А зачем?» — еще одно важное умение любой ведьмы.

Они выпили чаю с булочками, сидя на скамейке возле постоянного двора, на солнцепеке. Потом Тиффани достала дневник. Она и раньше вела дневник, но то был дневник молочни, и в нем говорилось про сыры. А этот дневник был про нее саму. Она купила его у бродячего торговца, совсем недорого, потому что он был прошлогодний. Но торговец верно сказал, что дней в нем все равно столько же.

Дневник запирался на маленький медный замочек крохотным ключиком. Замочек-то Тиффани и приглянулся. В определенном возрасте начинаешь ценить такие вещи.

Она открыла дневник и написала: «Дверубахи». Подумала немного и добавила: «Место, где дорога делает поворот».

Мисс Тик продолжала смотреть на дорогу.

— Что-то не так, мисс Тик? — спросила Тиффани снова, оторвавшись от дневника.

— Я... не уверена, — сказала ведьма. — Нас кто-нибудь видит?

Тиффани огляделась. Дверубахи сморил дневной сон. Никто на них не смотрел.

— Нет, мисс Тик.

Учительница сняла шляпу и достала из тульи пару маленьких палочек и катушку черных ниток. Закатала рукава и быстро глянула по сторонам, на случай, если в Дверубахи вдруг случится резкий рост населения. Убедившись, что никого нет, она оторвала кусок нитки и взяла яйцо.

Ее руки затанцевали так быстро, что невозможно было разглядеть, что они делают, — и вот уже яйцо покоится в аккуратном гамаке.

Это произвело на Тиффани глубокое впечатление.

Но мисс Тик еще не закончила. Она принялась доставать всякую всячину из карманов, а в карманах ведьмы всегда уйма всякой всячины. Там обнаружили несколько бусин, пара перышек, стеклянная линза и один-два клочка цветной бумаги. Все это ведьма тоже вплела в свою паутину.

— Что это? — заинтригованно спросила Тиффани.

— Путанка, — ответила мисс Тик, не отвлекаясь от своего творения.

— Это магия?

— Не совсем. Это уловка.

Мисс Тик подняла левую руку. Перья, бусины и яйцо закачались вместе с прочим содержимым ее карманов, вплетенным в причудливую сеть.

— Хм-м, — протянула она. — А теперь посмотрим-ка, на что тут можно посмотреть...

Она продела пальцы правой руки сквозь ячейки сети и потянула...

Яйцо, стекляшки и перья заплясали в путанице нитей, и Тиффани готова была поклясться, что в какой-то момент одна нить прошла сквозь другую.

— А, — сказала девочка. — Это что-то вроде «кошачьей колыбельки»!

— Ты умеешь играть с веревочкой, да? — спросила мисс Тик, по-прежнему сосредоточившись на путанке.

— Я умею делать все обычные фигурки, — сказала Тиффани. — «Алмазы», «колыбельку», «дом», «стадо овец» и «три старухи, одна из которых прищурилась, несут ведро рыбы на рынок, а им навстречу ослик»... Правда, эту я только один раз делала, для нее нужно двое, а Бетси Туппер не вовремя вздумалось почесать нос, так что мне пришлось выстригать ее ножницами...

Пальцы мисс Тик работали, как ткацкий станок.

— Выходит, это стало детской забавой... Смешно, — произнесла она. — Ага... — Ведьма пристально уставилась в густую паутину, которая у нее получилась.

— Вы что-то видите? — спросила Тиффани.

— Мне бы хотелось немного сосредоточиться, деточка. Можно? Спасибо...

Спаниель на дороге проснулся, зевнул и лениво поднялся на ноги. Легкой трусцой он подбежал к лавке, укоризненно глянул на Тиффани, после чего свернулся клубком у ее ног. От него пахло старым туалетным ковриком.

— Там... что-то есть... — очень тихо сказала мисс Тик.

Тиффани оцепенела от ужаса.

Белая пыль на дороге и каменная ограда напротив сверкали в лучах солнца. Пчелы с гудением садились на маленькие желтые цветы, растущие на стене. Привалившись к ноге Тиффани, храпел и попукивал спаниель.

Но все было как-то неправильно. Она чувствовала, что эта неправильность тяжким грузом лежит у нее на плечах, давит на нее, давит на мирный, залитый солнцем пейзаж, вдавливая его в землю. Мисс Тик с ее причудливой нитяной колыбелькой замерла рядом, застыв в пронзительно-ярком мгновении.

Только нити продолжали двигаться, сами по себе. Яйцо подпрыгивало и покачивалось, стекло пускало солнечные зайчики, бусины скользили, перемещаясь с нитки на нитку...

Яйцо взорвалось.

Дилижанс подъехал.

Он прикатил в облаке пыли и грохоте копыт, волоча за собой внешний мир. Он кляксой заслонил солнце. Двери открылись. Зазвенела сбруя. От лошадей валил пар. Спаниель уселся и с надеждой завилял хвостом.

А давящая неправильность ушла... Нет, не ушла — бежала.

Мисс Тик достала носовой платок и принялась отчищать яичные потеки с платья. Остатки путанки с удивительной быстротой скрылись в ее кармане.

Мисс Тик улыбнулась Тиффани и заговорила, не прекращая улыбаться, отчего вид у нее сделался немного безумный:

— Не вставай, ничего не делай, сиди тихо, как мышка.

Тиффани и не думала вставать и вообще шевелиться. Ощущение было как после пробуждения от кошмарного сна.

Пассажиры побогаче выбрались из дилижанса, пассажиры победнее слезли с его крыши. Покряхтывая и притопывая занемевшими ногами, они скрылись на постоялом дворе.

— А теперь, — сказала мисс Тик, когда дверь за последним путешественником закрылась, — мы немного... немного прогуляемся. На свежем воздухе. Видишь небольшой лесок выше по склону? Вот туда мы и отправимся. Завтра утром господин Крабохват, возчик, скажет твоему отцу, что он высадил нас тут как раз перед прибытием дилижанса, все будут счастливы, и никому не придется лгать. Это важно.

— Мисс Тик... — сказала Тиффани, поднимая свой чемодан.

— Да?

— Что это было?

— Не знаю, — ответила ведьма. — Ты как себя чувствуешь?

— Все... хорошо. У вас немного желтка на шляпу попало. И вас что-то очень беспокоит.

«А меня больше всего беспокоит то, что вы беспокоитесь», — мысленно добавила Тиффани.

— Жаль, что так вышло с вашим платьем.

— Оно видало переделки и похуже, — отмахнулась мисс Тик. — Идем.

— Мисс Тик... — снова окликнула Тиффани, когда они двинулись в путь.

— Да?

— Вы очень встревожены. Если вы поделитесь этим со мной, каждой из нас достанется по половине тревоги, так будет куда легче.

Мисс Тик вздохнула:

— Может, это все чепуха...

— Мисс Тик, яйцо взорвалось!

— Да. Гм. Э... Видишь ли, путанку можно использовать как прибор, улавливающий присутствие магии и усиливающий ее. Очень грубо, конечно, но иногда, когда ты толком не понимаешь, что происходит, это помогает. Думаю, я... наверное, что-то не так сделала. Кроме того, иногда в путанки попадают случайные магические разряды.

— Но вы беспокоились еще раньше, потому-то вы и стали плести ее.

— Беспокоилась? Глупости! Я всегда абсолютно спокойна! — отрезала мисс Тик. — Хотя, раз уж мы заговорили об этом, должна признаться, что я была озабочена. Что-то меня раздражало. Что-то совсем рядом, думаю. Но, может, мне просто показалось. На самом деле чем дальше мы идем, тем легче мне становится.

«А по вам этого не скажешь, — подумала Тиффани. — Ия ошибалась. Когда встревожены двое, это означает в два раза больше тревоги».

Но одно она знала точно: Дверубахи не содержат в себе ничего волшебного. Это просто изгиб дороги.

Минут через двадцать пассажиры вернулись, чтобы продолжить путь. Кучер удивился — почему лошади вспотели? И почему в воздухе раздается гудение тучи мух, а мух не видно?

Собаку, которая перед прибытием дилижанса спала на дороге, потом нашли в конюшне. Она пряталась в пустом стойле и скулила.

До леса мисс Тик и Тиффани добрались примерно за полчаса, чемодан несли по очереди. С виду он был лесок как лесок, росли в нем в основном буки, а подлеска не было. Но если знать, что с листьев бука капает неприятная ядовитая жидкость, которая убивает все молодые конкурирующие побеги, понимаешь, что буковые деревья не так просты, как кажутся.

Ведьмы сели на упавшее дерево на полянке и стали ждать заката. Мисс Тик рассказала Тиффани про путанки.

— Так в них нет ничего волшебного? — спросила Тиффани.

— Нет. Но они помогают волшебству.

— Это как очки, да? Они помогают видеть, но не могут увидеть за тебя.

— Очень хорошо подмечено! Что волшебного в телескопе? Да ничего, это просто труба со стеклянными линзами. Но если заглянуть в нее, можно

сосчитать драконов на Луне. А еще... Ты когда-нибудь стреляла из лука? Наверное, нет. Так вот, путанка может работать как лук. Когда стрелок натягивает тетиву, он как бы запасует свою силу, накапливает, а потом выпускает ее всю разом, и стрела летит дальше, чем ее можно было бы бросить рукой. И сделать лук, как и путанку, можно из того, что найдется под рукой, главное, чтобы все это... выглядело правильно.

— И путанка позволяет сказать, есть ли поблизости магия?

— Да, если это то, что ты хочешь узнать. А еще, если уметь с ней обращаться, она помогает творить собственную магию, направлять ее туда, куда тебе нужно. Она может служить оберегом, защищать тебя, с ее помощью можно переправить магию на расстояние... В общем, это как дорогой перочинный ножик, видела когда-нибудь? Такие, с крохотной пилкой, зубочисткой и ножницами? Хотя ведьмы, конечно, не ковыряются путанками в зубах, ха-ха. Каждая юная ведьма должна уметь сплести путанку. Тетушка Вровень тебя научит.

Тиффани рассеянно блуждала взглядом по лесу. У нее в голове всплывали и пропадали обрывки мудрости, которой учила ее мисс Тик: «Никогда не поворачивайся спиной к своему страху. Носи с собой ровно столько денег, сколько необходимо, и веревочку. Ты всегда в ответе, даже если вина не твоя. Ведьмы не отступают перед трудностями. Никогда не становись между двумя зеркалами. Не хихикай. Делай, что должна. Никогда не лги, но всегда говорить правду не обязательно. Никогда не загадывай желания. Особенно на падающую звезду — это чистейшая глупость с точки зрения астрономии. Открой глаза, а потом открой их снова».

— У тетушки Вровень длинные седые волосы, верно? — спросила Тиффани.

— Да.

— И она довольно высокая, самую малость полновата, носит целую кучу ожерелий, — продолжала Тиффани. — И еще очки на цепочке. А башмаки у нее на высоких каблуках, что странно.

Мисс Тик все поняла и огляделась:

— Где она?

— Вон, у дерева, — сказала Тиффани.

Тем не менее мисс Тик пришлось прищуриться, чтобы увидеть тетушку. Тиффани давно обратила внимание: ведьмы заполняют собой пространство. Они как будто более настоящие, чем все вокруг, хотя трудно подобрать слова, чтобы это объяснить. Если рядом есть ведьма, то ее больше, чем любого другого человека. Но если ведьма не хочет, чтобы ее

видели, заметить ее становится очень трудно. Она не прячется, не растворяется волшебным образом в воздухе, хотя со стороны это так и выглядит. Но если тебя попросят потом описать, кто был в комнате, ты как на духу скажешь, что ведьмы там не было. Они словно позволяют себе исчезнуть, затеряться.

— Ах да, теперь вижу, — сказала мисс Тик. — Молодец. Я все думала, когда же ты ее заметишь.

«Ха!» — подумала Тиффани.

Тетушка Вровень шла к ним, и чем ближе она подходила, тем реальнее становилась. Она была вся в черном и немного позвякивала при каждом шаге из-за многочисленных черных украшений. И еще она носила очки, что показалось Тиффани очень странным для ведьмы. В целом госпожа Вровень напомнила ей довольную жизнью курицу. И рук у нее было только две, как и положено.

— А, мисс Тик, — сказала тетушка Вровень, подойдя ближе. — А ты, должно быть, Тиффани Болен.

Тиффани вежливо поклонилась. Ведьмы не делают реверансов (если только не хотят до смерти засмуцать Роланда).

— Я бы перемолвилась с госпожой Вровень парой слов наедине, Тиффани, если ты, конечно, не против, — сказала мисс Тик, многозначительно подчеркнув конец фразы. — О некоторых вопросах, которые касаются только старших ведьм.

«Ха!» — подумала Тиффани снова. Ей нравилась эта мысленная интонация.

— Тогда я, пожалуй, пойду взгляну поближе на какое-нибудь дерево, да? — сказала она, надеясь, что прозвучало это с убийственным сарказмом.

— На твоём месте, дорогуша, я бы сбегала в кусты! — посоветовала тетушка Вровень ей вслед. — Не люблю делать промежуточные остановки.

Поблизости росли густые кусты падуба, в которых можно было прекрасно укрыться от посторонних глаз, но Тиффани скорее согласилась бы, чтобы ее мочевой пузырь лопнул, чем воспользовалась ими после такого напутствия. С ней разговаривали так, будто ей десять лет!

«Я одолела Королеву эльфов! — мысленно возмущалась она, уходя подальше в лес. — Да, конечно, я не знаю, как это у меня получилось, и сейчас все кажется сном, но я это правда сделала!»

Она кипела от злости за то, что ее отослали прочь, как маленькую. Немного уважения никогда не повредит, верно? Как там говорила госпожа Ветровоск? «Я выражаю тебе мое почтение, покуда ты в ответ проявляешь уважение ко мне». Госпожа Ветровоск, мастерству и мудрости которой

втайне завидуют все ведьмы, выразила Тиффани почтение, так, казалось бы, почему бы и остальным не попробовать обращаться с ней в том же духе?

Тиффани сказала:

— Меня видно, — оставила свое тело и невидимым призраком двинулась обратно, к мисс Тик и тетушке Вровень.

Она не решалась смотреть под ноги, поскольку боялась увидеть, что никаких ног нет. Когда она обернулась туда, где осталось ее тело, то убедилась, что оно смиренно стоит у кустов падуба, откуда точно ничего не подслушать.

Незримо подобравшись поближе к ведьмам, Тиффани услышала:

— ...но не по годам развитая, вот что пугает.

— Ох-хо-хонюшки. Никогда не умела толком обращаться с умниками, — вздохнула тетушка Вровень.

— О, в душе она очень милое дитя, — заверила ее мисс Тик, и это разозлило Тиффани даже больше, чем «не по годам развитая».

— Вы, конечно, знаете мои обстоятельства, — сказала тетушка Вровень, пока Тиффани придвигалась еще чуточку ближе.

— Да, тетушка, но ваша работа говорит сама за себя, у вас прекрасная репутация. Потому-то госпожа Ветровоск и предложила отправить Тиффани именно к вам.

— Ой, боюсь, я в последнее время стала ужасно рассеянная, — пожаловалась госпожа Вровень. — Представляете, еле добралась сюда — забыла свои очки для дали на другом носу, как последняя дурочка!

«На другом носу?» — не поняла Тиффани.

Вдруг ведьмы, как по команде, замерли. Потом мисс Тик воскликнула:

— У меня нет при себе яйца!

— Не беда, как раз на такой случай у меня припасен жук в спичечном коробке! — пискнула тетушка Вровень.

Обе ведьмы спешно стали рыться в карманах и вскоре извлекли оттуда нитки, перья, цветные лоскутки...

«Они знают, что я здесь», — испугалась Тиффани и прошептала:

— Меня не видно!

Вернувшись в свое тело, снова став маленькой девочкой, смиренно ожидающей на приличествующем расстоянии, она моргнула и резко повернулась. Вдалеке тетушка Вровень лихорадочно плела путанку, а мисс Тик оглядывалась по сторонам.

— Тиффани, иди сюда сейчас же! — крикнула она.

— Да, мисс Тик, — отозвалась Тиффани и, как паинька, потрусила

обратно.

«Они каким-то образом почувствовали мое присутствие, — думала она. — И ничего удивительного, все-таки они ведьмы, хоть я бы и не сказала, что такие уж могущественные...»

И тут на нее снова навалилась тяжесть. Не только на нее — весь лес, казалось, вдавило в землю, и нахлынуло жуткое ощущение, будто прямо за спиной кто-то стоит. Тиффани упала на колени, зажимая ладонями уши — они вдруг страшно заболели, голову сдавило так, что она чуть не лопалась...

— Готово! — крикнула тетушка Вровень и подняла повыше путанку.

Ее путанка получилась совсем не такой, как у мисс Тик: она была сплетена из шнурка, вороньих перьев и блестящих черных бусин, а в середине покачивался обычный спичечный коробок.

Тиффани закричала. Боль жалила раскаленными иглами, уши наполнились гудением насекомых...

Коробок взорвался.

И все стихло, и снова запела птица — будто ничего и не произошло. И только несколько ошметков коробка и оторванное радужное крыло, кружась в воздухе, медленно опускались на землю.

— Ох-хо-хо, — сокрушенно вздохнула тетушка Вровень. — Он был очень хорошим жуком, по жучиным-то меркам...

— Тиффани, ты как? — спросила мисс Тик. — Все в порядке?

Тиффани моргнула. Боль исчезла так же резко, как и появилась, оставив после себя только жгучее воспоминание. Девочка с трудом поднялась на ноги.

— Кажется, да, мисс Тик.

— Тогда скажи-ка мне кое-что... — потребовала мисс Тик, с суровым видом шагая к ней.

— Да, мисс Тик?

— Ты ничего... не делала? Ничего не призывала?

— Нет! Да я и не умею! — сказала Тиффани.

— А эти твои маленькие человечки? Они тут точно не замешаны? — спросила ведьма с подозрением.

— Они не мои, мисс Тик. И они ничем таким не занимаются. Они просто орут «Раскудрить!» и начинают пинать людей по лодыжкам. Их сложно не узнать.

— Ладно... Не знаю, что это было, но, похоже, оно ушло, — вмешалась тетушка Вровень. — И нам тоже пора, иначе придется лететь всю ночь.

Она протянула руку и достала из-за дерева вязанку хвороста. То есть это выглядело как вязанка хвороста, потому что так было задумано.

— Мое собственное изобретение, — скромно сказала тетушка Вровень. — Если показаться с этим на равнинах, никто ничего не заподозрит, верно? А чтобы ручка выскочила, надо просто нажать вот эту кнопочку... Ой, простите, так иногда с ней бывает. Кто-нибудь видит, куда она упала?

Ручка обнаружилась в кустах, и им удалось прикрутить ее на место.

Тиффани умела слушать, а потому пригляделась к тетушке Вровень внимательнее. У старой ведьмы, как ни посмотри, был только один нос. И даже подумать было страшно, где человек может держать второй и зачем он нужен.

А потом тетушка Вровень достала из кармана моток крепкой веревки и протянула ее кому-то, кого рядом не было. Именно так, отметила про себя Тиффани, не бросила и не уронила, а словно повесила на несуществующий крюк.

Веревка упала в мох, свернувшись кольцами. Тетушка Вровень посмотрела на нее, потом поймала взгляд Тиффани и неловко усмехнулась:

— Вот я глупая! Забыла, что меня там нет. Когда-нибудь я и собственную голову забуду.

— Если вы о той, что у вас на плечах, — осторожно проговорила Тиффани, — то она на месте.

Потрепанный чемодан привязали веревкой к тому концу метлы, где прутья. Сама метла при этом терпеливо парила в нескольких футах^[6] от земли.

— Вот так, получилось для тебя удобное креслице, — проговорила тетушка Вровень. Как и большинство людей, под пристальным взглядом Тиффани она успела превратиться в комок издерганных нервов. — Садись сзади и держись за меня. Гм. Я всегда так делаю.

— Вы всегда держитесь за саму себя, сидя сзади? — переспросила Тиффани. — Но как...

— Тиффани, мне всегда нравилась твоя способность поставить вопрос ребром, — резко вмешалась мисс Тик. — Но теперь мне бы хотелось, чтобы ты немного поупражнялась в искусстве вовремя промолчать. Садись за тетушкой Вровень, ей наверняка хочется одолеть хотя бы часть пути, пока солнце не село!

Метла немного качнулась в воздухе, когда тетушка Вровень взгромоздилась на нее. Ведьма приглашающе похлопала по ручке позади себя:

— Ну, садись, Тиффани. Ты ведь не боишься высоты?

— Нет, — сказала Тиффани.

— Увидимся на Испытаниях! — крикнула ей мисс Тик, когда метла стала плавно подниматься. — Береги себя!

Как оказалось, тетушка Вровень неправильно сформулировала вопрос, когда интересовалась, не боится ли Тиффани высоты. Высоты Тиффани совершенно не боялась. Она могла ходить мимо деревьев-великанов, и глазом не моргнув. И вид горных круч ее тоже нисколько не беспокоил.

На самом деле чего она боялась, хотя и не знала об этом, пока они не взмыли над лесом, это пустоты. Ее очень пугала возможность падать в эту пустоту внизу так долго, что, пока летишь, в легких от крика кончится воздух, а когда приземлишься, кости искрошатся в пыль и вообще от тебя только мокрое место останется. То есть на самом деле она боялась земли. Тетуске Вровень стоило бы подумать об этом, прежде чем спрашивать.

Тиффани вцепилась в пояс старой ведьмы и уставилась на платье у нее на спине.

— Ты раньше летала, Тиффани? — спросила госпожа Вровень, пока они набирали высоту.

— Гмф! — выдавила девочка.

— Если хочешь, я могу заложить небольшой круг. С высоты открывается прекрасный вид на твою страну!

Ветер свистел у Тиффани в ушах. Наверху оказалось очень холодно. Она упрямо смотрела только перед собой, в спину ведьмы.

— Хочешь? — переспросила тетушка Вровень, и ветер засвистел пуще прежнего. — Это много времени не займет!

Тиффани просто не успела отказаться. Она вообще боялась открыть рот, чтобы не стошнило. Метла накренилась под ней, и мир лег набок.

Она не хотела смотреть вниз, но одно из свойств настоящей ведьмы — жгучее любопытство, граничащее с неприличием. И чтобы быть настоящей ведьмой, она обязана была посмотреть.

Набравшись смелости, девочка бросила взгляд на мир внизу. Ало-золотые лучи закатного солнца омывали землю. Дверубахи, деревья, села внизу отбрасывали длинные тени. А дальше, позади, выступал из земли первый холм, он был красный от солнца, и Белая Лошадь горела золотом, словно золотой кулон великанши. Тиффани уставилась на нее во все глаза. В угасающем свете дня среди растущих наперегонки теней казалось, будто Лошадь живая.

И Тиффани захотелось спрыгнуть с метлы, побежать назад, закрыть

глаза и ударить каблуком о каблук — все, что угодно, лишь бы оказаться там...

Нет! Она ведь завязала свою тоску по дому в узелок и оставила позади. Ей надо учиться, а в холмах ее учить некому.

Но Мел был ее миром. Ее ноги ступали по нему каждый день. Она чувствовала мириады крошечных жизней под подошвами. Мел был у нее в костях, в точности как говаривала матушка Болен. И в имени ее тоже: на древнем языке Нак-мак-Фиглей имя Тиффани означало «земля под волной», и она мысленно видела, как идет по дну доисторического моря, а сверху сыплется медленный дождь из ракушек, из которых потом родится мел холмов. Она ходила по земле, сделанной из живых существ, дышала ею, прислушивалась к ней, посвящала ей свои мысли...

И видеть эту землю теперь, такую маленькую и одинокую, посреди других стран и земель, протянувшихся до самого края света, было невыносимо. Надо вернуться...

Метла качнулась в воздухе.

Нет! Я должна лететь вперед!

Метла рванулась вперед, снова заложила вираж, отчего Тиффани чуть не стошнило, и устремила к горам.

— Должно быть, небольшое завихрение в воздухе, — сказала тетушка Вровень через плечо. — Кстати, милочка, надеюсь, мисс Тик предупредила тебя насчет теплых шерстяных панталон?

Тиффани все еще не пришла толком в себя, но умудрилась что-то отрицательно промычать. Мисс Тик, конечно, говорила, что всякая ведьма, у которой есть голова на плечах, надевает в полет не меньше трех пар панталон во избежание обледенения, но Тиффани о них забыла.

— О-хо-хо, — расстроилась госпожа Вровень. — Тогда лучше полетим на бреющем.

Метла камнем провалилась вниз.

Этот полет Тиффани запомнила навсегда, хотя очень старалась забыть. Они летели над самой землей, едва не касаясь ее ногами, но так быстро, что все внизу сливалось в неразборчивое мельтешение. Когда впереди появлялась изгородь или забор, тетушка Вровень вздергивала метлу с криком: «Оп-па!» или «Гоп-ля-ля!», и они прыгали. Возможно, этими криками ведьма хотела подбодрить Тиффани. Но у нее ничего не вышло. Тиффани дважды вырвало.

Тетушка Вровень летела, пригнувшись к самой ручке метлы, чтобы как можно лучше использовать аэродинамические преимущества остроконечной шляпы. Шляпа у нее была не слишком высокая, всего

дюймов девять в тулье, и больше смахивала на шутовской колпак, с которого срезали бубенчики. Позже Тиффани узнала, что тетушка Вровень нарочно носила такую приземистую шляпу, чтобы не приходилось снимать ее, заходя в низкие деревенские домишки.

Спустя какое-то время — вечность, как показалось Тиффани, — они оставили фермы позади и углубились в предгорья. Вскоре и деревья тоже кончились, и вот метла уже летит над широкой рекой, вода в ней бурная и белая, там и тут, словно клинья, торчат острые камни. Башмаки стали мокрыми от брызг.

Тетушка Вровень прокричала сквозь рев воды:

— Отклонись чуть назад, пожалуйста! Сейчас будет довольно сложный маневр!

Тиффани отважилась взглянуть вперед поверх плеча ведьмы и ахнула.

На Меловых холмах было не так уж много водоемов, если не считать ручейков, которые стекали с гор по весне и начисто высохали летом. По соседству, огибая холмы, текли и большие реки, но они были медлительные и покладистые.

Поток впереди не был ни медлительным, ни покладистым. Он стоял дыбом.

Река взмывала до самого неба, где уже показались первые звезды. Метла явно собиралась последовать за ней.

Тиффани отклонилась назад и завизжала. И продолжала визжать, когда метла встала торчком и полетела вверх по водопаду. Тиффани, конечно, было известно слово «водопад», но слово — это одно, а сам водопад — совсем другое, он куда больше, мокрее и громче.

От брызг она промокла насквозь. От грохота почти оглохла. Помело летело вверх сквозь водяную взвесь и рев, и Тиффани цеплялась за пояс тетушки Вровень вне себя от страха, что может упасть в любое мгновение...

А потом ее швырнуло вперед — и шум водопада остался позади, метла снова приняла нормальное положение. Река продолжила бурлить и пениться, но теперь, по крайней мере, у нее хватало совести делать это на ровной земле.

Слева и справа высились холодные скалы, над головой ущелье перечеркивал мост. Но постепенно каменные стены становились все ниже, река — все спокойнее, воздух — все теплее, и вот уже метла скользит над гладкой и тихой водой, которая, должно быть, не знает, что ждет ее впереди. Серебряные рыбки сновали под ногами двух ведьм, летящих над самой рекой.

Спустя какое-то время тетушка Вровень свернула к берегу, и они помчались над возделанными полями. Поля были меньше и зеленее, чем в родном краю Тиффани. Снова стали попадаться деревья, а потом и небольшие глубокие долины, заросшие лесом. Но последние лучи солнца уже гасли у горизонта, и вскоре все погрузилось во тьму.

Должно быть, Тиффани задремала, не ослабляя хватки на поясе тетушки, потому что вдруг резко очнулась, когда метла замерла в воздухе. Они парили довольно высоко, но внизу, под ними, кто-то обозначил место для посадки огненным кругом, расставив огарки свечей в горшочках.

Медленно, осторожно разворачиваясь, метла пошла вниз и наконец зависла у самой земли.

Ноги Тиффани решили, что теперь можно и расплестись, и она свалилась на траву.

— Вот и прилетели! — жизнерадостно воскликнула тетушка Вровень, помогая ей подняться. — Ты держалась молодцом!

— Простите, что раскричалась и что меня стошнило, — сказала Тиффани.

Она споткнулась о горшочек, свеча выкатилась из него и погасла. Девочка попыталась разглядеть что-нибудь в темноте, но перед глазами все плыло.

— Тетушка Вровень, а кто зажег свечи?

— Я. Пойдем-ка в дом, а то уже холодает... — залопотала ведьма.

— А, поняла. Вы зажгли их магией. — Голова у Тиффани все еще кружилась.

— Ну, конечно, магией тоже можно, — сказала ведьма, — но лично я предпочитаю спички. Это гораздо проще, а кроме того, если подумать, спички сами по себе чудо.

Она отвязала чемодан и сказала:

— Что ж, вот мы и дома! Надеюсь, тебе здесь понравится!

Опять этот натужно-жизнерадостный тон... Тиффани по-прежнему подташнивало, кружилась голова, и ей требовалось как можно скорее выяснить, где тут уборная, но даже в таком состоянии ее уши все слышали, а разум не переставал думать. И он подумал: эта жизнерадостность шита белыми нитками. Что-то тут не так...

Глава 3

ЕЁ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА

Тетушка Вровень жила в небольшом домике, но Тиффани пока не удавалось как следует рассмотреть его из-за темноты. Вокруг дома сгрудились яблони. Что-то висевшее на ветке коснулось ее щеки, качнулось в сторону и тихонько дзинькнуло, когда девочка на подкашивающихся ногах пробиралась вслед за тетушкой. Откуда-то издалека доносился шум падающей воды.

Тетушка Вровень между тем открыла дверь, которая, как оказалось, вела в кухню — маленькую, ярко освещенную и очень чистенькую. В железной печке с плитой весело трещал огонь.

— Эмм... я ведь как бы ученица, — сказала Тиффани, хотя так и не отошла от полета. — Я заварю чай, только покажите, где лежит посуда и...

— Нет! — выпалила тетушка Вровень, вскинув руки. Похоже, ее саму напугала собственная резкость, потому что, когда она опустила руки, они немного дрожали. — Нет, — повторила она уже спокойнее. — У тебя и так был тяжелый день. Я покажу тебе твою комнату и где тут что и принесу поесть, а к обучению приступим завтра. Спешить некуда.

Тиффани посмотрела на чугунок, тихо побулькивающий на плите, потом на каравай на столе. Ее ноздри уловили запах свежесдобитого хлеба.

Была у Тиффани одна особенность, которая сильно осложняла жизнь: ей вечно не давал покоя ее Дальний Умысел^[7]. И сейчас он заметил: ведьма живет одна. Кто же тогда растопил печь? Вариво в чугунке надо время от времени помешивать. Кто его помешивал? И кто-то зажег свечи. Кто?

— Тетушка Вровень, здесь живет кто-нибудь еще? — спросила она.

Ведьма в отчаянии поглядела на чугунок, на хлеб, потом снова на Тиффани.

— Нет, только я, — сказала она, и Тиффани откуда-то знала, что это чистая правда. Или, по крайней мере, какая-то правда.

— Может, поговорим утром? — произнесла тетушка почти умоляюще.

У нее сделался такой несчастный вид, что Тиффани даже стало ее жаль. Девочка улыбнулась и сказала:

— Конечно, тетушка Вровень.

Хозяйка устроила ей небольшую экскурсию при свечах. Уборная

обнаружилась недалеко от домика. Она была рассчитана на двоих, что показалось Тиффани несколько странным. Конечно, может быть, раньше здесь жило больше людей. А еще в доме была комната, отведенная только для мытья. Там стояли водяная колонка и большой котел, чтобы греть воду. По меркам Родной фермы Тиффани, это была непозволительно легкомысленная трата места в доме и вообще роскошество.

Комната, которую наставница отвела Тиффани, оказалась... миленькой. Пожалуй, это было самое подходящее слово. Повсюду виднелись оборочки или еще какие-то украшения. Все, что можно укрыть кружевными салфеточками, было ими укрыто. Кто-то очень старался придать спальне веселый вид, который будто бы говорил: «Ах, как здорово быть спальней!» Дома у Тиффани в комнате лежал половик из грубой рогожи, стояли на подставке тазик и кувшин для умывания, еще там были большой деревянный короб для одежды, старый кукольный дом и выдавшие виды ситцевые занавески. Вот в общем-то и все. На ферме спальни служили, чтобы было где закрыть глаза.

А в этой комнате даже комод стоял. Все пожитки из чемодана Тиффани с легкостью уместились в одном из его ящичков.

Кровать, когда девочка присела на нее, не издала ни звука. Дома ее кровать была такой старой, что в ней образовалась уютная вмятина, и каждая пружина скрипела на свой лад. Если Тиффани не спалось, она могла, ерзая на постели, заставить пружины сыграть «Колокола Святого Когтея»: скрип-скряп-вззззнь, блям-плям-уамм, плим-блим-уимм, дзинь-бадам.

И пахло тут совсем не как дома. Тут пахло комнатой, в которой никто не живет, и чужим мылом.

На дне чемодана Тиффани лежала маленькая деревянная шкатулка, которую сделал для нее господин Чурбаке, плотник, работавший на ферме. Он не имел привычки к тонкой работе, так что шкатулка вышла довольно тяжелой. Тиффани хранила в ней... ну, все то, что хотелось сохранить на память. Там лежал кусок мела с кремнем внутри — такое встречается довольно редко, — а еще ее собственный штамп, которым она делала на кусках сбитого масла отпечатки в виде ведьмы на метле, и камушек с дыркой — на счастье. (Тиффани подобрала его, когда ей было семь лет, потому что услышала, будто такие камни зовут «счастливыми». Она так и не поняла, каким образом дырка делает камень счастливым, но этому камушку, похоже, и правда повезло: он сначала жил у нее в кармане, потом переселился в шкатулку, а мог бы валяться на земле, где его пинали бы люди и норовили переехать телеги.).

Еще в шкатулке хранились желто-голубая обертка от табака «Веселый капитан», перо канюка и древний наконечник стрелы, сделанный из кремня и бережно завернутый в клок овечьей шерсти.

Такие наконечники часто находили в холмах, Нак-мак-Фигли использовали их для копий.

Тиффани аккуратно расставила вещицы на комод, положив туда же свой дневник, но комната от этого не стала больше напоминать дом. Вещи выглядели потерянными, одинокими.

Она взяла обертку от табака и клок шерсти и втянула носом их запах. Конечно, это был не совсем запах старой пастушьей кибитки, но очень похожий, и на глаза у нее навернулись слезы.

Тиффани никогда раньше не доводилось ночевать за пределами Меловых холмов. Она слышала, что есть такая болезнь — тоска по дому. Может быть, это неуютное щемящее чувство, поднимающееся в душе, и есть...

В дверь постучали.

— Это я, — донесся приглушенный голос.

Тиффани вскочила с кровати и открыла дверь.

Тетушка Вровень принесла на подносе миску мясного рагу и хлеб. Она поставила поднос на столик у кровати.

— Когда поешь, поставь посуду на пол за дверью, — сказала ведьма. — Я заберу ее позже.

— Большое спасибо, — вежливо поблагодарила Тиффани.

В дверях тетушка задержалась и сказала:

— Так хорошо, когда в доме есть с кем словом перемолвиться, не все ж с собой разговаривать. Я правда очень надеюсь, что ты захочешь остаться, Тиффани!

Тиффани широко улыбнулась ей и дождалась, когда шаги ведьмы стихли внизу. Тогда она на цыпочках прокралась к окну, чтобы проверить, не забрано ли оно решеткой.

Решетки не оказалось. Но в лице тетушки Вровень было что-то такое, отчего дрожь пробирала. В ее глазах разом отражались и жажда, и надежда, и мольба, и страх...

Тиффани подошла к двери и убедилась, что она запирается изнутри.

Еда на вкус оказалась совершенно обычным мясным рагу, и было совсем не похоже, что его сделали, ну, к примеру, теоретически ведь и такое могло быть, из той бедняжки, которая работала здесь раньше.

Чтобы быть ведьмой, нужно иметь очень живое воображение. Но в эти минуты Тиффани жалела, что оно у нее настолько живое. Ведь госпожа

Ветровоск и мисс Тик не отправили бы ее сюда, если бы здесь было опасно? Или как раз наоборот?

А ведь они могли так поступить. Очень даже могли. Ведьмы считают, что легкие пути до добра не доводят. Ты должна уметь думать головой. А если не умеешь, значит, и в ведьмах тебе делать нечего. В жизни тоже все непросто, говорят они. И никто не обещал, что будет легко. Научись учиться быстро.

Но... даже если так, они бы оставили ей шанс на спасение, правда?

Ну конечно.

Почти наверняка.

Тиффани уже почти доела рагу, приготовленное совершенно-точно-без-добавления-человечины, когда что-то невидимое потянуло миску у нее из рук. Усилие казалось очень-очень слабым, и когда девочка машинально придержала миску, мгновенно исчезло, как будто его и не было.

Так-так, подумала Тиффани. Еще одна странность. Хотя чего удивляться — это ведь домик ведьмы.

Что-то потянуло у нее ложку, но опять-таки отступило, когда девочка не позволила ее забрать.

Закончив есть, она положила миску и ложку на поднос и сказала, надеясь, что голос не дрогнет от страха:

— Я поела. Теперь можно.

Поднос плавно воспарил над столиком и поплыл к двери, где и опустился на пол.

Засов сам собой отодвинулся.

Дверь открылась.

Поднос взлетел и уплыл за дверь.

Дверь закрылась.

Засов вернулся на место.

Слышно было, как на темной лестнице позвякивает ложка.

Тиффани всегда считала важным подумать, прежде чем что-нибудь делать. И она подумала: было бы очень глупо бегать по дому с дикими воплями только потому, что поднос взял и уплыл. В конце концов, какая бы неведомая сила его ни забрала, она вполне вежливо заперла за собой дверь. Надо понимать, эта сила уважает право Тиффани на уединение, хотя и грубо его нарушает.

Так что Тиффани почистила зубы, переоделась в ночную рубашку и забралась под одеяло. И задула свечу.

Потом снова встала, зажгла свечу и, поднатужившись, передвинула комод так, чтобы подпереть им дверь. Она не смогла бы ответить, зачем

сделала это, но на душе стало спокойнее.

Тиффани снова легла и погасила свечу.

Она привыкла спать под редкое бляение овец и позвякивание колокольчиков на лугах.

Здесь, в горах, некому было бляеть и нечему позвякивать, и всякий раз, когда бляение или звон не раздавались, она подскакивала с мыслью: «Что это было?»

Но потом она все же заснула, а посреди ночи ее разбудил тихий шорох: комод медленно-медленно полз на место.

Тиффани проснулась живой и нерасчлененной, когда небо за окном еще только начинало сереть перед рассветом. Пели незнакомые птицы.

В доме стояла тишина, и Тиффани подумала: «Я ведь теперь в ученицах, верно? Значит, моя обязанность — прибратся и развести огонь. Я знаю, как оно заведено».

Она села в кровати и оглядела комнату. Ее старая одежда была аккуратно сложена на комод. Памятные вещицы с него исчезли, и только после отчаянных поисков выяснилось, что они убраны в шкатулку на дне чемодана.

— Значит, так, — сказала Тиффани, обращаясь к комнате в целом. — Я — карга, понятно? Так что, если здесь есть Нак-мак-Фигли, сейчас же покажитесь!

Ничего не произошло. Да она и не думала, что произойдет. Нак-мак-Фигли не были такими уж рьяными любителями наводить порядок.

Тогда Тиффани переставила подсвечник с прикроватного столика на комод и отошла. И снова ничего не произошло.

Она отвернулась к окну, и в этот самый миг что-то тихонько тюкнуло.

Когда Тиффани резко повернулась обратно, подсвечник уже стоял на столике.

Так-так... Что ж, сегодняшней день станет днем ответов на вопросы. Тиффани слегка разозлилась, и ей понравилось это состояние. Оно помогало не думать о том, как же нестерпимо ей хочется домой.

Она стала одеваться и вдруг нащупала в кармане платья мягкий сверток.

Как же она могла забыть! Но день был таким долгим, таким насыщенным... а может, ей и хотелось забыть.

Тиффани достала подарок Роланда и бережно развернула белую упаковочную бумагу.

Украшение на цепочке.

Лошадь.

Тиффани уставилась на нее во все глаза.

Не про то, как лошадь выглядит, а про то, что лошадь есть на самом деле. Ее сделали, срезав дерн до самого мела, много-много лет назад, когда даже сама история еще не началась. И тем, кто ее сделал, удалось несколькими плавными линиями передать то, что составляет лошадиную суть: силу, грацию, красоту, стремительность. Лошадь как будто пыталась сорваться со склона холма и умчаться вдаль.

А потом, совсем недавно, кто-то догадался сделать ее из серебра. У этого человека определенно хватало ума и таланта, и изделия его наверняка стоили дорого. Серебряная лошадь была плоской, в точности как настоящая Белая Лошадь, и, как у настоящей Белой Лошади, некоторые составлявшие ее линии не соединялись с другими. Но мастер скрепил детали тонюсенькими серебряными цепочками, и Тиффани, в восторге взяв украшение в руки, обнаружила, что эта Лошадь совсем как настоящая, стремительная в своей неподвижности.

Ее просто необходимо было примерить. Но в комнате не имелось ни одного зеркала, даже маленького. Что ж...

— Меня видно, — сказала Тиффани.

Далеко-далеко, на равнинах, нечто, потерявшее след, встрепенулось. Мгновение ничего не происходило, потом туман над полем расступился, и что-то невидимое двинулось к горам, жужжа, как туча мух.

Тиффани закрыла глаза, сделала пару шажков в сторону, несколько шагов вперед, осторожно повернулась и открыла глаза. Она стояла перед собой, неподвижная, будто нарисованная. Лошадь прекрасно смотрелась поверх нового платья, серебряная на зеленом.

Интересно, сколько Роланд за нее заплатил? И почему?

— Меня не видно.

Тиффани медленно сняла цепочку, снова завернула подарок в бумагу и положила в шкатулку, к прочим вещам из дома. Потом отыскала одну из открыток с видом на Дверубахи и огрызок карандаша и вдумчиво, старательно написала Роланду несколько слов благодарности. Тут совесть напомнила о себе, и Тиффани использовала вторую открытку, чтобы дать знать родителям, что она пока что вполне жива-здорова.

В задумчивости она пошла вниз.

Вечером в потемках было мало что видно, поэтому она только сейчас заметила, что стена вдоль лестницы вся заклеена старыми афишами, где каждая строчка была напечатана буквами разного размера и стиля. Они извещали о чем-то вроде:

Сногшибательное представление! Спешите видеть!

Три арены
и комната небывалостей
в цирке
профессора Монти Угорайтона!*

Удивительный
Джек-с-Подвывихом
засунет голову льва
в свою пасть!!!

Лошадь, у которой голова вместо хвоста!

~~~~~ За отдельную плату: антре!!! ~~~~~

КЛОУНЫ! КЛОУНЫ! КЛОУНЫ!

**Летающие братья Пастрими победят самую
могучую силу Вселенной — гравитацию!**

* без страховки *

~~~~~

Мул-чечёточник Кларенс!

Удивительные
Топси и Типси

* Чтежиж мясней на расстоянии! *

И так далее, и тому подобное, вплоть до самых последних строчек, отпечатанных мелкими буквами. Все это буйство красок и слов в маленьком домишке посреди леса смотрелось несколько неуместно.

Тиффани отыскала кухню. Там было холодно и тихо, только тикали висевшие на стене часы. Обе стрелки отвалились и лежали внизу стеклянной крышки циферблата — хотя часы и продолжали отмерять

время, они не собирались никому его показывать.

Кухня выглядела на удивление аккуратной и чистой. В тумбочке под раковиной был ящик, где ложки, вилки и ножи лежали строго по своим отделениям. Что-то в этом порядке встревожило Тиффани. Во всех кухонных ящиках, которые ей доводилось видеть, порядок когда-то задумывался, но с течением времени оказывался безнадежно погребен под поварешками, которые не помещались ни в одно из отделений, и гнутыми штопорами. Из-за этого ящики вечно норовили застрять, и для каждого надо было знать хитрый способ, которым его можно открыть.

Решив кое-что проверить, Тиффани взяла ложку и положила ее к вилкам. Закрывает ящик и повернулась к нему спиной.

Раздался шорох дерева по дереву, потом одинокий металлический звяк — именно такой звяк, какой могла бы издать ложка, вернувшись к своим товаркам, которые страшно по ней соскучились и горят желанием услышать, как ей жилось среди этих страшных заточенных грубиянов.

Тогда Тиффани переложила нож к вилкам, закрыла ящик — и навалилась на него всем весом.

Сначала ничего не происходило, потом приборы в ящике задребезжали. Шум стал громче. Ящик задергался. Вся тумбочка под раковиной заходила ходуном...

— Ладно, — сказала Тиффани, отпрыгнув от нее. — Делай, как считаешь нужным.

Ящик резко выдвинулся, нож серебряной рыбкой перепрыгнул в отделение для ножей, и ящик с грохотом встал на место.

Наступила тишина.

— Кто ты? — спросила Тиффани.

Ответа не было, но в воздухе повисло неприятное ощущение — Тиффани почувствовала, что очень сильно обидела кого-то. Не стоило так глупо шутить.

Она поспешно вышла в сад. Шум воды, который она слышала вечером, как выяснилось, издавал водопадик недалеко от дома. Небольшое водяное колесо поднимало воду во вместительный каменный резервуар, оттуда шла труба к дому.

В саду оказалось полным-полно украшений. В основном это были унылые дешевые поделки — безумно ухмыляющиеся кролики, глиняный олень с выпученными глазами, гномы в красных колпачках и с такими лицами, будто какой-то лекарь в эту самую минуту проделывал с ними что-то весьма неприятное.

С яблоневых веток и вкопанных в землю столбов свисали... странные

штуковины. Было там несколько ловцов снов и веревочных оберегов, какие иногда вешали перед домами на холмах. Другие выглядели как большие путанки, они тихонько кружились и позвякивали на ветру. Третьи... Нет, одна штукавина была, похоже, птицей, сделанной из старых щеток, но большинство с виду напоминали просто связки всякого мусора. И очень странного мусора. Тиффани показалось, что некоторые из них чуть шевелились, когда она проходила мимо.

Когда она вернулась в дом, тетушка Вровень уже сидела за кухонным столом.

И тетушка Вровень тоже.

Ее было две.

— Прости, — сказала тетушка Вровень справа, — но я подумала, что лучше прояснить все прямо сейчас.

Ведьмы были похожи как две капли воды.

— А, — кивнула Тиффани. — Понятно. Вы близнецы.

— Нет, — покачала головой тетушка Вровень слева, — я не близнецы. Возможно, тебе будет трудно...

— ...это понять... — подхватила без паузы вторая тетушка Вровень. — Ну хорошо... Ты слышала...

— ...что некоторые близнецы якобы могут улавливать мысли и чувства друг друга? — спросила первая тетушка Вровень.

Тиффани кивнула.

— Ну так вот, — продолжала вторая тетушка Вровень. — А со мной, боюсь, все немного сложнее. Я...

— ...один человек, у которого два тела, — договорила первая тетушка Вровень, и они продолжили, будто играя словами в теннис:

— Я хотела сказать тебе об этом...

— ...помягче, в подходящий момент, потому что некоторым людям...

— ...трудно принять это, у них...

— ...от меня мурашки по коже...

— ...и вообще...

— ...жуть берет.

Оба тела умолкли.

— Прости за последнюю фразу, — сказала наконец левая тетушка Вровень. — Обычно я так не делаю, только когда волнуюсь.

— То есть вы хотите сказать, что вы обе... — начала Тиффани, но правая тетушка Вровень перебила ее:

— Нет никаких «нас обеих». Только я, понимаешь? Знаю, это непросто. Смотри, у меня есть правая правая рука, левая правая рука,

правая левая рука и левая левая рука. И все они мои. Тиффани, я могу пойти за покупками и при этом остаться дома. Если тебе так будет проще, считай, что я — это один...

— ...человек, у которого четыре руки...

— ...четыре ноги и...

— ...четыре глаза.

Все эти четыре глаза в тревожном ожидании смотрели на Тиффани.

— И два носа, — сказала она.

— Точно. Все-то ты замечаешь. Мое правое тело чуть более неловкое, чем левое, зато правая пара глаз лучше видит. Я такой же человек, как ты, просто меня немного больше.

— Но одна из вас... то есть одна ваша половина, — быстро исправилась Тиффани, — прилетела аж в Дверубахи, чтобы встретить меня.

— Да, я умею разделяться, — сказала тетушка. — И очень даже неплохо. Хотя если я удаляюсь от меня миль на двадцать, то становлюсь немного неуклюжей. А теперь, пожалуй, нам с тобой неплохо бы выпить по чашечке чаю.

Тиффани и опомниться не успела, как обе тетушкины половины встали и подошли к буфету.

Девочка во все глаза уставилась на удивительное действие: как один человек заваривает чай в четыре руки.

Чтобы накрыть стол к чаю, нужно сделать довольно много всего, и тетушка Вровень делала все это одновременно. Два тела, стоя бок о бок, передавали из рук в руки чайник, чашки и ложки, словно в тщательно отрепетированном балете.

— Когда я была маленькая, все думали, что я — близнецы, — сказала ведьма через плечо. — А потом... они решили, что я — воплощение зла, — закончила она через другое плечо.

— И они были правы? — спросила Тиффани.

Обе половины тетушки Вровень с потрясенным видом повернулись к ней:

— Разве можно задавать людям такие вопросы!

— Ммм... но это же очевидный вопрос, — сказала Тиффани. — Ведь если человек в ответ скажет: «Да, я — воплощение зла! Муа-ха-ха!», это сэкономит кучу времени, верно?

Четыре глаза пристально вгляделись в нее.

— Госпожа Ветровоск была права, — проговорила тетушка Вровень. — Она сказала, что ты — ведьма с головы до башмаков.

Тиффани в глубине души раздулась от гордости.

— Так вот, немного об очевидном, — начала тетушка Вровень. — Часто оно оказывается... А что, госпожа Ветровоск и правда сняла перед тобой шляпу?

— Да.

— Возможно, когда-нибудь ты поймешь, какой великой чести удостоилась. Ну ладно, я — не воплощение зла. Хотя, наверное, я могла бы вырасти злой. Моя мать умерла вскоре после моего рождения, отец тогда был в море, да так и не вернулся...

— В море жуткие дела творятся, — вставила Тиффани.

Ей часто говорила это матушка Болен.

— Это так, и может быть, с ним правда что-то случилось, а может, он и не собирался возвращаться... — ровным тоном сказала ведьма. — В общем, меня отправили в приют. Отвратительная еда, ужасные наставницы, и к тому же я попала в самую плохую компанию из возможных — в свою собственную. Ты не поверишь, какие вещи можно проделывать, если у тебя два тела. Все, конечно, думали, будто я — близнецы. А потом я убежала, прибилась к бродячему цирку и стала выступать с ним. Я! Можешь такое себе представить?

— Топси и Типси, чтение мыслей на расстоянии? — предположила Тиффани.

Тетушка Вровень застыла с открытым ртом.

— Я прочитала афиши на лестнице, — пояснила девочка.

Ведьма выдохнула:

— Ах да... Конечно. А ты... очень быстро соображаешь, Тиффани. Да... И все замечаешь, верно?..

— Во всяком случае, я бы еще подумала, стоит ли платить отдельные деньги за антре, — сказала Тиффани. — Конечно, так называют выступления клоунов, но в прямом смысле это «вход»^[8]. Просто такое щеботанское слово.

— Умница! — похвалила госпожа Вровень. — Монти повесил указатель, чтобы люди заходили в павильон «Верю-не-верю»: «Антре — 1 цент!» Все, конечно, думали, что в павильоне будут разыгрывать смешные сценки, а за дверью стоял человек со словарем иностранных слов и объяснял им, за что они заплатили. Ты когда-нибудь была на цирковом представлении?

— Однажды, — призналась Тиффани. — Но это оказалось не особенно весело. Когда люди слишком уж стараются всех насмешить, чаще всего получается совсем не смешно. Там был поеденный молью и почти

беззубый лев, канатоходец, который шел по канату на высоте нескольких дюймов, и еще метатель ножей — он все бросал и бросал ножи в тетеньку в розовых рейтузах, привязанную к деревянному кругу, но так ни разу и не попал. Настоящее веселье началось уже после представления, когда клоуна сбила повозка.

— Мой цирк был намного больше, — отозвалась тетушка Вровень. — Хотя наш метатель ножей, насколько я помню, тоже все время мазал. Но зато у нас были слоны, и верблюды, и лев, такой свирепый, что однажды чуть не откусил человеку руку.

Тиффани была вынуждена согласиться, что это звучит гораздо интереснее.

— А вы-то? — спросила она.

— А что я? Прогнала льва и перевязала тому человеку рану...

— Понятно, но я имела в виду, что вы делали в цирке, тетушка Вровень? Просто читали собственные мысли?

Ведьма счастливо улыбнулась:

— Да, и это тоже, но еще много чего. Я надевала другие парики и выступала как Невероятные Сестры Летурнюр. Я жонглировала тарелками, и у меня были костюмы, усыпанные блестками. А еще я работала с канатоходцами. По канату, конечно, не ходила, просто улыбалась публике и сверкала блестками. Все думали, что я — близнецы, к тому же цирковые вообще не любят совать нос в чужие дела... И вот так, потихоньку, полегоньку, то одно, то другое, и в конце концов я оказалась здесь и стала ведьмой.

Обе половины тетушки Вровень внимательно уставились на девочку.

— Последняя фраза получилась довольно длинной, — заметила Тиффани.

— Что верно, то верно, — согласилась тетушка. — Но всего я рассказать не могу. Ну как, ты еще хочешь у меня учиться? Три девочки до тебя предпочли уйти. Многие считают, что я немного... со странностями.

— Ммм... я останусь, — медленно проговорила Тиффани. — Меня только немного смущает, что в этом доме что-то двигает вещи.

Ведьма удивленно моргнула, потом спросила:

— А, ты говоришь про Освальда?

Тиффани пришла в ужас:

— По дому ходит невидимый мужчина по имени Освальд, который может запросто зайти ко мне в спальню?!

— Ой, нет, вовсе нет! Освальд — не мужчина, он целтергейст. Ты ведь знаешь, что такое полтергейст?

— Это такие... невидимые духи, которые все разбрасывают?

— Верно, — кивнула госпожа Вровень. — А целтергейст — в точности наоборот. У него пунктик насчет порядка. Он очень помогает мне по дому, но готовить, когда он на кухне, — суший кошмар. Стоит отложить что-то на секунду, он тут же это убирает. По-моему, уборка доставляет ему удовольствие. Прости, я бы предупредила тебя, но Освальд обычно не дает о себе знать, когда в доме появляются незнакомые люди. Он такой застенчивый...

— И все-таки он мужчина? В смысле — дух мужского рода?

— Кто знает? У него ведь нет тела, он невидимка. Я зову его Освальдом просто потому, что он представляется мне маленьким встревоженным человечком с совком и шваброй. — Это говорила правая половина тетушки, а левая тем временем тихонько посмеивалась. Выглядело это странно и, если подумать, довольно жутко.

— Ну ладно, с этим разобрались, — сказала правая тетушка Вровень, снова занервничав. — Хочешь еще о чем-нибудь спросить, Тиффани?

— Да, если можно, — сказала девочка. — Что я должна делать? Чем вы сами занимаетесь?

Как оказалось, тетушка Вровень в основном занималась работой по дому. Работой, которой не было ни конца ни краю. Тренировки на метле, уроки чар и заклинаний, введение в науку остроконечных шляп — всем этим тут и не пахло. Домашняя работа в доме тетушки включала в себя по большей части... работу по дому.

Тетушка Вровень держала несколько коз. Официально предводителем стада считался Вонючка Сэм, у которого был отдельный сарай и которого держали на цепи. Но на самом деле главной была Черная Мэг. Она смиренно стояла, пока Тиффани доила ее, а потом осторожно и обдуманно ставила копыто в ведро с молоком. Это была такая козья проверка на вшивость. Тем, кто привык иметь дело с овцами, нелегко приспособиться к козам, потому что коза — это та же овца, но с мозгами. Однако Тиффани и прежде видела коз — несколько хозяев в деревне держали их ради молока, ведь оно такое питательное. И она знала, что с козами надо применять персикологию^[9]. Если начать орать, бегать по стенкам и лупить козу (отчего тебе же будет больнее, потому что коза внутренним устройством смахивает на мешок, набитый вешалками для одежды), упрямая скотина решит, что она Победила и ухмыльнется по-козлиному, то есть почти по-человечески.

Уже на следующий день Тиффани нашла правильный подход. Главное — перехватить заднюю ногу Мэг в тот самый момент, когда коза поднимет

ее, чтобы опустить в ведро. Мэг от этого теряет равновесие и нервничает, и другие козы ухмыляются, рассудив, что Победила Тиффани.

Еще были пчелы. Тетушка Вровень держала несколько ульев на маленькой полянке, которая так и гудела. Прежде чем открыть улей, тетушка заставила Тиффани надеть защитную сетку и перчатки. Сама ведьма тоже надела защитную одежду.

— Конечно, — заметила она, — если ты осторожна и внимательна и к тому же являешься цельной и гармоничной личностью, пчелы тебя не ужалят. Беда в том, что не все пчелы знакомы с этой теорией. Доброе утро, Улей Номер Пять, это Тиффани, она какое-то время будет жить с нами...

Тиффани была готова услышать, как улей в ответ ужасно пронзительно прожужжит что-нибудь вроде: «Доброе утро, тетушка Вровень!» Не прожужжал.

— Зачем вы с ними разговариваете? — спросила она.

— О, с пчелами обязательно нужно говорить, — заверила ее тетушка. — Если не делать этого, можно навлечь несчастье. Я обычно прихожу поболтать с ними вечером. Поделиться слухами и сплетнями, ну, сама понимаешь... Каждый пчеловод знает, как важны разговоры с пчелами.

— Ас кем говорят сами пчелы? — спросила Тиффани.

Обе тетушкины половины ей улыбнулись:

— Наверное, с другими пчелами.

— Тогда получается... если понимаешь язык пчел, можно знать все, что происходит вокруг? — не отставала Тиффани.

— Знаешь, забавно, что ты об этом заговорила... — откликнулась тетушка Вровень. — Ходят слухи, что... Но для этого надо научиться думать как пчелиный рой. Один разум на тысячу крохотных тел... Это слишком сложно, даже для меня. — Она многозначительно переглянулась сама с собой. — Однако я не утверждаю, что это невозможно.

Следом за пчелами шли травы. Возле дома было много грядок с травами, хотя мало что из растущего там годилось, чтобы нашпиговать индейку. В это время года многие травы как раз надо было собирать и сушить, особенно те, в которых важны корешки. Тиффани нравилось возиться с травами. Тетушка Вровень знала в них толк.

Существует так называемая Теория Подобия. Суть ее примерно такова: когда Творец Вселенной придумывал всякие полезные растения, он (или, по некоторым версиям, она) позаботился о том, чтобы их внешний вид подсказал людям, для чего то или иное растение применять. Растение, которое помогает от зубной боли, должно быть похоже на зуб, от боли в

ушах — на ухо, то, которое полезно при насморке, сочится зеленой слизью, и так далее. Многие люди в это верят.

Чтобы следовать этой теории, нужно хорошее воображение (хотя в случае носопырки текучей особого воображения не требуется), а в мире Тиффани Творец подошел к вопросу еще более... творчески. На некоторых растениях там можно найти письменные пояснения, надо только знать, где искать. Правда, прочесть эти пометки не всегда легко — растения ведь орфографии не знают. Большинство людей об этом не подозревают и продолжают пользоваться освященным веками методом, чтобы выяснить, ядовито растение или его можно есть: проверяют незнакомую травку на какой-нибудь ненужной престарелой родственнице. Но тетушка Вровень изобрела новый подход и надеялась, что он облегчит жизнь многим людям, а престарелым родственницам ее еще и продлит.

— Это ложная горечавка, — с довольным видом объясняла она Тиффани, когда они трудились в мастерской, пристроенной к дому сзади. — Все думают, что это просто еще одно растение, облегчающее зубную боль. А теперь возьми-ка мое голубое увеличительное стекло и посмотри на ее корень в выдержанном лунном свете...

Тиффани сделала, как было сказано, и прочла:

Ат ПрастудЫ
Можт высыватъ сонливост
Заприсчается выпалненние работ
связанных с рыском нищасных
случаив.

— Куча ошибок, но для полевого цветочка совсем неплохо, — заметила тетушка Вровень.

— Вы хотите сказать, растения в самом деле говорят, как их лучше использовать? — не поверила Тиффани.

— Ну, не все, и к тому же надо знать, где смотреть, — сказала тетушка Вровень. — Вот, например. Это обычный грецкий орех. Взгляни на него через зеленое увеличительное стекло при свете свечки, сделанной из красного конго...

— «Может содержать орех». Но ведь это и так понятно! Если

расколоть скорлупу, обычно получаешь орех. Гм... или нет?

— Не обязательно, — сказала тетушка Вровень. — Там может оказаться изящная миниатюрная гравюра на золоте или крошечная модель прекрасного храма из далекой-далекой страны, сделанная из драгоценных камней... Я хочу сказать, это возможно, — добавила она, заметив взгляд Тиффани. — Это не противоречит законам природы как таковым. Мир полон сюрпризов.

Этим вечером у Тиффани набралось куда больше мыслей, чтобы записать в дневнике. Дневник она вновь положила на комод и придавила сверху большим камнем. Освальд, похоже, намек понял, зато принялся полировать камень.

А теперь назад и выше, и вот домик уже остался далеко внизу, и мы летим сквозь ночь...

Дальше, дальше, оставляя позади мили и мили, и нечто невидимое, жужжащее, как туча мух, медленно, но неуклонно катящееся над полями...

Летим дальше, дороги, городки и деревья мелькают со свистом, и вон внизу раскинулся большой город, а в городе почти в самом его центре — огромная старинная башня, а у подножия башни — древний магический университет, а в университете — библиотека, а в библиотеке — стеллажи, а среди стеллажей... наше путешествие только-только начинается.

Мимо проносятся книжные полки. Книги на них прикованы цепями. Некоторые тома так и норовят цапнуть.

Вот мы попадаем в отдел еще более опасных книг — их приходится держать в клетках, или в кадках с ледяной водой, или просто зажатыми между свинцовыми пластинами. Но одна книга, полупрозрачная, испускающая загадочное сияние, хранится под стеклянным колпаком. Начинающим волшебникам, которым не терпится предпринять рискованные магические исследования, предлагают прийти сюда и почитать эту книгу.

На обложке значится:

«Роитель: Научный трактат о невиданно хитроумном устройстве»,

автор — Обижулити Хлопстел, Д-р Маг. Фил., маг-р ОЧКВТР, Непревзойденный Профессор Магических Наук. Большая часть книги посвящена тому, как собрать огромную и мощную волшебную машину, которая позволяет поймать роителя так, чтобы он не причинил вреда

изыскателю. Однако на последней странице Обижулити Хлопстел пишет (точнее, писал):

Согласно древней рукописи Res Centum et Una Quas Magus Facere Potest^[10], роители есть разновидность демонов. И в самом деле, профессор Полистрах именно к таковым относит их в «Моей первой книге про демонов», а Суслоу в LIBER IMMANIS MONSTRORUMS^[11] посвятил им раздел в главе «Духи-скитальцы». Однако тексты, обнаруженные в Пещере Кувшинов злополучной Первой экспедицией в область Локо, дают совершенно иную картину, которая лишь подтверждает мои отнюдь не маловажные изыскания.

Роители появились в первые же секунды Творения. Они не относятся к живым существам, однако обладают, как выясняется, особой формой жизни. Они лишены собственного тела, мозга или мыслей, и роитель как таковой обычно представляет собой пассивное создание, безвольно скитающееся в бесконечной ночи между мирами. Согласно Полистраху, большинство из них заканчивают свои дни на океанском дне, в жерлах вулканов или в сердце звезд, куда их заносят бесцельные странствия. Полистрах, в отличие от меня, не отличался глубиной мысли, однако в данном вопросе он прав.

И все же роитель испытывает страх и тоску. Неизвестно, чего боятся роители, но, судя по всему, они стремятся найти убежище в телах живых существ, наделенных той или иной силой, будь то сила физическая, сила ума или же способность подчинять себе магию. В этом отношении они напоминают хорошо известного слона-отшельника из Очудноземья, *Eiephantus Solitarkis*, который пребывает в вечном поиске самой прочной глинобитной хижины, чтобы использовать ее как свою раковину.

По моему глубокому убеждению, роители стали истинной причиной разбития жизненных форм. Что заставило первую рыбу покинуть морские воды и выползти на сушу? Как людям пришло в голову приручить столь опасную стихию, как огонь? У меня нет сомнений, что к этому их подтолкнули роители. Именно они разожгли в сердце *наиболее выдающихся* представителей различных видов должное стремление к величайшим достижениям, заставив их тянуться к новым высотам! Что есть цель поисков роителя? К чему он стремится? Каковы его

желания? Это мне и предстоит выяснить!

О, разумеется, менее одаренные волшебники предупреждают, что роитель воздействует на разум, в котором находит убежище, самым неприятным образом: мысли начинают путаться, мозговое вещество сворачивается, как скисшее молоко, и носитель рано или поздно умирает от воспаления мозга. Но я говорю: все это чепуха! Люди всегда боятся того, чего не понимают.

А я достиг понимания!

Сегодня в два часа ночи при помощи моего устройства мне удалось пленить роителя.

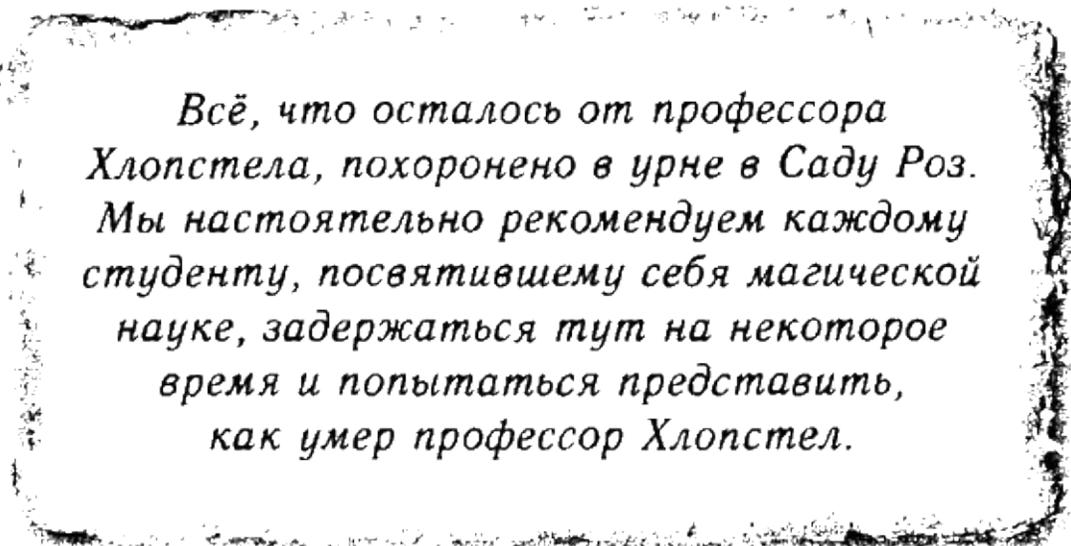
И теперь роитель заключен внутри моей головы, воспоминания всех тех, в ком ему доводилось обитать, стали моими. Да, я полностью подчинил себе роителя! И все благодаря моему могучему интеллекту! Я не ощущаю никакого воздействия на свой разум — он такой же ясный и выдающийся, каким был *всегда!*

Начиная с этого места чернила на страницах местами расплылись — вероятно, на них попали капли профессорской слюны.

О, эти жалкие черви и трусы, лишь по счастливому для них стечению обстоятельств оказавшиеся выше меня по положению! Все эти годы они не давали мне развернуться! Они смеялись надо мной! БОЛЬШЕ ОНИ НЕ СМЕЮТСЯ! Даже те, кто осмеливался звать себя моими друзьями, — всего лишь помеха на моем великом пути, ДА-ДА! «А как же предостережения?» — говорят они. «Разве на запечатанном кувшине, где ты обнаружил схемы устройства, не было написано на двадцати пяти древних языках «Не Открывать Ни При Каких Обстоятельствах?»» — спрашивают они. Трусы презренные! Тоже мне, приятели! «Роитель делает своего носителя подозрительным сверх меры и сводит его с ума!» — говорят они. «Роителя невозможно подчинить!» — блеют они. ДА ХОТЬ ОДИН ИЗ НАС СПОСОБЕН ПОВЕРИТЬ В ЭТО? О сколь великие свершения меня ОЖИДАЮТ!!! Отныне и навсегда я отрину прочь общество этих бесполезных ничтожеств и буду жить сам по себе!!! А что до тех, у кого хватает ДЕРЗОСТИ, ДА, ДЕРЗОСТИ колотить в мою дверь по тому ничтожному поводу, что я обошелся, как считал

нужным, с так называемым Аркканцлером и Ученым Советом...
ДА КАК ОНИ СМЕЮТ СУДИТЬ МЕНЯ!!! Подобно всем
насекомым, они НЕ ИМЕЮТ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О
ВЕЛИЧИИ!!!!!! Я ИМ ПОКАЖУ!!! Но... я усолепсиз... плюз!!!
КОЛОТЯТСЯСССС бывлаождл блым...

На этом записи обрываются. Рядом с книгой лежит карточка, на которой кто-то из волшебников былых времен написал:

*Всё, что осталось от профессора
Хлопстела, похоронено в урне в Саду Роз.
Мы настоятельно рекомендуем каждому
студенту, посвятившему себя магической
науке, задержаться тут на некоторое
время и попытаться представить,
как умер профессор Хлопстел.*

Луна была растущей. Такую луну, уже не молодую, но еще не полную, называют прибывающей. Это одна из самых скучных фаз луны, ее редко изображают на картинах. Молодой месяц и полная луна присвоили себе всю славу.

Явор Заяadlo сидел в одиночестве на склоне древнего кургана, недалеко от норы, замаскированной под кроличью, и смотрел на далекие горы. Снег на вершинах серебрился в лунном свете.

Чья-то рука легонько тронула его за плечо.

— Ты сам на себя не походишь, Явор Заяadlo, — сказала Джинни, усаживаясь рядом. — Даж не послыхал, как я подошла.

Явор Заяadlo вздохнул.

— Туп Вулли грит, ты ничего не съел, — сказала Джинни с заботой в голосе.

Явор Заяadlo вздохнул.

— А Грамазд Йан грит, на охоте лис-зверь удрал у тебя с-под носа, а

ты ему и люлей не накидал.

Явор вздохнул опять.

Раздалось тихое «чпок», а за ним булькающие звуки. Джинни протянула мужу крохотный деревянный стаканчик. В другой руке она держала крохотную кожаную флягу.

Испарения из стакана разлились в воздухе.

— Это остатные остатки особой овечьей притирки, что твоя мал-мал грамазда карга подарила нам на свадьбу, — сказала Джинни. — Я уберегла их на крайний случай.

— Она не моя мал-мал грамазда карга, Джинни. — Явор и не взглянул на стакан. — Она наша мал-мал грамазда карга. И помани мое слово, Джинни, она способна стать всекаргой. У ней внутри сокрыта могучность, о какой она ни бум-бум. А вот роевник ту могучность чувствует.

— Ах-ха, но, как ни назови, а пойло есть пойло, верно? — Джинни провела стаканом туда-сюда перед носом мужа.

Он вздохнул и отвернулся.

Джинни вскочила на ноги.

— Вулли! Грамазд Йан! Ну кыкс сюдыть! — пронзительно закричала она. — Он пойло не пьет! Сдается, кирдыкс Большому Человеку!

— Ах, не время ныне для едкого пойла, женщина, — сказал Явор Заяadlo. — На сердце у меня каменюк.

— Быро сюды! — крикнула Джинни в нору. — Ему кирдыкс пришел, а он все еще грит!

— Она карга этих холмов, — произнес Явор, будто не слыша ее. — Пряма как ее бабка была. Она грит холмам, что они есть, день по-за днем. Холмы у ней в костях. Холмы у ней в сердце. И мыслевать не хочу, как оно будет без нее.

Прочие Фигли выскочили из норы и столпились вокруг, с тревогой глядя на Джинни.

— Не так че? — спросил Туп Вулли.

— Еще как не так! — завопила кельда. — Явор Заяadlo не притронулся к особой овечьей притирке!

Лицо Вулли перекопилось от горя.

— Ах, Большому Человеку кирдыкс случись! — зарыдал он. — Ой-ёи-ёи...

— А ну кыкс затыкнул свой мерзавый рот, ты, угрязок! — взвился Явор Заяadlo. — Не кирдыкс мне! Я тут токо хотел себе побыть минутой экзистенциального ужасу! Раскудрить, муштина не может уже спокойно прислушаться к брыхолодным дуновеньям Рока в стеснялицах, чтоб ему не

плямкали про кирдыкс!

— Опять ты грил с Жабом, Явор, — с упреком сказал Грамазд Йан. — Только Жаб из всех нас грил слова такие длиннвяые, что за день не объедешь... — Он повернулся к Джинни: — У него тяжкий случай думанья, хозяйка. Эт' твое читанье-писанье до добра не доводит, рано иль поздно приступ думанья кык шандаракснет... Мы с ребя окунем Явора балдой в кадуксу и бум держать, пока с думаньем не покончит. Это одно-едино спасенье. С энтого думанья ведь и скопытиться можно.

— Да я намастрячу рыло тебе и ишшо десятерым таким, как ты! — заорал Явор Заядло в лицо Йану, вскинув кулаки. — Я в нашем клане Большой Человек, и я...

— А я — кельда энтого клана, — вмешалась Джинни. (Одно из таинствий кельд — умение говорить голосом острым и холодным, как ледяной кинжал.) — И я грю: ступайте все вниз, и носу из норы не кажьте, пока я не велю!

— Ой-ёи-ёи... — запричитал было Туп Вулли, но Грамазд Йан зажал ему рот широкой лапищей и уволок прочь.

Они остались одни. Ключья облаков принялись собираться вокруг луны в тучи. Явор Заядло повесил голову.

— Я остатнусь, Джинни, раз ты так хошь, — сказал он.

Джинни заплакала:

— Ах, Явор... Ты ни бум-бум. Я ж не хочу, чтоб с мал-мал каргой кака беда приключнулась, ей-ей не хочу. Но как я буду тут, когда ты уйдешь драться с невбиваемым чудищем? Я ж за тебя боюсь, за тебя, понимаешь?

Явор Заядло обнял ее за плечи:

— Ах-ха, понимаю.

— Я — твоя жена, Явор, и прошу тя: не ходи!

— Лады, лады, не пойду, — сказал он.

Джинни подняла голову и посмотрела на него.

Слезы в ее глазах блестели в лунном свете.

— Правда?

— Я ишшо своего обещания ни разу не рушил, — сказал Явор. — Ну, разве токо легавым и всяким-яким, но они не в зачет.

— Дык ты остатнешься? Потому что я прошу? — Она шмыгнула носом.

Явор вздохнул:

— Ах-ха. Так и быть.

Джинни притихла на время, а потом сказала резким, ледяным тоном кельды:

— Явор Заядло, велю тебе: ступай и упаси мал-мал грамазду каргу.

— Че? — не понял Явор. — Ты ж вот токо сказанула, шоб я не ходил...

— То я сказанула тебе как твоя жена, Явор, — объяснила Джинни. Она встала и решительно выпятила подбородок. — А это я грю тебе как твоя кельда, Явор Заядло мак-Фигли. И ты бум-бум, что кто кельду ослухнется, того с клана вон. А теперь слухай сюда. Возьми столько братьев, сколько надо, ступай и усмотри, штоб с мал-мал грамаздой каргой никакой-сякой беды не случилось. И возвращайся жив-здоровым, это тебе мое повеление. Нет, это на тебе мой гюйс! Я его наложила, теперь не сломить!

— Но я... — заикнулся Явор Заядло в полной растерянности.

— Я ж кельда, Явор, — сказала Джинни. — Я не могу править кланом, пришпандорив Большого Человека к дому. И холмам, где будут жить наши дети, нужна карга. Всяк знает: кто-то должен грить земле, что она такое есть.

Что-то в том, как она произнесла слово «дети», насторожило Явора Заядло. Он соображал не слишком быстро, но до финиша рано или поздно добирался.

— Ах-ха, Явор, — сказала Джинни, прочитав мысли по его лицу. — Вскорости у меня родятся семеро сынов.

— О... — ахнул Явор. Он не стал спрашивать, откуда ей известно, сколько их будет. Кельды такие вещи просто знают. — Хорошенко-то кыкс...

— И дочь, Явор.

Он заморгал:

— Дочь? Так быро?

— Ах-ха. Теперь тебе есть к чему возвращаться жив-здоровым. И всего ради, Явор, помятуй: голова нужна, не токо штоб бодать нале-напра...

— У благодарствую, кельда, — сказал Явор Заядло. — Я все выполню, как ты велишь. Возьму ребя, и мы разыскнем малу грамазду каргу. Беднявой грамаздой мал-малюхе наверняк нехорошо поживается там, вдали от дому, посреде чужих...

— Да. — Джинни отвернулась, чтобы он не видел ее лица. — Это я тож знаю.

Глава 4

ПЛН

На рассвете Явор Заядло под настороженными взглядами толпы своих братьев написал на обрывке бумажного пакета одно-единственное слово:

ПЛН

И поднял клочок повыше, чтобы все видели.

— План, о как, — сообщил он собравшимся. — Знатца, план у нас есть. Таперь все, чегой надо сделать — это решить, чегой делать. Что, Туп Вулли?

Вулли опустил руку:

— А что за гусем тебя Джинни пришваркнула?

— Не гусем, а гюйсом. — Явор Заядло вздохнул. — Грил же вам. Это знатца, все сурьезенно. Знатца, я должен привести обратно малу грамазду каргу жив-здоровой во что б ни стало, а не то мою душу захлобыстнут в здоровуцу небесну тубзю почемздря. Это вроде магишного наказу. Нелегкая это доля, под гюйсом быть.

— Ну да, они грамазды птахсы, — с важным видом кивнул Туп Вулли.

— Вулли, — с бесконечным терпением в голосе произнес Явор Заядло. — Помнишь, я грил тебе, шоб ты вдругорядь думал поперед, чем свой жиренный рот раззявливать?

— Ах-ха, Явор.

— Дыкс эт' был тот-сам рядь, — сказал Явор Заядло и обратился ко всем, возвысив голос: — Тыке, ребя. Про роевников вы все бум-бум. Их нипочем не сгубить. Но наш долг — упасти мал-мал грамазду каргу. Знатца, это чистенное себьяубийство, и всем вам может прийти кирдыкс, покуда мы то делишко обстряпнем. Сдобровольцы есть?

Все Фигли от четырех лет и старше разом вскинули руки.

— Ну нае, не можем мы все топс-топс. Тады тыке: Туп Вулли, Грамазд Йан и... и ты, Ой-как-мал Билли Мордаст. А кто меньше трех дюймов рослом, тем обломикс. Ты не в счет, Ой-как-мал Билли Мордаст. Остатние порешайте это как истовые Фигли: пойдут те пятьдесят, кто дольше всех устоит. Ну кыкс!

И Фигли радостно кинулись мутузить друг друга (за исключением

троих избранных, которых Явор Заяadlo тем временем поманил в тихий уголок пещеры). Пикеты обожают сражаться в одиночку против всех — так можно лупить без оглядки, не боясь угодить по своим.

— До карги отсюда сотня миль, — сказал Явор Заяadlo, пока бушевала драка. — Стоко нам не пробегнуть — далековасто. Что делать бу, чучундры?

— Хэмиш может на канюке долетнуть тудыть, — сказал Грамазд Йан, посторонившись, чтобы клубок сцепившихся в драке Фиглей прокатился мимо.

— Ах-ха, его-то мы возьмем, да токо птахе больше одного не снесет, — ответил Явор Заяadlo, перекрикивая гвалт.

— А можь вплывь? — предложил Туп Вулли и пригнулся, когда нокаутированный Фигль пронесся у него над головой.

Остальные посмотрели на Вулли.

— Вплывь? — переспросил Явор Заяadlo. — И по чем мы отсюда поплывнем, ты, биг-биг дуралей?

— Я токо хотел мозговья поштурмить, — с обиженным видом сказал Туп Вулли. — Вкладезь зачесьть, бум-бум? Помочь, чем смочь...

— Мал-мал карга на телегсе ехала, — сказал Грамазд Йан.

— Ах-ха, и че? — спросил Явор Заяadlo.

— Ну, мож, и мы тож?

— Э, нае-нае-нае! — замахал руками Явор. — Каргам показнуться можно, но боле — никому! Забыл, че было, когда Тупа Вулли призаметила дамочка, которая картинксы в межхолмье рисовастила? Шоб опять Обсчество Сбирателей Фольхлору тут суйносило? Оно нам не надыть!

— Имею предложить, господин Явор Заяadlo. Это я, Ой-как-мал Билли Мордаст. Можно ведь замаскироваться.

Ой-как-мал Билли Мордаст всегда представлялся полностью. Похоже, он опасался, что, если не будет напоминать, кто он такой, о нем забудут и он пропадет пропадом. Тот, кто вдвое ниже среднего Фигля, и правда сильно не вышел ростом. Будь он еще немного попрizeмистей, его голова была бы под землей.

Он был новым гоннаглом клана. Гоннаглы — боевые поэты Фиглей, но они не проводят всю жизнь в одном клане. Скорее они сами себе клан. Гоннаглы странствуют по свету и поют песни и баллады, чтобы все Фигли их слышали. Ой-как-мал Билли Мордаст пришел из клана Долгого озера вместе с Джинни — обычное дело у пикетов. Он был слишком молод для гоннагла, но Джинни утверждала, что начинать гоннаглисть никогда не рано. Если у тебя есть дар — ты гоннаглишь, и все дела. Кроме того, Ой-как-мал

Билли Мордаст знал все-все песни, а на визжали играл так жалостливо, что снаружи начинался дождь.

— А? Говори, паря, — подбодрил его Явор Заядло.

— Я просто подумал, мож, мы раздобыли б человечью одежду? В балладе о вражде клана Трин-пикс и клана Быстрой реки говорится, что парни Быстрой реки однажды смогли унести ноги, заставив пугало ходить — трин-пиксы подумали, что это верзун идет, и попрятались.

Трое его слушателей непонимающе переглянулись. Ой-как-мал Билли спохватился, что они всю жизнь провели на Меловых холмах и, возможно, никогда не видели пугала.

— Ну, пугало — это такой как бы верзун из палок, на которые одежду нацепили. Чтоб птахсов от полей отпугивать, — попытался объяснить он. — Вообще-то в балладе поется, что кельда оживила пугало таинством, но я думаю, они обошлись хитростью и силой.

Он спел об этом. Его выслушали.

Он объяснил, как можно сделать верзуна, чтобы он мог ходить. Фигли переглянулись.

Это был безумный, отчаянный, чертовски рискованный и опасный план, который требовал невероятной силы и храбрости.

Устоять было просто невозможно.

Вскоре выяснилось, что, кроме работы по дому и изучения трав, у Тиффани есть и другие обязанности. Тетушка Вровень называла это «наполнять, где пусто, облегчать, где полно».

Обычно дом надолго покидала только одна тетушкина половина. Люди думали, что она — близнецы, и ведьма всячески поддерживала в них эту уверенность, но все же предпочитала не показываться лишней раз целиком, чтобы не рисковать. Тиффани ее хорошо понимала. Достаточно было посмотреть, как тетушка Вровень ест. Два тела передавали друг другу тарелки без единого слова, иногда одна половина ела с вилки в руке у другой. А когда одна тихонько рыгала после еды, вторая тут же говорила: «Ой, прошу прощения». Выглядело это, конечно, странновато.

«Наполнять, где пусто, облегчать, где полно» означало ходить по окрестным деревням и хуторам и в основном помогать больным и недужным. Сделать перевязку, поговорить с женщиной, ожидающей ребенка, — такой работы всегда хватало. Ведьмы были деревенскими повитухами, но не только. Стоило тетушке Вровень в ее остроконечной шляпе показаться возле того или другого дома, как в этот дом по чистой случайности начинали заглядывать соседки. И они садились пить чай и пересказывать слухи. Тетушка Вровень жила в текущем, запутанном мире

сплетен и слухов, но Тиффани заметила, что ведьма больше собирает сплетни, чем передает.

Могло показаться, что в этом мире обитают исключительно женщины, однако на улицах, на межевых тропках между огородами, им порой встречались и мужчины. Они заводили разговор о погоде, после чего ведьма, словно уловив в словах прохожего некий секретный код, вручала ему то или иное снадобье.

Тиффани никак не могла разобраться, как тетушку Вровень благодарят за ее работу. Да, корзинка, которую она брала с собой в такие походы, больше наполнялась, чем пустела. Порой хозяйки, увидев, как ведьма просто идет мимо, догоняли ее, чтобы вручить свежее испеченный хлеб или горшочек с соленьями. А в другой раз тетушка Вровень и Тиффани целый час провели, штопая крестьянина, который был невнимателен с топором, и за это их лишь угостили чаем с черствым печеньем. Тиффани показалось, что это нечестно.

— О, все уравнивается, — объяснила тетушка Вровень, пока они шли через лес. — Ты делаешь, что можешь. Люди дают тебе, что могут. Старина Шлепвик, который ногу повредил, тот еще скряга, но не сомневайся: недели не пройдет, как у моего порога будет лежать большой кусок мяса. Его жена об этом позаботится. А скоро начнут забивать свиней на зиму, и мне нанесут столько солонины, ветчины, бекона и колбас, что и за год не съесть.

— Правда? И что вы будете делать со всей этой едой?

— Сохраню про запас.

— Но...

— Я сохраню ее про запас, вложив в людей. Люди, знаешь ли, удивительно подходящее место для запасов. — Тетушка Вровень засмеялась, увидев выражение лица Тиффани. — Я хочу сказать, что отдам лишнюю еду тем, у кого нет свиней, или у кого сейчас трудные времена, или тем, о ком больше некому позаботиться.

— Но выходит, вы сделаете им одолжение!

— Точно! А в ответ они должны будут когда-нибудь помочь мне. Так оно и вертится. И отлично работает.

— Наверняка некоторые люди такие жадные, что никогда не платят...

— Никакой платы и быть не может, — серьезно поправила тетушка Вровень. — Ведьма никогда не просит платы, и ей остается только надеяться, что не настанет такой день, когда придется просить. Но в целом, увы и ах, ты права.

— И что тогда?

— В каком смысле?

— Вы отказываетесь им помогать, да?

— О нет! — Тетушка была искренне потрясена таким предположением. — Нельзя отказывать людям в помощи только потому, что они слишком недалекие, забывчивые или противные. В этих краях все живут бедно. Если я не стану помогать людям, кто же им поможет?

Тиффани немного подумала и вспомнила:

— Матушка Болен, моя бабушка, говорила: кто-то должен заступаться за тех, кто сам за себя заступиться не может.

— Она была ведьмой?

— Я в этом не уверена, — призналась Тиффани. — Мне кажется, да, но сама она об этом не подозревала. Она большую часть жизни провела в кибитке на пастбище высоко на склоне холма.

— А привычки мерзко хихикать за ней не водилось? — спросила тетушка Вровень, но под взглядом Тиффани тут же спохватилась: — Ну прости, прости. Вижу, что нет. Но это случается с ведьмами, которые сами не знают, кто они. Тогда ведьма становится словно корабль без руля. Но я понимаю, твоя бабушка, по всей видимости, была не такая.

— Она жила в холмах и разговаривала с ними, а еще она знала об овцах больше всех на свете! — с жаром сказала Тиффани.

— Конечно, конечно...

— И она *никогда* не хихикала!

— Ладно, ладно... — примирительно сказала тетушка. — А в целительстве она разбиралась?

Тиффани замялась:

— Ну... только по части овец. — Она понемногу успокоилась. — Но зато уж овец-то она лечила хорошо. Особенно скипидаром. По правде говоря, большей частью скипидаром и лечила. И еще она всегда... была... рядом. Даже когда на самом деле ее рядом не было.

— Да, — кивнула тетушка Вровень.

— Вы понимаете, о чем я? — обрадовалась Тиффани.

— Очень хорошо понимаю, — сказала ведьма. — Твоя бабушка жила внизу, в предгорьях...

— Нет, наверну, на холмах, — поправила Тиффани.

— Прости, наверну на холмах, наедине с овцами, но люди нет-нет да и поднимали головы, вспоминали о том, что она где-то там, и спрашивали себя: «А как бы на моем месте поступила матушка Болен?» Или: «А что бы сказала на это матушка Болен?» Или: «А не рассердится ли матушка Болен, если вдруг узнает об этом?» — сказала тетушка. — Верно?

Тиффани задумчиво прищурилась. Да, именно так все и было. Она вспомнила случай, когда торговец бил своего осла, на которого взвалил слишком много поклажи. Матушка Болен обычно обходилась словами, да и то немногими. Тот человек так испугался, когда она внезапно обрушила на него свой гнев, что не мог двинуться с места и безропотно принял удары.

Тиффани и сама испугалась. Матушка Болен обычно пару минут раздумывала, прежде чем проронить хоть слово, а тут дважды ударила торговца по лицу, да так быстро, что только хворостина просвистела. И слухи об этом происшествии разошлись по холмам. Люди, по крайней мере на какое-то время, стали лучше обращаться со своими домашними животными. Еще много месяцев погонщики и кучера, прежде чем поднять хлыст или кнут, задавали себе вопрос: «А если матушка Болен это увидит?»

Вот только...

— А вы откуда знаете? — спросила Тиффани.

— О, я догадалась, — ответила тетушка Вровень. — Мне кажется, твоя бабушка была ведьмой, что бы она сама ни думала. И к тому же ведьмой хорошей.

Тиффани раздулась от фамильной гордости.

— Твоя бабушка помогала людям?

Фамильная гордость капельку сдулась. «Да!» — чуть не брякнула Тиффани, но прикусила язык и задумалась. Матушка Болен редко даже спускалась вниз, к людям, разве что на Страждество и рано по весне, когда овцы ягнились. В деревне она почти не показывалась, только если странствующий торговец, который привозил ей «Веселого капитана», сильно задерживался, — тогда бабушка, взметывая испачканные в грязи черные юбки, мчалась вниз, чтобы занять у кого-нибудь из стариков щепотку табака.

Но не было на Меловых холмах человека, начиная с барона и заканчивая последним бедняком, который не был бы в долгу перед матушкой Болен. И когда наступало время ответной услуги, она переправляла ее другим людям. Она всегда знала, кому не помешала бы услуга-другая.

— Она делала так, что люди сами помогали друг другу. — сказала Тиффани.

Некоторое время они шли по дороге в тишине, которую нарушали лишь птицы. Здесь было много птиц, но Тиффани не хватало пронзительных криков канюков.

Тетушка Вровень вздохнула.

— Мало кто из нас настолько хорош в своем деле, — сказала она

наконец. — Если бы я так умела, нам бы не пришлось снова навещать старого Заткачика.

«Только не это!» — взмолилась Тиффани в душе.

Почти каждый раз, когда они обходили округу, они навещали престарелого господина Заткачика, Тиффани ждала этого с ужасом.

Кожа господина Заткачика была тонкая, как бумага, и желтоватая. Он всегда ждал их, сидя в кресле, в крохотной комнате своего домишки, окруженного порядком запущенным садом. В домишке пахло лежалой картошкой. Старик сидел в заношенном до жирного блеска костюме, выпрямившись, словно аршин проглотил, положив руки на две трости и глядя на дверь.

«Я слежу, чтобы каждый день он мог поесть что-нибудь горячее, хотя он и ест как птичка, — рассказывала тетушка Вровень. — А вдова Тусси, она живет дальше по улице, стирает ему белье, какое уж есть. Старику-то ведь уже девяносто один год стукнул».

Глаза у господина Заткачика были удивительно живые и яркие, и пока тетушка Вровень с Тиффани прибирали его комнату, он говорил и говорил. Когда Тиффани пришла к нему впервые, он назвал ее Мэри. Он и теперь иногда ее так называл. А когда она проходила мимо его кресла, он ухватил ее за запястье. Сквозь кожу у него просвечивали синие вены, но рука была на диво сильная, и Тиффани испугалась до дрожи, когда в нее вцепилась старческая клешня.

— Не хочу быть никому обузой, — напористо проскрежетал старик. — Денежки на смерть я себе отложил. Тоби, сынку моему, не о чем волноваться. Я сам за себя заплачу! Хочу, чтоб похороны были знатные: лошади черные с плюмажами, плакальщицы и чай с закусками для всех опосля. Я все расписал, комар носу не подточит. Погляди в шкатулке, все ли на месте, хорошо? А то эта ведьма вечно тут крутится!

Тиффани в отчаянии посмотрела на тетушку. Та кивнула и взглядом указала на потертую деревянную шкатулку под креслом старика.

Оказалось, шкатулка полна монет. Большею частью медных, но попадались там и серебряные. Для Тиффани это было целое состояние, и на миг ей захотелось, чтобы эта куча денег принадлежала ей.

— Здесь очень много денег, господин Заткачик, — сказала Тиффани.

Старик успокоился:

— Ну вот и хорошо. Значит, не буду я обузой.

На этот раз, когда они пришли, господин Заткачик спал в кресле и храпел. Челюсть отвисла, желтые зубы торчали наружу. Но старик тут же проснулся, уставился на них и заявил:

— Тоби, сынок мой, в субботу придет меня повидать.

— Это очень хорошо, господин Заткачик, — сказала старшая ведьма, взбивая ему подушки. — А мы тут приберемся, чтобы все было чисто и красиво.

— Он отлично устроился в жизни, сынок-то мой, — с гордостью продолжал старик. — Работенку нашел непыльную: под крышей и тяжести таскать не надо. Обещал, придет посмотреть, как я тут в мои-то годы, но я ему сказал, вот прямо так и сказал: я свои похороны сам оплачу, и землю, и соль, и два пенса перевозчику, как положено.

В этот раз тетушка Вровень решила его побрить. Руки старика так тряслись, что он уже не мог бриться сам. (А за день до того она подстригла ему ногти на ногах, потому что сам он не дотягивался. Зрелище было не для слабонервных — особенно когда один обрезок разбил оконное стекло.).

— Оно у меня туточки, под креслом, — гнул свое старик, пока Тиффани вытирала остатки пены с его подбородка. — Будь добра, Мэри, посмотри, все ли на месте?

Ну конечно. Этот ритуал повторялся каждый день.

Шкатулка была на месте, и деньги тоже. Заткачик каждый раз о них спрашивал. Денег в шкатулке не прибавлялось и не убавлялось.

— А про какие два пенса перевозчику он говорил? — спросила Тиффани по пути домой.

— Господин Заткачик еще помнит старые погребальные обычаи, — объяснила тетушка Вровень. — Некоторые верят, что после того, как умрешь, надо пересечь Реку Смерти, а для этого — заплатить перевозчику. В наши дни люди об этом как-то не беспокоятся. Возможно, теперь там построили мост.

— Он все время говорит про... собственные похороны.

— Что ж, для него это важно. У стариков бывает такой пунктик. Им страшно подумать, что люди скажут: он, мол, был таким нищим, что и за собственные похороны заплатить не смог. Господин Заткачик умер бы со стыда, если бы у него не было денег на похороны.

— Он такой одинокий, просто ужас. Надо бы что-нибудь с этим делать, — сказала Тиффани.

— Верно, — согласилась тетушка Вровень. — Вот мы и делаем. Да еще вдова Гусси, добрая душа, присматривает за ним.

— Да, но ведь не мы должны этим заниматься, — сказала Тиффани.

— А кто же? — поинтересовалась старшая ведьма.

— Ну, например, сын, о котором он все время толкует.

— Тоби? Он уже лет пятнадцать как на тот свет отправился. А Мэри,

дочь старика, и вовсе молоденькой померла. Господин Заткачик очень близорук, но прошлое ему видится ближе, чем оно есть.

— Это несправедливо, то, как с ним обошлась жизнь, — только и смогла сказать Тиффани.

— Жизнь не может быть справедливой или нет. Жизнь — это просто жизнь: то, что с нами происходит, и то, что мы делаем сами.

— А вы не могли бы помочь ему волшебством? — спросила Тиффани.

— Да, я это и делаю. Слежу, чтобы он не страдал от боли, — сказала госпожа Вровень.

— С помощью трав, а не магии!

— И тем не менее это тоже волшебство. Если ты знаешь что-то, чего не знают другие, это и есть магия.

Тиффани чувствовала, что проигрывает спор, но упрямо сказала:

— Вы ведь прекрасно поняли, что я имею в виду!

— А, ты имеешь в виду — вернуть ему молодость и наполнить его дом золотом по самую крышу? Нет. Мы, ведьмы, этим не занимаемся.

— Мы лишь следим, чтобы у одинокого старика всегда было горячее на обед, и подрезаем ему ногти? — спросила Тиффани не без сарказма.

— Да, так и есть, — кивнула госпожа Вровень. — Мы делаем, что можем. Ведьмовское ремесло сводится по большей части к самым обычным вещам. Госпожа Ветровоск сказала, тебе важно к этому привыкнуть.

— А вы всегда ее слушаетесь? — спросила Тиффани.

— Я прислушиваюсь к ее словам, — холодно ответила тетушка Вровень.

— Тогда получается, госпожа Ветровоск — самая главная ведьма?

— О нет! — Тетушка пришла в ужас от этой мысли. — Не бывает главных ведьм. Это противоречит самому духу ведьмовства! Все ведьмы равны!

— Ну, понятно, — сказала Тиффани.

— Кроме того, — добавила тетушка Вровень, — госпожа Ветровоск никогда бы такого не позволила.

Из домов на Меловых холмах вдруг стали пропадать вещи. И не какие-то там яйца или цыплята. Развешанная на просушку одежда исчезла прямо с веревок. Пара башмаков загадочным образом испарилась из-под кровати Носача Держихлева, самого древнего старика в деревне.

— И ведь чертовски хорошие башмаки были, — жаловался он. — Бывалоча, выйдешь из пивной, так надо их только в сторону дома развернуть, а дальше они сами дойдут и меня донесут. А теперь вот

смылись и шляпу с собой в бега прихватили. Только-только она стала в самый раз по мне, мягкая такая, обвислая...

Пара штанов и пальто пропали с крюка в доме у Мелко Беса, который разводил хорьков. Вместе с пальто исчезла и пара хорьков, обитавших во внутренних карманах. И кто, скажите на милость, ухитрился забраться через окно в спальню Клема Дойнса и сбрить ему во сне бороду, такую длинную, что Клем затыкал ее за пояс? Воры ни единого волоска не оставили. Пришлось бедняге ходить, замотавшись шарфом по самый нос, чтобы не пугать дам видом своего голого розового подбородка.

Люди сошлись на том, что это все ведьмы виноваты. Многие повесили на окна побольше веревочных оберегов.

Однако...

Там, где зеленые склоны Меловых холмов спускаются вниз и переходят в равнину, на самом краю растут густые заросли ежевики и боярышника. Обычно в них звенят лишь птичьи голоса, но в этот день посреди зарослей звенели ругательства.

— *Раскудрить! Зырь, куды копытсы тычешь, ты, расхиляй!*

— *А я-то что? Мне-то кудыть? Коленьем быть — не мед те ишачий!*

— *Это вам-то не мед, чувырлы лентястые? А вы сюдыть, в башмаксы запуститесь! Энто староперд Держихлев сто лет копытсы свойные не мыл! Буб-бум, как оно тут штырит?*

— *Штырит те? А в кармансы не хо-хо? Те хори, штоб их переплющило, до ветров наружу не вылазили, ядрен твой черепок!*

— *Раскудрить! А ну кыкс затыкнули пасти, тупари дебелие!*

— *Ах тыке? Че, решил, раз ты в балде, так шибко бум-бум? Да для нас, внижних, ты токо лишний вес, вот!*

— *Ах-ха! Локти верно грят! Где бы ты был, ежли б мы тя не таскали тудым-сюдым? Хто ты ваще тако?*

— *Я-то? Я — Явор Заядло мак-Фигль, как вы все бум-бум на раз-два! И я сыт по горлы вашей братией!*

— *Ну, Явор, тута и правда малость тесновасто!*

— *И хнытьем из пузов я тож сыт по горлы!*

— *Уважаемые!*

Это был голос Жаба. Никому другому в голову бы не пришло так обратиться к Нак-мак-Фиглям.

— *Уважаемые! Время не ждет. Повозка скоро будет здесь. Вы ни в коем случае не должны пропустить ее!*

— *Мы не готовски, Жаб! Мы ходим, как дроворуб без костьев, которому до тубзи невтерпеж! — ответил голос, чуть более писклявый, чем*

остальные.

— Ничего, главное, что вы ходите. Этого достаточно. Удачи вам, господа.

Со стороны просвета в зарослях, откуда открывался вид на дорогу, раздался крик:

— Повозка с холма съезживает!

— Ребя, по местам! — гаркнул Явор Заядло. — Слышь, Жаб, зырь поза Джинни! Ей нужон кто-то с котелком на плечах, пока меня не бу! А ну, чучундры позорные, поперли! Или дыкс, или кирдыкс! Вы бум-бум, че делать! Кто на вервевах — майна-вира! Встаем!

Кусты зашевелились.

— Агась! Зады готовски?

— Готовски, Явор!

— Коленьи? Коленьи! Эй, коленьи!!!

— Готовски, Явор, но...

— Ступы?

— Готовски!

Кусты зашевелились снова.

— Лады! И помним: лев-прав, лев-прав! Зады, коленьи, ступы топе! Вы, в башмаксах, попружинистей! Все готовы? И — все разом! Прем!

Господин Крабохват, возчик, ничего такого не ожидал. Он просто ехал себе, глядя в пустоту, и думал о том, как вернется домой, и тут из кустов на дорогу вывалилось нечто. Выглядело оно как человек — точнее, оно было чуть больше похоже на человека, чем на что-либо еще. Вот только с коленями у этого... человека что-то было не так: он шел, как будто они были связаны веревкой.

Однако возчик не слишком долго размышлял над этими странностями, потому что незнакомец рассеянно помахивал рукой, и в этой одетой в перчатку руке сверкало золото.

С точки зрения господина Крабохвата, это разом снимало все вопросы насчет незнакомца. Конечно же, он никакой не бродяга, как можно было бы подумать, а напротив, почтенный господин, волею судьбы оказавшийся в затруднительных обстоятельствах, и святой долг возчика — прийти на помощь путешественнику в беде.

Господин Крабохват натянул поводья, и телега остановилась.

Лица как такового у незнакомца не было. Между обвислыми полями старой шляпы и поднятым воротником пальто виднелась только борода, зато уж бороды-то было в избытке. И откуда-то из глубин этой бороды раздался голос:

— Цытыцытытытытыты! А ну кыкс все затыкнулись, когда я гряю! Кхм. Добрового тебе дня, мой старый добровый старина возчик! Ежли ты подвезнешь нас... меня туды, куды ты еджаешь, я даду тебе от эту золоту монету!

Странный незнакомец сделал несколько неуверенных шагов и сунул монету под нос господину Крабохвату.

Монета была немаленькая. И золотая, в чем не возникало никаких сомнений. До этого дня она мирно лежала в погребальном кургане, обжитом Нак-мак-Фиглями. Как ни удивительно, пикеты не питают особого интереса к золоту — точнее, теряют интерес, стоит им его украсть. Золото ведь не выпьешь и не съешь. У себя в пещере они использовали монеты и блюда большей частью для того, чтобы добавить света — золото так красиво отражало огоньки свечей. А теперь Фигли решили прихватить немного с собой, рассудив, что дома от этого не убудет.

Возчик уставился на монету во все глаза. Она стоила дороже, чем все, что он видел в жизни.

— Прощу, господин... — пролепетал он. — Будь любезен, запрыгивай в телегу сзади, там место есть.

— О, вот и ладушки, — ответил бородач-загадка, немного помолчав. — Погодь, тут нужон верный мал-мал подход... Так, граблы, на раз-два хвате за борта! А ты, лев-нога этак бочком... Раскудрыть! А сгибаться хто бу? Сгибайсь, гряю! А ну кыкс! — Бородатое лицо повернулось к возчику: — Извиняй. Эти коленьи завсехда меня не слушаются.

— Не говори, куда это годится, — слабым голосом поддержал беседу господин Крабохват. — Мои тоже на сырость ноют почем зря. Я их гусиным жиром мажу.

— Вот же ж я доберусь до этих коленьев, я им так намажу, что век не забуднут! — прорычал бородач.

За спиной у возчика раздались стук и тихая ругань, и наконец загадочный незнакомец устроился на телеге.

— Ехсай давай! Не весь же день тут стоповать! — донесся его голос. — А вам, коленьи, я зады надеру! Из-за вас я топс-топс как малакуча препинаков! А ну, лезайте в пузы, а заместо вас пусть пара верных коленьев спустится!

Возчик тронул с места и попробовал монету на зуб. На золотом диске зуб оставил след — значит, металл был невероятно чистым, а пассажир — очень, очень богатым. В сложившихся обстоятельствах это имело немалое значение.

— А не можешь ты ехсать мал-мал бырей, мой старый добровый старина? — спросил незнакомец спустя некоторое время.

— Прости, господин, не могу, — ответил возчик. — Видишь все эти коробки и ящики? Нельзя, чтобы яйца побились, а яблоки помялись, а еще там добрый груз горшков с...

Сзади раздалась череда стуков, звяков и громыханий, а также один мощный плюх, в точности такой, какой издает полная коробка яиц, выброшенная на дорогу.

— Ну, теперь можем быр-бырей ехсать? — спросил голос.

— Эй, погоди, это же был мой... — начал господин Крабохват.

— А вот у меня ишшо така-сяка монетка для тебя, а?

На плечо возчика опустилась тяжелая и пахучая рука в перчатке, сжимающая еще одну золотую монету. Монета стоила вдесятеро больше, чем весь груз.

— Ну что ж... — проговорил возчик, осторожно принимая ее. — В пути ведь всякое может случиться, верно?

— Ах-ха, и ишшо как случнется, ежли бушь телепаты как черепакс, — подтвердил голос. — Нам... тойсь мне дозарезу надуть быр-бырей в эти ваши горы!

— О, для этого тебе нужен дилижанс, а не моя телега, господин, — сказал возчик, подхлестнув лошадь, чтобы шла рысью.

— Дилыжамс? Это что ишшо тако?

— Это повозка, на которую надо сесть, чтобы добраться в горы, добрый господин. В Дверубахи он останавливается, добрый господин. Я тебя дотуда довезу, а дальше я не езжу, добрый господин. Только сегодня ты все равно уже на дилижанс не поспеешь.

— Эт' ишшо почему?

— Мне надо заехать в другие деревни, добрый господин, это долгий путь, а дилижанс по средам идет рано, а телега моя быстрее ехать не может, вот и...

— Ежли мы... тойсь, ежли я упущу этот дилыжамс, я тебе такую фейкину мать спокажу, что родна мама не признает! — прорычал пассажир. — Но ежли мы, тойсь я таки споспею, я даду тебе ишшо пять таких-себе кругляксов!

Господин Крабохват набрал полную грудь воздуха и гаркнул:

— Но! Пошел! Поживей, Генри!!!

Как бы там ни было, размышляла Тиффани, то, чем занимаются ведьмы, это все равно что работа. Скучная работа. Тетушка Вровень и на метле-то нечасто летает.

Это немного удручало девочку. Как-то все оказалось уж слишком благообразно: просто будь хорошей и всем помогай. Нет, конечно, это лучше, чем если бы все оказалось слишком злобнообразно, но капелька чего-нибудь захватывающего не повредила бы. А то, по словам тетушки Вровень, выходило, что главное в магии — не использовать магию.

И как раз не использовать магию у Тиффани получалось удручающе хорошо. А вот волшебство, даже самое простое, давалось трудно.

Тетушка Вровень терпеливо объяснила ей, как плести путанки. В качестве материала для них можно было использовать все, что кажется подходящим, главное, чтобы среди прочего в путанку входило что-то живое: свежее яйцо или жук.

Но у Тиффани ничего не получалось. Это... раздражало. У нее ведь есть умозрительная шляпа, верно? И она, Тиффани, умеет видеть с Первого Взгляда и думать Задним Умом. Но при всем при этом тетушка Вровень и мисс Тик сооружали путанку за считанные секунды, а у Тиффани, как она ни старалась, все быстро заканчивалось неопрятным комком ниток, с которого капало яйцо. Снова и снова.

— Я уверена, что все делаю правильно, — в отчаянии сказала Тиффани. — Но оно перекручивается, хоть убейте. Ну что с этим делать?

— Может, омлет? — жизнерадостно предложила тетушка Вровень.

— Тетушка!

Ведьма успокаивающе похлопала девочку по плечу:

— Со временем все получится. Возможно, ты просто слишком стараешься. Знаешь, сила всегда приходит, главное — расположиться у нее на пути и подождать.

— А может, вы сделаете одну путанку для меня, чтобы я пока освоилась с ними? — спросила Тиффани.

— Боюсь, не могу, — сказала тетушка Вровень. — Путанка очень интересно устроена. Ее даже носить с собой нельзя, разве что как украшение, но тогда с нее и толку не будет. Путанку надо каждый раз делать заново, самой для себя, и там и тогда, именно там и именно тогда, когда собираешься ее использовать.

— Почему?

— Чтобы поймать момент, — вмешалась вторая половина тетушки Вровень, которая как раз подошла. — То, как ты затягиваешь узлы, и то, как проходит нить...

— ...и насколько свежее яйцо тебе попало, и, возможно, уровень влажности в воздухе... — подхватила первая половина.

— ...и как сильно изогнулись прутики, и что нашлось в твоих

карманах, чтобы вплести...

— ...и даже то, куда и как дует ветер, — закончила перечислять первая половина тетушки. — Все эти вещи и обстоятельства, если правильно с ними обойтись, складываются в нечто вроде... слепка твоего «здесь и сейчас». А как надо с ними обходиться, я тебе сказать не могу, потому что не знаю.

— Но сами-то вы прекрасно обходитесь, — возразила Тиффани. — Я видела своими глазами...

— Да, но я понятия не имею, как это делаю. — Ведьма взяла пару прутиков и отмотала кусок нитки.

Тетушка Вровень села за стол напротив тетушки Вровень и принялась в четыре руки плести путанку.

— Это напомнило мне одну историю. Когда я выступала в цирке... — начала она, — какое-то время я...

— ...выходила на арену вместе с Летящими Братьями Пастрими, Марко и Фалько... — продолжала вторая тетушка. — Они могли...

— ...крутить тройное сальто на высоте пятидесяти футов, и притом без страховочной сетки внизу. Такие были ребята. И они походили друг на друга...

— ...как две капли воды. И Марко мог поймать Фалько с завязанными глазами. Ох-хо-хо, я даже подумала было: может, они — совсем как я...

Тетушка, смешавшись, умолкла на минутку, все четыре ее щеки немного порозовели.

— В общем, — продолжала она, — однажды я спросила их, как им удается ходить по канату и не падать. И Фалько ответил: «Никогда не спрашивай канатоходца о том, как он удерживает равновесие. Потому что, стоит канатоходцу остановиться и задуматься об этом, он упадет». Точнее, он сказал...

— «Никодиссимо нон задавай уно канатохоци вопроси...», потому что ребята, понимаешь ли, всем говорили, будто они из Бриндизи. Это ведь звучит так по-заграничному, так шикарно... Они боялись, что никто не захочет смотреть на Летящих Сидни и Фрэнка Напролоумов. Но, как бы то ни было, совет был очень хороший.

Ее руки продолжали работать — не просто руки одной слегка разволновавшейся тетушки, а двадцать пальцев тетушки Вровень в ее полном составе.

— Конечно, — говорила она, — полезно всегда носить в карманах что-нибудь подходящее. У меня, например, там лежит несколько блесков...

— ...на память о былых счастливых днях, — пояснила вторая

половина, снова застенчиво зардевшись.

Она подняла готовую путанку. С нитей свисали, крутятся и покачиваясь, блестки, свежее яйцо в маленькой сеточке, куриная кость и еще множество всякой всячины. Тетушка Вровень осторожно продела пальцы всех своих четырех рук в замысловатое хитросплетение нитей и потянула...

Узор нитей изменился. Правда ли блестки перепрыгнули с нитки на нитку? Вроде бы да. И неужели куриная кость в самом деле прошла сквозь яйцо? Со стороны это выглядело именно так.

Ведьма взгляделась в путанку:

— Что-то приближается...

Почтовый дилижанс выехал из Дверубахи полупустым. Он уже оставил холмы позади и давно катил по равнине, когда один из пассажиров на крыше постучал кучера по плечу.

— Извини, — сказал он. — Ты заметил, что какая-то повозка пытается нас догнать?

— Боги с вами, господин! — ответил возница, потому что рассчитывал на щедрые чаевые в конце поездки. — Нет на свете такой повозки, чтобы нас обогнала!

Тут он услышал далеко позади хриплый визг, который быстро приближался.

— Гм. А тот парень, похоже, об этом не знает, — заметил пассажир, когда телега возчика обогнала их.

— Стой! Ради всего святого, стой ты! — вопил возчик на скаку.

Но ничто не могло остановить Генри. Долгие годы он возил телегу от деревни к деревне, медленномедленно, а тем временем в его большой лошадиной голове зрела идея о том, что он, Генри, рожден, чтобы скакать быстрее ветра. А он только таскался по дорогам, и все телеги, повозки и трехногие псы оставляли его за кормой. Зато теперь настал его звездный час.

Вдобавок еще и телега сегодня была легче обычного, а дорога в этом месте шла немного под горку. Все, что требовалось, — это скакать галопом достаточно быстро, чтобы оставаться впереди телеги. А потом он обогнал почтовый дилижанс! Он, Генри!

Он остановился только потому, что дилижанс остановился первым. Кроме того, Генри почувствовал, что кровь уж больно сильно стучит в жилах, и к тому же в упряжке дилижанса обнаружилась пара кобылок, с которыми он был бы не прочь познакомиться поближе — расспросить,

когда у них бывает выходной, какое сено они предпочитают, и все в таком роде.

Возчик, бледный как полотно, осторожно слез с телеги, лег в дорожную пыль и крепко обнял земную твердь. Его единственный пассажир, сидевший в задней части телеги, неуклюже спустился и заковылял в сторону дилижанса. Выглядел он, отметил кучер, как настоящее пугало.

— Прости, мест нет, — поспешно сказал возница.

Места были, но определенно не для такого страшилища.

— Ах, а я-то хотел золотом плачевать, — отозвалось пугало. — От такенным золотом, — добавило оно, размахивая рукой в драной перчатке.

В дилижансе внезапно обнаружилось более чем достаточно места для эксцентричного миллионера. Уже несколько секунд спустя новый пассажир расположился внутри, и дилижанс, к досаде Генри, тронулся дальше.

К домику тетушки Вровень через лес приближалась метла. На метле боком сидела юная ведьма — или, по крайней мере, девочка, одетая как ведьма. Никогда не стоит спешить с выводами.

Летела она не очень хорошо. Метла двигалась рывками, а время от времени девочке приходилось слезать и вручную разворачивать ее в нужном направлении — похоже, заставить ее повернуть иначе ей пока не удавалось.

— Молодец, Петулия. — Тетушка поаплодировала девочке всеми четырьмя руками. — Ты делаешь большие успехи.

— Эмм, спасибо тетушка Вровень, — сказала юная ведьма и поклонилась. И осталась стоять, согнувшись. — Эмм, ой...

Половина тетушки Вровень шагнула к ней.

— О, вижу! — сказала она, приглядевшись. — Это цепочка твоего амулета с маленькими совами перепуталась с ожерельем в виде летучих мышей, и они вместе зацепились за пуговицу. Теперь постой-ка немного смиренно, хорошо?

— Эмм, я пришла спросить, не хочет ли ваша новая ученица прийти сегодня к нам на шабаш, — проговорила девочка. Голос ее звучал немного приглушенно.

Тиффани не могла не заметить, что Петулия вся увешана украшениями. Позже выяснилось, что невозможно сколько-нибудь долгое время находиться в обществе Петулии, чтобы не пришлось помогать ей отцепить браслет от ожерелья или, как случилось однажды, сережку от цепочки на щиколотке (никто так и не понял, как это получилось). Петулия

не могла устоять перед притяжением оккультных украшений. Большая часть их, по идее, должна была оберегать ее от разного рода неприятностей, но ни одно не спасало Петулию от нелепого вида. Она была низенькая и пухленькая, с вечно красным лицом, на котором застыло выражение легкой тревоги.

— Шабаш? А, это когда вы с девочками встречаетесь... — кивнула тетушка Вровень. — Сходить туда было бы чудесно, правда, Тиффани?

— Да? — Тиффани пока не была в этом твердо уверена.

— Несколько девочек собираются по вечерам в лесу, — пояснила тетушка. — Не знаю почему, но последнее время ведьмовское ремесло вновь стало популярным. Это, конечно, не может не радовать. — Последние слова она произнесла как-то не слишком уверенно. — Петулия — ученица бабки Черношляп из Бес-Подвоха. Бабка работает в основном с животными. Очень хороша в свиных болезнях. В смысле, она хорошо лечит эти болезни, а не сама ими болеет. Будет замечательно, если вы подружитесь. Почему бы тебе не пойти, Тиффани?.. Ну, вот мы все и распутали...

Петулия выпрямилась и неуверенно посмотрела на Тиффани.

— Эмм, Петулия Хрящик, — сказала она и протянула руку.

— Тиффани Болен, — представилась в ответ Тиффани, пожимая руку с некоторой осторожностью из опасения оглохнуть от звона многочисленных браслетов Петулии, а заодно и всех вокруг оглушить.

— Эмм, можешь полететь со мной на метле, если хочешь, — предложила Петулия.

— Спасибо, я лучше так, — отказалась Тиффани.

Петулия вздохнула с облегчением, но тут вспомнила еще кое-что:

— Эмм, а ты не хочешь сходить одеться?

Тиффани опустила глаза на свое зеленое платье.

— Я одета.

— Эмм, а у тебя разве нет драгоценных камней, четок, амулетов или еще чего-нибудь такого?

— Нет. Извини, — сказала Тиффани.

— Эмм, ну уж хотя бы путанка-то у тебя наверняка имеется?

— Эмм... они у меня что-то пока не получаются, — призналась Тиффани.

Она совершенно не собиралась «эммкать», но вблизи Петулии эти «эмм» просто носились в воздухе, вот она и подхватила.

— Эмм... Может, у тебя есть черное платье?

— Не люблю черный цвет. Мне больше нравятся голубой и

зеленый, — сказала Тиффани. — Эмм...

— Эмм. Ну, ладно, ты ведь еще только начала учиться, — великодушно сказала Петулия. — А я вот в ВР уже три года.

Тиффани беспомощно взглянула на тетушку Вровень.

— В ведьмовском ремесле, — пояснила та.

— А-а.

Тиффани понимала, что ведет себя невежливо. И ведь видно же, что эта Петулия, с ее вечно розовыми щеками, хорошая, но Тиффани почему-то было неловко общаться с ней, хотя она никак не могла понять почему. Как глупо! Подруга ей бы совсем не помешала. Конечно, тетушка Вровень очень милая, и с Освальдом они неплохо ладят, но хорошо было бы иногда поговорить с кем-то своего возраста.

— Ладно, я с радостью пойду, — сказала Тиффани. — Мне ведь еще так много надо узнать...

Пассажиры, путешествующие в дилижансе, заплатили немалые деньги за то, чтобы сидеть внутри, а не на крыше, где ветер и пыль. Поэтому может показаться странным, что многие из них перебрались на крышу на ближайшей остановке. Те же несколько человек, кто не захотел ехать наверху или просто не смог туда залезть, сбились в кучку на сиденье напротив странного нового пассажира и смотрели на него, как семейство кроликов на лису, стараясь не дышать.

Беда была не в том, что от него несло хорьками. То есть это, конечно, была та еще беда, но она оказалась сущим пустяком по сравнению с другой. Он разговаривал сам с собой, вот в чем дело. Точнее, части его тела говорили друг с другом. Всю дорогу.

— *Ух, ну и мерзаво ж тут! Грю те, мой черед в балде садить!*

— *Ха! Вам там в брюхе жизнь-малина! Мыто в ступах и ногах за вас всю как есть работу работаем!*

Тут вмешалась правая рука:

— *В ногах? А ты б попробовал весь в пурчатку усунуться, я б на тя позырил! А, катись оно все вдоль-попер, мне надуть лапсы вытянуть!*

В молчаливом ужасе пассажиры увидели, как одна упрятанная в перчатку кисть их жуткого соседа отделилась от руки и пошла гулять по сиденью.

— *Тута в бруках тож не мед, ежели ты не бум-бум. Дыхсать нечем. Попроеврю-ка я...*

— *Туп Вулли, не смей!*

Пассажиры еще теснее сгрудились на сиденье и, не в силах отвести

взгляд, уставились на штаны незнакомца. Там что-то шевелилось и ругалось себе под нос, причем в области, где никакого носа быть не должно. Наконец пара пуговиц расстегнулась, и на свет высунулся, моргая после темноты, очень маленький синегокожий и рыжеволосый человечек.

Заметив пассажиров, он замер.

И вытаращился на них.

А они на него.

Наконец он улыбнулся им безумной улыбкой от уха до уха.

— Ну кыкс, чувлаки, все типсы-топсы? — спросил он с отчаянной веселостью. — Ну и аааатлично! А про меня прозабудьте, я ж просто тыке, хлюцинация!

Он снова скрылся в штанах, и до пассажиров донесся его громкий шепот:

— Нае проблеме, я им балды запросто задуркнул!

Через несколько минут дилижанс остановился сменить лошадей. Дальше он отправился уже без тех пассажиров, что ехали внутри. Они вышли и попросили снять их багаж. Нет, спасибо, им что-то не хочется сегодня ехать дальше. Спасибо-спасибо, они сядут на завтрашний дилижанс. Нет-нет, они с удовольствием подождут его в этом чудном маленьком городке под названием, э, Опасный Поворот. Спасибо. До свидания.

Избавленный от части груза, дилижанс покатил быстрее. Ночью он продолжал двигаться, хотя и не должен был. Однако ненадолго он все же остановился, и пассажиры с крыши как раз ужинали в придорожном трактире, когда услышали, что карета уехала. Возможно, это было как-то связано с горстью золотых монет, перекочевавшей в карман возницы.

Глава 5

ШАБАШ

Тиффани шла через лес пешком, а Петулия летела более или менее рядом по сложной ломаной траектории. За время пути Тиффани узнала, что Петулия девочка милая и добрая, что у нее три брата, что, когда вырастет, она хочет помогать появляться на свет людям и свиньям и что она боится булавок. А еще оказалось, Петулия страшно не любит не соглашаться с кем-либо.

Поэтому местами разговор складывался как-то так:

— Я живу в Меловых холмах, — говорила Тиффани.

— Ой, это там, где разводят овец? — отзывалась Петулия. — Не люблю овец, они какие-то... мешковатые.

— Сказать по правде, мы очень гордимся своими овцами, — отвечала Тиффани.

А дальше можно было просто стоять в сторонке и смотреть, как Петулия тщится обернуть свое суждение в прямо противоположную сторону, ни дать ни взять, возница, разворачивающий телегу на узкой улице:

— Ой, я не имела в виду, что я их прямо так уж не люблю. Некоторые овцы, наверное, вполне ничего. Лучше бы мы держали овец, а не коз. Овцы лучше, шерстистее. На самом деле я люблю овечек, правда. Они просто прелесть.

Петулия тратила немало сил на то, чтобы выяснить, что думают другие, — а когда ей это удавалось, начинала думать так же. Поспорить с ней было бы просто невозможно. Тиффани захотелось сказать: «Небо зеленое» — и посмотреть, сколько времени понадобится Петулии, чтобы с этим согласиться. Но она удержалась. Ей нравилась Петулия. Эту девочку нельзя было не любить. С ней было так легко... Кроме того, очень трудно не испытывать симпатии к человеку, который не может заставить метлу повернуть.

Идти (и лететь) через лес пришлось довольно долго. Когда Тиффани жила дома, ей всегда хотелось побывать в по-настоящему большом лесу, ведь в холмах любая рощица просвечивала насквозь. Но теперь она уже пару недель жила как раз в большом лесу, и он начал ей надоедать. Хорошо еще, он был негустым и проходимым. Теперь Тиффани волей-неволей

узнала, чем клен отличается от березы, а ели и пихты, растущие выше по склону, в горах она увидела впервые. Но ей было неуютно в компании деревьев. Ей не хватало простора. Не хватало неба. Здесь все подступало к тебе слишком близко.

Петулия натянута болтала. Бабка Черношляп была ведьмой, которая ускучивала свиней, закрикивала коров и вообще лечила животных. Петулия любила животных, особенно свиней, ведь у них такие милые пяточки. Тиффани тоже любила животных, но с Петулией в любви к животным сравниться могли только животные.

— Скажи... а по какому поводу эта встреча, на которую мы идем? — спросила Тиффани, чтобы переменить тему.

— Эмм... Ну, это просто чтобы не терять друг дружку из виду, — сказала Петулия. — Аннаграмма говорит, очень важно поддерживать связь.

— Выходит, эта Аннаграмма у вас за главную? — спросила Тиффани.

— Эмм, нет. У ведьм не бывает главных, так Аннаграмма говорит.

— Хмм, — протянула Тиффани.

Они наконец вышли на поляну посреди леса. Солнце садилось. На поляне сохранились развалины домика, почти утонувшие в кустах ежевики. Только невиданных размеров сирень и кусты крыжовника, превратившиеся в колючие непроходимые заросли, выдавали, что кто-то когда-то жил здесь и развел сад.

А теперь кто-то другой развел костер. Неудачно. И этот кто-то как раз обнаружил, что лечь на живот, чтобы раздуть огонь, не желаящий разгораться на кучке влажных веточек, — не самая лучшая мысль. Особенно если не снять перед этим остроконечную шляпу, потому что, упав на чадающую растопку, шляпа мгновенно вспыхивает — она-то, в отличие от растопки, сухая...

И вот молоденькая ведьмочка уже отчаянно размахивает своей шляпой, пытаясь сбить пламя, а несколько заинтересованных зрительниц не сводят с нее глаз.

Еще одна ведьма, сидящая на поваленном дереве, сказала:

— Поплина Бубен, это буквально самая большая глупость, которую кто-либо когда-либо отмачивал в целом свете.

Голос у нее был резкий и не слишком приятный — именно такой, каким обычно отпускают саркастические замечания.

— Прости, Аннаграмма, — сказала ведьма по фамилии Бубен, надевая обгорелую шляпу и притопывая.

— Я хочу сказать, посмотри на себя. Ты же всех подводишь.

— Прости, Аннаграмма.

— Эмм, — сказала Петулия.

Все повернулись посмотреть на новоприбывших.

— Ты опоздала, Петулия Хрящик! — рявкнула Аннаграмма. — А это кто такая?

— Эмм, Аннаграмма, ты же сама попросила меня заглянуть к тетушке Вровень и привести новенькую, — принялась оправдываться Петулия, как будто она сделала что-то не так.

Аннаграмма встала. Она была по меньшей мере на голову выше Тиффани, а ее лицо, похоже, начали лепить с носа (слегка задранного) и потом уже приделали все остальное. Когда Аннаграмма смотрела на кого-нибудь, он остро ощущал, что уже отнял слишком много ее драгоценного времени.

— Так это она?

— Эмм, да, Аннаграмма.

— Ну что ж, новенькая, давай-ка мы на тебя поглядим, — сказала Аннаграмма.

Тиффани вышла вперед. И сама удивилась. Она ведь не собиралась выходить. Но у Аннаграммы был голос, которому невозможно было не подчиниться.

— Как тебя зовут?

— Тиффани Болен? — проговорила Тиффани и поняла, что произносит свое имя так, будто спрашивает разрешения носить его.

— Тиффани? Звучит забавно, — заявила высокая девица. — Меня зовут Аннаграмма Ястребей.

— Эмм, Аннаграмма работает на... — начала Петулия.

— Не «на», а «с», — резко поправила Аннаграмма, изучая Тиффани с головы до ног.

— Эмм, прости, работает с госпожой Уверткой, — проговорила Петулия. — Но она...

— Я собираюсь на будущий год закончить учебу, — сказала Аннаграмма. — По всем признакам, я постигаю премудрости ремесла феноменально быстро. Так ты — та девочка, что живет у тетушки Вровень, верно? Она, знаешь ли, странная. Три девочки до тебя очень недолго продержались. Жаловались, что никак не могут уследить, кто из тетушек кто.

— Ну да, ведь обе половины друг дружке Вровень, — хихикнула одна из ведьмочек.

— Эта игра слов и ребенку под силу, Люси Уорбек, — сказала Аннаграмма, не оглянувшись. — Не смешно. И не умно вдобавок.

Она снова сосредоточилась на Тиффани и стала рассматривать ее так же пристально, как матушка Болен изучала овцу, которую собиралась купить. Тиффани даже подумала, уж не попытается ли Аннаграмма заглянуть ей в рот и проверить, все ли зубы на месте.

— Говорят, на меловых почвах не может родиться ведьма, — сказала Аннаграмма.

Остальные девочки смотрели то на нее, то на Тиффани, и Тиффани подумала: «Ха! Так, говорите, у ведьм не бывает главных?» Но она была не в настроении наживать врагов.

— Наверное, все-таки может, — тихо возразила она.

Это был явно не тот ответ, которого ожидала Аннаграмма.

— Ты даже не оделась как подобает, — прошипела она.

— Извини.

— Эмм, Аннаграмма говорит, если хочешь, чтобы люди с тобой обращались как с ведьмой, надо выглядеть как ведьма, — вмешалась Петулия.

— Хмм, — протянула Аннаграмма, глядя на Тиффани так, словно та провалила простейший экзамен. Но потом снисходительно кивнула: — Ладно, всем надо с чего-то начинать.

Она отступила на шаг и обратилась к девочкам:

— Дамы, это Тиффани. Тиффани, Петулию ты уже знаешь. Она постоянно налетает на деревья.

Поплина Бубен — это та, у которой до сих пор тлеет шляпа, отчего она смахивает на дымовую трубу. Это Гертруда Утихни, это наша неподражаемо остроумная Люси Уорбек, это Гарриетта Жулинг с ее безнадежным косоглазием, а это Лулу Зайка с ее безнадежным именем. Можешь пока просто посидеть и посмотреть... как тебя, Тиффани, верно? Экая жалость, что ты попала к тетушке Вровень. Какая из нее ведьма... Ни капли профессионализма. Все суетится, крыльями хлопает и на что-то надеется. А настоящего понимания — ни на грош. Ну ладно, время-то идет, уже поздно... Гертруда, будь добра, Обрати Призыв На Все Четыре Стороны Света и Открой Круг.

— Э-э... — нервно протянула Гертруда.

Просто удивительно, как люди начинали нервничать в присутствии Аннаграммы.

— Ох, сколько с вами ни занимайся — все без толку, — вздохнула Аннаграмма. — Постарайся вспомнить, пожалуйста. Мы ведь это уже буквально миллион раз повторяли.

— А я никогда не слышала про четыре стороны света, — вмешалась

Тиффани.

— Правда? Удивительно, — сказала Аннаграмма. — Так вот, Тиффани, это направления, по которым течет сила в нашем мире, и если хочешь совет, тебе тоже не помешало бы имя получше.

— Но мир ведь круглый, как блюдце, — сказала Тиффани.

— Эмм, надо представить, как будто у него есть четыре стороны, — шепотом подсказала Петулия.

Тиффани непонимающе нахмурилась:

— А зачем?

Аннаграмма закатила глаза:

— Потому что так положено!

— А-а.

— Послушай, ты ведь уже имеешь какой-то опыт в магии, верно? — резко спросила Аннаграмма.

Тиффани немного растерялась. Ей раньше не доводилось общаться с такими людьми.

— Да, — сказала она.

Остальные девочки молча смотрели на нее, и Тиффани невольно подумала, что они сейчас очень напоминают овец. Когда на какую-нибудь овцу накидывается собака, остальные овцы отходят в сторонку и смотрят. Им в голову не придет объединиться против собаки. Они просто радуются, что в этот раз досталось не им.

— Хорошо, тогда что тебе удастся лучше всего? — спросила Аннаграмма.

— «Нежная Нелли», — брякнула Тиффани, не задумываясь — мысли ее все еще были заняты овцами. — Это такой овечий сыр. Его довольно трудно делать...

Она оглядела застывшие непонимающие лица девочек и смутилась. Неловкость, зародившись где-то внутри, стала быстро подниматься, как горячее варенье в котле.

— Эмм, Аннаграмма имела в виду, с какой магией ты лучше всего справляешься, — пришла ей на выручку добросердечная Петулия.

— Хотя «Нежная Нелли» — тоже неплохо, — заметила Аннаграмма со зловредной улыбочкой.

Несколько девочек тихонько прыснули в кулачок, явно пытаясь скрыть смех, но не пытаясь скрыть, что они его скрывают.

Тиффани снова уставилась на носки своих башмаков.

— Не знаю, — пробормотала она. — Но я вышвырнула прочь Королеву эльфов, когда она вторглась в мою страну.

— Да что ты говоришь! — усмехнулась Аннаграмма. — Саму Королеву эльфов? И как же тебе это удалось?

— Я... я точно не знаю. Просто я очень разозлилась на нее тогда.

События той ночи помнились ей смутно. Да, она тогда разозлилась, страшно разозлилась, и мир... стал другим. Тиффани видела все-все яснее, чем ястреб, слышала чутье собаки, ощущала спрессованные века под ногами и чувствовала жизнь, по-прежнему дремлющую в толще холмов... И еще подумала тогда, что невозможно видеть, слышать и чувствовать все это слишком долго и оставаться человеком.

— А что, башмаки у тебя в самый раз, чтобы сердито топнуть ножкой, — сказала Аннаграмма.

Раздалось еще несколько не слишком сдавленных смешков.

— Королева эльфов, значит, — добавила она. — Ну конечно, ты с ней разделалась. Мечтать не вредно.

— Но это правда, — тихо сказала Тиффани, однако ее уже никто не слышал.

Подавленная и несчастная, она стала смотреть, как девочки Открывают Мир На Все Четыре Стороны Света и Обращают Призыв Кругу, а может, наоборот. Как бы там ни было, ритуал затянулся. Все бы шло веселее, если бы юные ведьмы лучше понимали, что и когда они должны делать. И возможно, им проще было бы сосредоточиться, если бы рядом не стояла Аннаграмма, которая их постоянно поправляла. В руках она держала открытой большую книгу.

— ...Теперь ты, Гертруда, идешь противосолонь... нет, в другую сторону, когда ты уже запомнишь, мы ведь это уже буквально тысячу раз делали, не меньше, а Лулу... Где Лулу? Ты должна быть совсем не там! Возьми Исповедальную Чашу... нет, это та, что без ручек! Да, эту. Гарриетта, ты не могла бы поднять Жезл Воздуха чуть повыше? Вообще-то предполагается, что он должен по крайней мере быть в воздухе, понимаешь? А ты, Петулия, не могла бы держаться с некоторым достоинством? Я понимаю, это тебе не свойственно, но можно же хотя бы попробовать. Кстати, давно хочу тебе сказать: если я хоть что-нибудь в этом смысле, ни одно когда-либо записанное заклинание не начинается с «эмм». Гарриетта, это, по-твоему, Котел Моря? Разве это похоже на Котел Моря? По-моему, нет, а ты как думаешь? А это еще что за шум?!

Девочки посмотрели себе под ноги. Кто-то промямлил:

— Поплина наступила на Венец Вечности, Аннаграмма.

— Это, случайно, не тот, который украшен настоящим жемчугом? — зловеще тихим голосом уточнила Аннаграмма.

— Эмм, да, — сказала Петулия. — Но я уверена, она очень сожалеет. Эмм... Может, я сделаю всем по чашечке чая?

«Хлоп!!!» — Аннаграмма резко закрыла свою книгу.

— Какой во всем этом смысл? — спросила она у мира в целом. — Какой. Во всем. Этом. Смысл? Вы что, хотите всю жизнь быть деревенскими ведьмами и лечить всякие чирьи-бородавки за чашку чая с печеньем? Ну? Этого вы хотите?

Со стороны испуганной кучки ведьмочек донеслось шарканье и нестройное бормотание в том смысле, что нет, они не хотят.

— Вы ведь все читали книгу госпожи Увэртки? — спросила Аннаграмма. — Читали или нет, я спрашиваю?

Петулия робко подняла руку:

— Эмм...

— Петулия, я же тебе буквально миллион раз говорила! Не начинай. Каждую. Фразу. С «эмм». Говорила ведь?

— Эмм... — Петулию от волнения била дрожь.

— Да говори уже наконец! Что ты мямлишь все время!

— Эмм...

— Петулия!

— Эмм...

— Нет, правда, ты могла бы хотя бы попытаться! Честное слово, я не понимаю, что с вами со всеми происходит!

«А я понимаю, — подумала Тиффани. — Ты как бестолковая овчарка, которая только пугает овец.

Ты не даешь им времени сделать то, чего ты от них добиваешься. А когда они что-то делают как надо, ты не даешь им это понять. Только лаешь и лаешь все время».

Петулия прикусила язык и не могла больше выдать ни слова.

Аннаграмма положила книгу на бревно рядом с собой.

— Что ж, момент безнадежно упущен, — сказала она. — Теперь уже все равно, можно и чаю выпить, Петулия. Да поскорее.

Петулия с облегчением схватила чайник. Все немного успокоилось.

Тиффани пригляделась к книге. На обложке значилось:

Летиция Увэртка, ведьма

Высшая Магия

— «Магия»? — спросила Тиффани. — Через «Й»?

— Это специально, — сказала Аннаграмма. — Госпожа Увэртка говорит, если мы хотим сдвинуться с мертвой точки, необходимо отличать подлинную высшую магию от ее низкой повседневной разновидности.

— От повседневной разновидности магии? — не поняла Тиффани.

— Именно так. Все это бормотание по кустам — не для нас. Мы признаем только подобающе освященные круги и записанные на бумаге заклинания.

Нам нужна надлежащая иерархия, а то когда все колдуют кто во что горазд, это никуда не годится. Настоящие волшебные палочки, а не какие-то корявые прутья. Профессионализм и почет. И никаких бородавок. Вот единственный путь к успеху.

— Я думаю... — начала Тиффани.

— Что ты думаешь — меня не особенно волнует, ведь ты пока ничего не знаешь, — резко оборвала ее Аннаграмма и повернулась к остальным: — Я надеюсь, у вас хотя бы есть что показать на Испытаниях?

Девочки закивали и забормотали, что да, есть.

— Петулия, с чем собираешься выступить ты? — спросила Аннаграмма.

— С поросычьим фокусом, — робко сказала ведьмочка.

— Хорошо. Он у тебя почти достойно получается, — произнесла Аннаграмма и принялась допрашивать одну девочку за другой и кивать, услышав ответ. Наконец она дошла до Тиффани. — «Нежная Нелли»? — предположила она, и девочки опять захихикали.

— А о каких Испытаниях речь? — спросила Тиффани. — Тетушка Вровень как-то их упоминала, но я не знаю, что это вообще такое.

Аннаграмма в очередной раз протяжно, на показ, вздохнула:

— Расскажи ей, Петулия.

Запинаясь, эммкая и то и дело испуганно поглядывая на Аннаграмму, Петулия объяснила, что такое Испытания Ведьм*. На Испытания, эмм, собираются ведьмы со всех уголков гор, чтобы повидать старых друзей, обменяться последними новостями и, эмм, слухами. Обычные люди тоже могут прийти, во время Испытаний всегда устраивают ярмарку и, эмм, показывают всякие представления.

Испытания — это, эмм, большой праздник для всей округи. А ближе к вечеру ведьмы, которые, эмм, хотят, могут показать, что они научились делать с помощью магии. Очень много, эмм, народу приходит посмотреть.

Тиффани подумала, что Испытания, должно быть, в чем-то похожи на Овчарочьи Смотры, только без овчарок и овец. В этом году Испытания будут проходить в деревушке под названием Крутой Утес, отсюда рукой подать.

— А победительница получает приз? — спросила Тиффани.

— Эмм, конечно, нет, — сказала Петулия. — Испытания устраивают

просто для того, чтобы все могли вдоволь повеселиться, чтобы поддержать дух всеобщего брат... эмм, сестринства.

— Ха! — фыркнула Аннаграмма. — Даже у нее хватит ума не поверить в это. И вообще, на Испытаниях все решено заранее, они сплошной обман. Все опять будут хлопать этой госпоже Ветровоск. Она всегда побеждает, что бы ни делала. А все потому, что умеет людям головы задурить. Заставляет их думать то, что ей нужно. Против волшебника она не продержалась бы и пяти минут — они-то настоящей магией занимаются! И одевается она как пугало огородное! Вот из-за таких невежественных старух, как она, наше ремесло до сих пор не шагнуло в будущее — госпожа Увёртка пишет об этом в первой главе своей книги.

У одной-двух девочек сделался испуганный вид. Петулия даже тревожно оглянулась через плечо.

— Эмм, говорят, она поразительные вещи делает, Аннаграмма, — сказала она. — А еще, эмм, говорят, она может видеть и слышать, что происходит за много миль от нее...

— Да, люди так *говорят*, — согласилась Аннаграмма. — Потому что боятся ее. Она всех запугала! Она только это и умеет: запугивать людей и морочить им головы. Вот вам старое ведьмовство во всей красе! Лично я считаю, этак недолго и до пряничных домиков докатиться. Говорят, она уже наполовину выжила из ума...

— Мне она вовсе не показалась полоумной.

— Это еще кто сказал? — рявкнула Аннаграмма.

Все посмотрели на Тиффани, и она пожалела, что не смогла промолчать. Но теперь отступить было некуда.

— Она просто довольно старая и строгая, — сказала Тиффани. — Но держится вполне... вежливо. И не хихикает.

— Ты с ней встречалась?

— Да.

— И она с тобой говорила, да? — прорычала Аннаграмма. — И когда же, до или после того, как ты одолела Королеву эльфов?

— Сразу после, — ответила Тиффани. У нее не было никакого опыта в подобных перепалках. — Госпожа Ветровоск тогда прилетела на метле, — добавила она. — Я говорю правду.

— Ну конечно, — мрачно улыбнулась Аннаграмма. — Она, наверное, явилась поздравить тебя с победой?

— Не совсем, — сказала Тиффани. — Она, похоже, была довольна, но точно сказать не могу.

А потом она сделала страшную, страшную глупость. Такую страшную,

что даже много лет спустя, когда что-то напоминало ей о том вечере, она принималась мысленно напевать «ля-ля-ля», лишь бы заглушить стыд.

Она сказала:

— А потом она дала мне эту шляпу.

И все девочки, как одна, спросили:

— Какую еще шляпу?

Петулия проводила ее обратно до домика тетушки, а по пути очень старалась утешить, мол, она-то ей верит... Но Тиффани понимала, что Петулия говорит это просто по доброте душевной. Тетушка Вровень пыталась что-то сказать, но Тиффани бегом поднялась в свою комнату, закрылась на засов, скинула башмаки и бросилась на кровать, накрыв голову подушкой, хоть это и не помогло ей заглушить смех, звучащий в ушах.

Она слышала, как тетушка и Петулия о чем-то тихо поговорили, потом за Петулией закрылась дверь.

Спустя какое-то время рядом зашебуршало — башмаки Тиффани проползли по полу и аккуратно разместились под кроватью. Освальд стоял на страже порядка, что бы ни случилось.

Спустя еще какое-то время смех в голове поутих, однако Тиффани знала, что всегда будет его слышать.

Она могла протянуть руку и пощупать шляпу. По крайней мере, раньше могла. Умозрительную шляпу на своей самой настоящей голове. Но никто этой шляпы не видел. А Петулия даже протянула руку и помахала ею над головой Тиффани, обнаружив, что шляпы и правда нет.

А хуже всего — хотя трудно сказать, что хуже, так невыносимо унижительно было все произошедшее, — хуже всего Тиффани пришлось, когда Аннаграмма сказала: «Не надо, не смейтесь над ней. Нельзя быть такими бессердечными. Она просто дурочка, вот и все. Я ведь говорила, что эта старуха морочит людям головы!»

Разум Тиффани — тот обычный разум, который есть у всех, — в отчаянии носился по кругу, перебирая одни и те же мысли. Задний Ум ничего не мог сделать, застряв на тихом островке посреди бури. И только Дальний Умысел, чей голос был едва слышен, напомнил: *Даже если твой мир окончательно и навсегда рухнул и ему уже ничем не помочь, даже если ничто, ничто на всем белом свете не может тебя утешить, было бы неплохо услышать, как кто-то поднимается по лестнице, чтобы принести немного супа...*

Дальний Умысел поднял Тиффани с постели, заставил подойти к двери и, завладев ее рукой, отодвинул засов. После этого он позволил ей снова

рухнуть на кровать.

Через несколько минут половицы на лестничной площадке скрипнули. Приятно убедиться, что ты не ошиблась.

Тетушка Вровень постучалась, выждала немного для приличия и вошла. Тиффани услышала, как на столик опустился поднос, потом кровать под ней прогнулась, когда старушка присела рядом.

— Я всегда говорила, что Петулия — способная девочка, — сказала она. — Когда-нибудь из нее получится отличная деревенская ведьма, которая будет приносить пользу людям.

Тиффани ничего не ответила.

— Она рассказала мне, что произошло, — продолжала тетушка. — Мисс Тик не говорила мне про шляпу, но я бы на твоём месте ей и не рассказала. Подарить тебе такую шляпу было вполне в духе госпожи Ветровоск... Знаешь, иногда, если поговорить о своём горе, на душе становится легче.

Ещё одна порция гробового молчания в ответ.

— На самом деле это не слишком помогает, — сказала тетушка. — Но я ведь ведьма, а значит, ужасно любопытная, и мне нестерпимо хочется узнать побольше.

Это тоже не возымело никакого действия. Тетушка Вровень со вздохом поднялась на ноги.

— Я оставлю суп, но имей в виду: когда он остынет, Освальд захочет забрать миску.

Она вышла и спустилась вниз.

Пять минут в комнате все оставалось без движения, потом раздалось еле слышное дребезжание: суп двинулся в обратный путь.

Рука Тиффани змеей метнулась к столику и вцепилась в поднос. Даже когда твой обычный разум (он же Здравый Смысл) и Задний Ум парализованы горем, кто-то ведь должен вспомнить о том, что ты весь день ничего не ела.

Когда Освальд наконец умчал прочь опустевшую миску, Тиффани осталась лежать в темноте, глядя в пустоту.

Последние несколько дней её внимание занимала новизна этих чужих краев, но теперь жестокий смех словно прорубил трещину в этой ненадежной защите, и новизна утекла туда, а на её место хлынула тоска по дому.

Тиффани скучала по звукам, овцам и тишине холмов. Она скучала по виду из окна своей комнаты: темным, едва различимым очертаниям холмов на фоне звездного неба. Она скучала... по частичке себя.

Но они посмеялись над ней. «Какую шляпу?» — спросили они и засмеялись еще громче, когда она подняла руку, чтобы коснуться невидимых полей, а ее рука нащупала лишь пустоту...

Восемнадцать месяцев Тиффани прикасалась к ней каждый день, а теперь шляпа исчезла. И путанку сплести у нее не получается. И платье у нее зеленое, а все остальные ходят в черном. А Аннаграмма еще и щеголяет множеством украшений, черных и серебряных. И все, все девочки принесли с собой свои путанки, очень красивые. И ничего, что толку от них никакого!

«Может, я вовсе никакая не ведьма, — думала Тиффани. — Да, я одолела Королеву, потому что мне помогли маленькие синекожие человечки и память о матушке Болен, но, возможно, волшебство тут ни при чем».

Теперь она и представить не могла, как это сделала. Тиффани тогда почувствовала, что какая-то ее часть уходит вниз, просачивается сквозь подошвы башмаков, в землю холмов, в глубь веков — и возвращается гневным ревом, от которого содрогнулось небо:

...Как смеешь ты вторгаться в мой мир, мой край, мою жизнь...

Но разве умозрительная шляпа хоть раз чем-то помогла? Может, старая ведьма просто одурачила Тиффани, внушив, что шляпа существует. Может, она и правда не совсем в своем уме, как говорит Аннаграмма, и не понимает, что к чему. Может, Тиффани лучше вернуться домой и делать «Нежную Нелли» до конца своих дней...

Тиффани перекадилась, сползла с кровати и распахнула чемодан. Достала грубую шкатулку, открыла ее в темноте и сжала в руке счастливый камушек.

Она надеялась почувствовать что-то, какую-то искорку, вроде дружеского поглаживания. Но не почувствовала ничего. Только шершавость с одной стороны, гладкость на месте скола и острую грань между ними. И клочок овечьей шерсти тоже не помог, лишь руки от него стали пахнуть овцами и пуце прежнего захотелось домой, а на душе стало еще тяжелее.

Всхлип был такой тихий, что услышать его можно было бы только вблизи. Он был легкий, но летел на крыльях душевной боли. Тиффани отчаянно, мучительно хотелось услышать свист ветра в траве холмов, почувствовать слои веков под ногами. Ей необходимо было вновь ощутить то, что она ощущала всю свою жизнь: что она стоит на земле, на которой Болены живут уже тысячи лет. Ей не хватало голубых бабочек, и овечьего бляения, и мягкого стука копыт по траве, и огромных пустых небес.

Дома, если ей было грустно, Тиффани всегда могла подняться по

склону туда, где остались четыре ржавых колеса и пузатая печка. Стоило посидеть там немного, и любая тоска уходила.

Но теперь она так далеко оттуда. Слишком далеко. Ее переполняет ужасное, невыносимое горе, а излить его некуда. И это неправильно.

А где же магия? Ну да, конечно, ей говорили, что надо терпеливо обучаться основам ремесла, но много ли ведьмовства в ее повседневных делах? Тиффани усердно училась, очень старалась, и что? Кем она стала? Хорошей девочкой, у которой всегда наготове парочка снадобий и притинок. Человеком, на которого можно положиться. Совсем как тетушка Вровень.

А Тиффани думала... А кстати, что она думала? Наверное, что ее ждет серьезная ведьмовская работа, всякие там полеты на метле, чары и заклинания, и она будет отважно, но не зазнаваясь, стоять на страже добра, защищать мир от сил тьмы, ну и помогать бедным, конечно, ведь у нее доброе сердце. Но когда она рисовала себе эту картинку, бедняки в ней не страдали особо неприятными недугами, а носы их детишек не были настолько сопливыми. И уж точно в этой картинке не было никаких ногтей господина Заткачика. А то ведь некоторые обрезки норовили бумерангом вернуться обратно!

Во время полетов на метле Тиффани тошнило. Каждый раз. И путанки у нее не получались. Если так дальше пойдет, она всю жизнь будет ухаживать за людьми, которые, честно говоря, могли бы и сами о себе позаботиться. Ни тебе магии, ни тебе полетов, ни тебе тайн... знай только стриги ногти и вытирай сопли.

Тиффани была частью холмов. Каждый день она говорила им, что они такое. А они в ответ говорили ей, кто она такая. Но здесь и сейчас она больше не слышала их.

За окном пошел дождь, довольно сильный. Где-то далеко зарокотал гром.

А как бы поступила на месте Тиффани матушка Болен? Тиффани знала ответ, пусть даже отчаяние завернуло ее в свои крылья.

Матушка Болен никогда не сдавалась. Она всю ночь не смыкала глаз, разыскивая заблудившихся ягнят...

Тиффани еще немного полежала, глядя в пустоту, потом зажгла свечу и спустила ноги с кровати. То, что пришло ей на ум, не могло ждать до утра.

Она вспомнила фокус, который помогал ей увидеть шляпу. Если быстро помахать рукой позади тульи, рука слегка расплывалась, словно свет чуть задерживался, проходя сквозь невидимую ткань.

Шляпа ведь не могла исчезнуть...

Так, света от свечи должно хватить, чтобы ее увидеть... Если шляпа на месте, то все в порядке, и не важно, кто там что себе думает...

Тиффани встала на середину коврика. За окном горы прочертила вспышка молнии. Тиффани закрыла глаза.

Ветви яблонь в саду бешено раскачивались на ветру, ловцы снов и обереги звенели и громыхали...

— Меня видно, — сказала она.

Мир вдруг погрузился в полную, абсолютную тишину. Раньше такого не происходило. Тиффани на цыпочках отошла, обернулась и открыла глаза.

Вот она стоит, и шляпа на ней, такая же ясно различимая, как и всегда...

Вдруг Тиффани перед ней, девочка в зеленом платье, открыла глаза и сказала:

— Мы видим тебя. Теперь мы — это ты.

Тиффани попыталась крикнуть: «Меня не видно!», но ей нечем было кричать, у нее не было тела и не было рта.

Молния ударила где-то рядом. Окно распахнулось. Огонь свечи взметнулся фонтаном и погас.

А потом остались только тьма и шорох дождя.

Глава 6

РОИТЕЛЬ

Гром перекатывался над Меловыми холмами.

Джинни бережно открыла сверток, который мать дала ей в тот день, когда Джинни настала пора покинуть свой дом на Долгом озере. Это был традиционный дар, каждая юная кельда получает его от матери, навсегда оставляя родной курган. Кельда не может вернуться домой. Кельда ведь и есть дом.

И дар, который она берет с собой, — память.

В свертке лежали треугольный кусок выдубленной овечьей кожи, три деревянных колышка, тонкая веревка, скрученная из волокна крапивных стеблей, очень маленькая кожаная фляга и молоток.

Джинни знала, что делать, — мать на ее глазах проделывала это много раз. Молоток нужен, чтобы забить колышки вокруг очага, где огонь едва тлеет. Веревка — чтобы привязать углы кожаного треугольника к кольям. Кожа чуть провиснет над огнем, ровно настолько, чтобы удержать воду из маленького ведерка, которое Джинни собственноручно наполнила из глубокого колодца.

Опустившись на колени возле очага, она подождала, когда вода начнет просачиваться в самом низком месте и капать в очаг, и тогда подбросила дров.

Джинни знала, что за ней наблюдает множество глаз. Фигли притаились на темных галереях вокруг и над ней. Они смотрят, но ни один не решится приблизиться к кельде, пока она кипятит кожаный котел. Они скорее согласятся отрубить себе ногу. То, что делала сейчас Джинни, было чистейшими таинствами.

Когда-то, задолго до того, как люди научились плавить медь и железо, ведьмовские котлы именно так и выглядели. Со стороны это казалось магией — как можно кипятить воду в куске кожи? На самом деле это просто, главное — заметить, что воды не осталось, прежде чем кожа задымится.

Когда над котлом стал подниматься пар, Джинни потушила огонь и добавила в воду содержимое маленькой кожаной фляги. Там, во фляге, была малая толика воды из котла ее матери. Эта вода и передавалась от матери к дочери с самого начала времен.

Когда вода в котле немного остыла, Джинни взяла чашку, зачерпнула и выпила. Затаившиеся в темноте Фигли тихонько ахнули.

Джинни легла, закрыла глаза и стала ждать. Ничего не происходило, только гром сотрясал землю и молнии раз за разом на миг высвечивали чернобелый мир.

А потом, так плавно и мягко, что она не успела понять, что все уже началось, прошлое настигло ее. Вокруг Джинни стояли все кельды, сколько их было до нее: мама, бабушки, их матери — и так далее, в глубь веков, вплоть до тех дней, когда еще не было ни одной кельды, чтобы помнить. Вокруг Джинни распахнулась их общая память — ее носили и передавали из рук в руки много поколений, местами она потерлась и затуманилась, но возраст ее был возрастом гор.

Само по себе это не было секретом для Фиглей. Но только кельды знали подлинное таинствие: река памяти на самом деле не река. Это море.

Все кельды, что еще не появились на свет, однажды станут частью общей памяти. Придет ночь, и каждая из них ляжет возле своего котла, чтобы на несколько минут влиться в вечное море. И если прислушаться к воспоминаниям нерожденных кельд об их прошлом, можно вспомнить свое будущее...

Чтобы расслышать их тихие голоса, нужны навык и умение, а Джинни пока не хватало опыта, но что-то разобрать удалось.

И в тот миг, когда молния опять сделала мир черно-белым, она резко, как подброшенная, села на полу пещеры.

— Роевник сыскнул ее! — прошептала Джинни. — Ой-ей, пропащая ее головушка!

Когда Тиффани проснулась, коврик на полу был насквозь мокрым от дождя. В окно сочился жидкий солнечный свет.

Она встала и закрыла окно. Несколько листьев успело залететь в комнату.

Ну ладно...

Это был не сон. Точно не сон. Что-то... странное случилось с ней. Кончики пальцев покалывало. Тиффани чувствовала себя какой-то другой. Но, прислушавшись к себе, поняла, что это новое состояние ей нравится. Да, все хорошо. Ночью ей было до ужаса плохо, а сейчас... она полна жизни!

Нет, она просто счастлива. Она больше не станет плыть по течению. Она начнет сама распоряжаться своей жизнью! Старый призыв «Проснись и пой!» проснулся и запел в ее сердце.

Зеленое платье промокло, и по-хорошему надо было бы его постирать.

В комодке лежало старое, голубое платье, но Тиффани чувствовала, что для сегодняшнего дня оно почему-то не подходит. Придется обойтись зеленым, пока она не обзаведется новым платьем.

Она начала обуваться, но замерла и уставилась на свои старые башмаки. Нет, они тоже не годятся. Тиффани достала из чемодана новые, блестящие, и надела их.

Тетушку Вровень она нашла в саду — обе ее половины, все еще в ночных рубашках, печально подбирали разбросанные по земле останки ловца снов и опавшие яблоки. Даже некоторые садовые скульптуры были разбиты вдребезги, однако гипсовые гномы с их безумными ухмылками, к несчастью, уцелели.

Тетушка Вровень откинула волосы, упавшие на один из ее лбов, и сказала:

— Очень, очень странная история. Все обереги как будто взорвались. И даже все дыряво-памятные камни разрядились. Ты ночью ничего не заметила?

— Нет, тетушка Вровень, — промямлила Тиффани.

— И все старые путанки в мастерской разнесло в клочья! Надо же, они ведь были просто украшениями, в них и силы-то почти не осталось. Это что должно было случиться...

Обе половины тетушки уставились на Тиффани. Сама тетушка, должно быть, полагала, что смотрит пытливо и с хитрецей, но выглядело это так, словно у нее не все дома.

— Мне кажется, в этой буре была капелька магии. Надеюсь, вы с девочками ничего... не начудили вчера?

— Нет, тетушка Вровень. По-моему, они вообще не слишком умные.

— Я почему спрашиваю — видишь ли, Освальд исчез. Он крайне чувствителен к магическому напряжению в атмосфере.

Тиффани не сразу поняла, о чем она говорит. А когда поняла, то воскликнула:

— Но он ведь никогда никуда не уходил!

— Да, на моей памяти — ни разу! — подтвердила тетушка.

— А вы пробовали положить ложку в отделение для ножей?

— Пробовала! Ни шороха, ни стука.

— А бросить огрызок яблока? Освальд всегда...

— Это я первым делом попробовала!

— А соль с сахаром?

Тетушка задумалась.

— Нет, не пыталась. — Она вдруг просияла. — Он это просто обожает,

ни за что не сможет удержаться и объявится, правда?

Тиффани нашла большой мешочек сахара и еще один — соли и высыпала оба в миску. А потом как следует перемешала мелкие белые кристаллы.

Она изобрела эту уловку, чтобы Освальду было чем заняться, пока они с тетушкой готовят еду. И до сих пор уловка отлично работала. Освальд мог с наслаждением раскладывать крупинки соли и сахара по мешкам до самого вечера. Но теперь смесь лежала в миске, будто никакого Освальда и в помине не было.

— Ох... Ладно, я пойду посмотрю во всех комнатах, — огорченно сказала тетушка Вровень.

Как будто это поможет отыскать невидимое существо!

— А ты сходи проведай коз, хорошо? — попросила она. — А потом мы вместе попытаемся вспомнить, как стирать белье.

Тиффани выпустила коз из сарая. Обычно Черная Мэг сразу же запрыгивала на помост для дойки и выжидательно косилась на Тиффани, словно хвасталась: «А я придумала новую подлость!»

Но сегодня все было иначе. Когда Тиффани открыла дверь сарая, козы стояли, сбившись в кучку, в самом дальнем и темном углу. Они тряслись от страха, тяжело дышали, раздувая ноздри, а когда Тиффани подошла ближе, кинулись врассыпную. Она сумела-таки ухватить Черную Мэг за ошейник и поволокла наружу, к помосту для дойки. Коза упиралась и вырывалась. На помост она поднялась только потому, что иначе ей оторвало бы голову. Там Мэг остановилась, но продолжала пыхтеть и блеять.

Тиффани сердито уставилась на козу. Она чувствовала внутри какой-то беспокойный зуд, словно кости чесались. Хотелось... сделать что-то значительное, залезть на самую высокую гору, подпрыгнуть до неба, обежать весь мир по кругу. И она подумала: «Ну что за глупость! Каждый мой день начинается с состязания: чья воля сильнее, моя или этой скотины?»

Ладно, пора показать ей, кто здесь главный...

Тиффани взяла метлу, которой подметали сарай для дойки. Козы глаза-щелочки распахнулись от страха, и — БАЦ!

Метла ударила по помосту. Тиффани промахнулась не нарочно. Она хотела врезать козе от всей души, как злобная тварь того заслуживала, но ручка метлы будто по собственной воле дернулась в ее руке.

Тиффани снова занесла метлу, но поняла, что в этом уже нет необходимости: Мэг правильно поняла ее взгляд и удар по помосту и вся съезжилась.

— Хватит с меня твоих игр! — прикрикнула Тиффани.

Коза стояла неподвижно, как деревянная. Тиффани подоила ее, отнесла ведро в молочню, записала на грифельной доске у двери, сколько вышло молока, и перелила молоко в большую лохань.

Остальные козы были почти такие же вредные, как Мэг, но стадо учится быстро.

Однако сегодняшний удой был всего три галлона^[12] — очень мало с десяти коз. Тиффани без особого интереса записала цифры на доске и задумалась, поигрывая мелом. Зачем она все это делает? Еще вчера у нее была куча идей насчет новых экспериментальных сыров, но теперь она понимала, что сыры — это глупость.

Зачем она вообще торчит здесь, занимается скучными домашними делами и помогает людям, которые даже не пробуют сами о себе позаботиться? А ведь она могла бы... все на свете!

Она опустила глаза на чисто выскобленный деревянный стол.

Кто-то написал это мелом на столешнице. И рука Тиффани до сих пор сжимала кусочек мела...

— Милая, к тебе Петулия пришла! — тетушка Вровень объявилась у нее за спиной, в дверях молочни.

Тиффани поспешно поставила на надпись ведро для дойки и с виноватым видом обернулась.

— Что? Зачем еще?

— Должно быть, ей просто захотелось убедиться, что с тобой все в порядке, — сказала тетушка Вровень, внимательно глядя на Тиффани.

Печальная толстушка появилась на пороге. Свою остроконечную шляпу она крутила в руках.

— Эмм, я просто подумала, что надо бы заскочить посмотреть, как ты, эмм, поживаешь... — глухо пробубнила она, глядя Тиффани прямо в

башмаки. — Эмм, знаешь, я думаю, на самом деле никто не хотел тебя, эмм, обидеть...

— Ты глуповатая и толстая, — сказала Тиффани. Ей достаточно было только взглянуть в это круглое розовое лицо, и она уже знала о Петулии все. — Ты до сих пор не рассталась с игрушечным медвежонком помогите и веришь в фей.

Она захлопнула дверь молочни у девочки перед носом и уставилась на бадьи с молоком и сыром так, будто видела их впервые.

Ей хорошо удаются сыры. Это первое, что вспоминают люди, когда видят ее: Тиффани Болен, шатенка, ей еще Хорошо Удаются Сыры. Но теперь молочня выглядела чужой и незнакомой.

Тиффани зло стиснула зубы. Девочка, Которой Хорошо Удаются Сыры. Неужели это все, чего она хочет? Из всех возможных дорог в жизни она выбрала именно эту? Стать человеком, которому можно спокойно доверить возню с кислым молоком? Она что, собирается весь день тут торчать, отскабливать мраморные доски, мыть ведра и... эту штуковину с тонкой проволокой, как ее там...

...доску для резки сыра...

...эту доску для резки сыра? Неужели она правда мечтает всю жизнь заниматься...

Стоп.

— Кто здесь? — окликнула Тиффани. — Кто только что сказал про доску для сыра?

Она пристально оглядела молочню, словно кто-то мог спрятаться за бадьями и пучками сушеных трав. Нет, это точно не Освальд. Он ведь исчез, да и вообще никогда не объяснялся словами.

Тиффани сняла со стола ведро, плюнула на руку и стерла написанное мелом

ПОМОГИТЕ

...Точнее, попыталась стереть. Но ее правая рука вцепилась в край стола и не отпускала, как Тиффани ни старалась. Она махнула левой рукой, опрокинула ведро, молоко залило буквы... и правая рука вмиг разжалась.

Дверь резко распахнулась. На пороге стояла тетушка Вровень в полном составе. Когда она становилась вот так бок о бок с собой, это всегда означало, что она хочет поведать что-то, как ей кажется, важное.

— Должна сказать тебе, Тиффани, я считаю, что...

— ...ты очень нехорошо обошлась с Петулией. Она...

— ...ушла вся в слезах.

Она присмотрелась к Тиффани и сменила тон:

— С тобой все хорошо, деточка?

Тиффани содрогнулась:

— Э... да. Все нормально. Как-то странно себя чувствую. Слышала голос в голове. Уже прошло.

Тетушка Вровень пристально взгляделась в нее, склонив головы к плечам — одну к правому, другую к левому.

— Ну, смотри, если ты уверена... Я уже переделась. Скоро выходим. У нас сегодня много работы.

— Много работы, — еле ворочая языком, повторила Тиффани.

— Ну да. Во-первых, повидать Шлепвика с его ногой, а еще заглянуть к Злюкли, у них малыш заболел, и я уже целую неделю не ходила в Бурлиднице, а еще, дай-ка подумать, господин Чибис опять жалуется на Гнус, и надо бы перемолвиться парой слов с госпожой Склонни и приготовить обед старому Заткачику... Пожалуй, я лучше сделаю это дома и сбегаю отнесу ему. Ах да, госпоже Фрамуге скоро рожать, и незамужней Запини тоже — опять. Это будет непростой день. Трудно все успеть, ох как трудно...

Тиффани подумала: «Глупая ты курица, стоишь тут и переживаешь, что не можешь дать всем все, что они хотят! Думаешь, это вообще возможно? Эти жадные, тупые, ленивые мерзавцы вечно чего-то хотят! Малыш Злюкли! У его мамы одиннадцать детей, станет одним меньше, никто и не заметит!

А старик Заткачик вообще давно мертв! Просто не хочет признавать это. Да они и благодарят-то тебя только затем, чтобы ты пришла снова. Это не благодарность, это страховка!»

Какая-то часть Тиффани ужаснулась этим мыслям, но мысли оказались сильнее, они горели в голове огнем и рвались с языка.

— Надо еще здесь все прибрать, — пробормотала Тиффани.

— Ничего, я займусь этим, пока мы будем ходить по домам, — жизнерадостно заверила ее тетушка. — Ну же, улыбнись! У нас много

работы!

«Работы у нас всегда много, — мрачно думала Тиффани, пока они шли к ближайшей деревне: ведьма впереди, ученица за ней. — Целая пропасть работы. И меньше ее не станет, как ни старайся. Потому что люди всегда будут хотеть, чтобы мы для них работали».

Они ходили от одного грязного и вонючего домишки к другому, помогали тем, у кого ума не хватало даже мыть руки с мылом, пили чай из щербатых чашек, болтали со старухами, у которых зубов осталось меньше, чем пальцев. Тиффани тошнило от всего этого.

День был солнечным, но она шагала, погрузившись во мрак. В голове бушевала настоящая буря.

А потом ей стали мерещиться разные вещи. Тиффани с тетушкой накладывали шину какому-то глупому ребенку, который умудрился сломать руку, девочка подняла глаза и увидела свое отражение в оконном стекле.

Она отражалась в нем тигром с огромными клыками.

Тиффани с криком вскочила на ноги.

— Что ж ты делаешь, осторожнее! — воскликнула тетушка Вровень, но тут заметила выражение ее лица. — Что случилось?

— Я... я... меня кто-то укусил, — солгала Тиффани.

В здешних краях это была обычная история. Блохи кусали крыс, крысы — детей.

Тиффани кое-как выбралась на воздух, голова у нее кружилась. Когда тетушка Вровень вышла за ней через несколько минут, девочка стояла, прислонившись к стене, и ее трясло.

— Выглядишь ты просто ужасно, — сказала ведьма.

— Папоротники! — вскрикнула Тиффани. — Папоротники повсюду! Огромные! И какие-то большие твари, будто коровы, сделанные из ящериц! — Она повернулась к тетушке, и та попятилась, увидев ее оскал. — Их можно есть! — сообщила Тиффани и вдруг заморгала. — Что со мной? — шепотом спросила она.

— Не знаю, но сейчас я заберу тебя домой на метле, — сказала тетушка Вровень. — Я уже на подлете!

— Они смеялись надо мной, когда я сказал, что могу заманить одно такое существо в ловушку. Ну и кто смеется последним, а?

Выражение тревоги на лице тетушки сменилось почти что ужасом.

— Ты говоришь не своим голосом, Тиффани! Прямо как мужчина! Как ты себя чувствуешь?

— Так, будто... во мне слишком много народу, — проямлила Тиффани.

— Много народу? — не поняла тетушка.

— Странные... воспоминания... помогите...

Тиффани посмотрела на собственную руку. Рука была покрыта чешуей. А через мгновение — шерстью. А вот она уже гладкая и коричневая, и сжимает...

— Сэндвич со скорпионами?

— Ты слышишь? — донесся до Тиффани откуда-то издалека голос тетушки Вровень. — У тебя горячечный бред. Вы там с девочками точно никакими зельями не баловались?

Вторая половина тетушки резко зашла на посадку и едва не свалилась с метлы. Вдвоем тетушка усадила Тиффани на метлу между собой.

Лететь до дому было совсем недалеко, так что добрались они быстро. Тиффани весь полет провела в полузабытьи — голова была словно горячей ватой набита, девочка не очень понимала, где она и что с ней происходит. Зато тело ее все поняло правильно, и ее опять вырвало.

Тетушка Вровень помогла ей слезть с метлы и устроила на скамейке в саду, у дверей домика.

— Просто посиди пока тут, — сказала тетушка. Когда случалась беда и надо было действовать быстро, она всегда начинала тараторить без умолку, то и дело вставляя словечко «просто», ведь оно звучит так успокаивающе. — А я просто пойду принесу тебе попить, и потом мы просто посмотрим, что случилось...

Некоторое время было тихо, потом неудержимый поток слов хлынул из двери наружу и принес с собой тетушку:

— Я просто проверю... кое-что. А ты просто выпей это, пожалуйста!

Пока Тиффани пила воду, она краем глаза заметила, что тетушка Вровень обвязывает ниткой яйцо, украдкой пытаюсь сделать путанку.

В голове Тиффани теснились странные образы. Отзвуки голосов, обрывки воспоминаний. А один голос, слабый и тоненький, был ее собственный. Он звучал все тише и тише, но упрямо пищал:

— Ты — не я! Ты просто вообразила, что ты — это я! Кто-нибудь, помогите!

— Ну вот, — сказала тетушка. — Давай-ка просто посмотрим, что мы увидим...

Путанка взорвалась. Ее не только разнесло в клочья — она полыхнула огнем и задымилась.

— Ох, Тиффани. — Тетушка суетливо замахала руками, разгоняя дым. — С тобой все в порядке?

Тиффани медленно встала со скамейки. Тетушка вдруг подумала, что девочка как будто сделалась выше, чем ей помнилось.

— Думаю, да, — сказала Тиффани. — Думаю, это прежде со мной все было в беспорядке, но теперь в порядке. И я напрасно потратила кучу времени, тетушка Вровень.

— Что?.. — заикнулась было та.

Тиффани наставила на нее палец:

— Я знаю, почему вам пришлось уйти из цирка, тетушка. Из-за той истории с клоуном Флоппо, стремянкой и... заварным кремом...

Старая ведьма побледнела:

— Но как ты узнала?

— Просто поглядев на вас! — Тиффани, оттолкнув ее, прошла в молочню. — Смотрите, тетушка Вровень!

Она указала пальцем на деревянную ложку, и та взлетела на дюйм над столом, закружилась в воздухе, все быстрее и быстрее, и наконец громко треснула и превратилась в щепки, которые разлетелись по всей молочне.

— И еще я могу так! — гаркнула Тиффани.

Она схватила бадью с сычугом, вывалила сычужные комки на стол и взмахнула над ними рукой. Комки превратились в сыр.

— Вот как надо делать сыры! — воскликнула Тиффани. — Подумать только, я, как последняя идиотка, тратила годы на то, чтобы научиться их делать обычным способом, который отнимает столько сил! Настоящая ведьма не опускается до всей этой возни! Почему мы барахтаемся в грязи, тетушка Вровень? Почему мы шляемся по округе с пучками трав и перевязываем раны вонючим старикам? Почему нам платят яйцами и черствым печеньем? Аннаграмма глупа, как пробка, но даже она понимает, что так не должно быть! Почему мы не используем магию? Чего мы боимся?

Тетушка Вровень попыталась улыбнуться.

— Тиффани, дорогая, мы все через это прошли, — проговорила она, и голос ее дрожал. — Хотя и не таким... взрывным образом, должна сказать. А почему мы не используем магию... просто потому, что это опасно.

— Да так говорят детям, когда хотят их запугать! — сказала Тиффани. — Нам навешали лапши на уши, чтобы мы боялись! «Не ходи в большой дремучий лес помогите, там тебя съедят», — твердят нам. А на самом деле это большой дремучий лес должен нас бояться. Я ухожу!

— Пожалуй, тебе и правда лучше уйти, — слабым голосом проговорила тетушка. — До тех пор, пока не научишься себя вести.

— Я не обязана все делать по-вашему! — прорычала Тиффани и хлопнула дверью.

Тетушкина метла стояла у стены поблизости. Тиффани остановилась и уставилась на нее, лихорадочно размышляя.

Вообще-то она старалась держаться подальше от метлы. Однажды тетушке удалось уговорить ее на тренировочный полет. Тиффани тогда сидела на метле, вцепившись в нее руками и ногами, а тетушка бежала одновременно справа и слева, придерживая привязанные к метле веревки и подбадривая девочку. Когда Тиффани вырвало в четвертый раз, пришлось прекратить.

Но ведь это было раньше!

Тиффани схватила метлу, перекинула ногу... и обнаружила, что вторая нога намертво приклеилась к земле. Она попыталась заставить метлу подняться выше, та бешено закрутилась в воздухе, и когда непослушная нога наконец оторвалась от земли, метла перевернулась и Тиффани повисла на ней вверх тормашками. Пожалуй, не самая подходящая позиция, чтобы гордо улететь в сверкающую даль.

Тиффани тихо проговорила:

— Нет, я не стану учиться летать на тебе. Ты сама научишься возить меня. Иначе на следующий урок я прихвачу топор.

Метла приняла нормальное положение и плавно поднялась в воздух.

— То-то же, — сказала Тиффани.

Она больше не чувствовала страха — только нетерпение. Земля стремительно проваливалась вниз, но Тиффани это ничуть не волновало. Если у этой земли не хватит ума держаться подальше, она, Тиффани, так ей врежет...

Когда метла улетела прочь, в траве раздался шепот:

— Ах, все понапрасну, Явор! Опозднявили мы. То ж не карга, то ж роевник был!

— Ах-ха, а ты ту ножину зырил? Нашая мал- мала карга ишшо держится, хдей-то там, внутри. И пока хоть мал-мала толика ее держится, роевнику не победнуть! Вулли, а ну кык прекратил яблоксы тырить!

— Звиняй, Явор, токо с роевником драке — пусто дело. Это ж все одно что с собой: чем больше ты его драке, тем больше он тя жракс. А когда он сожракс всего тя...

— Ежа тебе поперех, Грамазд Йан! Не бывать этому...

— Раскудрыть! Грамазда карга топс-топс!

Половина тетушки Вровень вышла в искалеченный бурей сад.

Она посмотрела вслед удаляющейся метле, покачала головой.

Тупа Вулли ее появление застало на открытом месте — он как раз пытался утащить упавшее яблоко. При виде карги Фигль кинулся бежать, и

сбежал бы, не попадись ему на пути глиняный садовый гном. Туп Вулли с разбегу налетел на истукана, закачался и попытался собрать разъехавшиеся глаза в кучку. Перед ним маячил кто-то большой, пузатый, с пухлыми красными щеками. Вулли так разозлился, что не услышал стук садовой калитки и тихие приближающиеся шаги.

Когда приходится выбирать — бежать или сражаться, Фигли недолго думают. Собственно, они вообще не думают.

— Ты че разухмылялся, рожа хомяцкая, а? — взъярился Вулли. — Че, ежли у тя удудочка, так ты сразу крутняк, ах-ха?

Вцепившись в острые розовые уши гнома, он что было сил врезал головой врагу по носу. Нос оказался глиняный и довольно твердый. Разбить-то его Вулли удалось — мало что устояло бы на его месте, — но и сам Фигль растерял боевой задор и двинулся по кругу, спотыкаясь.

Тетушку Вровень, которая бросилась к нему от крыльца, он заметил слишком поздно. Вулли метнулся в другую сторону — и влетел прямо в руки опять-таки к тетушке Вровень.

Ее пальцы сомкнулись вокруг него.

— Видишь ли, я ведьма, — сказала тетушка, — и если ты сию секунду не перестанешь брыкаться, я подвергну тебя самой страшной пытке на свете. Знаешь, какой?

Туп Вулли в ужасе покачал головой. Хватка у тетушки была стальная — давали о себе знать долгие годы жонглирования. Пикеты в траве до боли навострили уши.

Тетушка Вровень поднесла пленника чуть ближе к лицу:

— Я отпущу тебя прямо сейчас, не дав попробовать двадцатилетнего односолодового «МакАбра», бутылка которого стоит у меня в буфете.

Явор Заяadlo выскочил из укрытия.

— Ыть, хозяйка, да что ты за человечина така! Неужли в тебе нет ни капелюхи добросердия, чтоб так одеваться? — заорал он. — Ах ты, така-сяка бессердна карга... — Он осекся.

Тетушка Вровень улыбалась. Явор Заяadlo оглянулся, швырнул меч в траву и в сердцах воскликнул:

— Да раскудрить его все!

То, что на языке Нак-мак-Фиглей ведьма зовется каргой, еще не означает, что они не уважают ведьм. А эта карга выставила для приема гостей большой каравай хлеба и целую бутылку виски. Таковую хочешь не хочешь, а заважаешь.

— Разумеется, я слышала о вашем племени, да и мисс Тик про вас обмолвилась, — говорила она, глядя, как Фигли едят, а это зрелище само по

себе требует крепких нервов. — Но я думала, вы просто миф.

— Ну, ежели ты, хозяйка, не против, мы б лучше мифой и останулись. — Явор Заядло сыто рыгнул. — Нам и так архиолухи почем здря докучают, все норовят кургансы нашие разрытить, токо фоль- хлорных дамочек с кистями-красями и не хватает.

— И вы присматриваете за фермой Тиффани, господин Заядло? — спросила ведьма.

— Ах-ха, призываем, и совершенно бескоры- стенно, — гордо заявил Большой Человек.

— Ах-ха, токо мал-мал яек берем, да яблоков, да одежонки старенной... — подхватил Туп Вулли и осекся под яростным взглядом Явора Заядло. — Эт' был тот сам рядь, когда мне не надуть было раззевывать мой жиренный рот, ах-ха?

— Ах-ха. Тот-сам. — Явор Заядло снова обратился к тетушке Вровень: — Мож, мы и цапнем случаем че-нить этакое, че плохо полеживает...

— В подзамоченном шкафе, впример... — радостно вставил Вулли.

— ...такое, об чем не схватятся, но в отплату мы призываем за буранами, — закончил Явор, одарив брата еще одним яростным взглядом.

— Так вы и погодой можете управлять? — спросила тетушка Вровень, постепенно впадая в то состояние общей растерянности, которое рано или поздно настигает любого в ходе беседы с Фиглями.

— Явор Заядло имел в виду баранов, — пояснил Ой-как-мал Билли Мордаст.

Гоннаглы чуть лучше прочих пикетов владеют языками.

— Ах-ха, дык я и грю, за буранами, — кивнул Явор Заядло. — Вобсчем... оно так, мы призываем за фермсой. Наша мала грамазда карга — карга холмов, как бабка ее, — добавил он с гордостью. — Эт' чрез нее холмы бум-бум, что они живы.

— Ясно. А роевник, про которого ты говорил, это?..

Явор замялся:

— Я ни бум-бум, как про его по-карговски рас- толконуть. Вон пусть Ой-как-мал Билли Мордаст сказанет, он словей длиннявых кумексает.

Билли нервно сглотнул.

— Про роителя говорится в старинных балладах, хозяйка, — сказал он. — Он кык... кык разум без тела, только он сам по себе думать не может. Сам по себе он просто комок страха, и нипочем не умирает. И он... Он кык... — Крохотное личико гон- нагла перекоилось от умственных усилий. — Ну, такие штуки, еще на баранах бывают...

Те Фигли, кто не был занят едой и питьем, попытались ему помочь:

— Роги?

— Шерсти?

— Хвостья?

— Ноги?

— Тубуреты? — Это был Туп Вулли.

— Кровососки, — вспомнил наконец Билли.

— Хочешь сказать, он паразит? — догадалась тетушка Вровень.

— Ах-ха, и уж как паразит — так только держись, — согласился Билли. — Роитель, он тихой сапой в балду забирается. Ищет человек помогучее, королей там, волшебников, вождей всяких. А в совсем древнющие времена, когда людей еще не было, он забирался в головы к зверям. Самым сильным таким зверям, с огромными зубищами. А как найдет тебя, забирается тихо в голову и становится тобой.

Фигли притихли и уставились на тетушку.

— Становится тобой? — переспросила она.

— Ах-ха. Все, что ты знаешь, все, что помнишь, — он тоже знает и помнит. И вообще все твое теперь его. Только... он тебя меняет. Много силы дает, а тебя самого себе забирает и превращает в себя. И последняя малость, которая все еще ты... Она, мож, долго драться будет, но роитель станет все откусывать и откусывать понемногу, пока от тебя одно воспоминание не останется.

Фигли напряженно смотрели на обе половины тетушки Вровень. Никогда ведь не знаешь, что карга выкинет в таких-то обстоятельствах.

— Волшебники когда-то имели обыкновение призывать демонов, — проговорила она задумчиво. — Возможно, и теперь призывают, хотя считается, что это осталось в далеком прошлом, веков пятнадцать с тех пор прошло. Но для того, чтобы призвать демона, требуется очень сильная магия. И с демоном, насколько я знаю, можно поговорить. И они подчиняются правилам.

— Нипочем не слыхал такого, чтоб роитель говорил, — сказал Билли. — Или слушался правил.

— Но почему ему вздумалось заполучить Тиффани? — продолжала размышлять тетушка. — Она ведь вовсе не могущественная ведьма.

— В ней могутство ее земли, — с гордостью сказал Явор Заядло. — Эт' такая силища, что токо когда позарез надо силит, не для всяких покусов! Мы то зырили, хозяйка!

— Но Тиффани вообще не может колдовать! — растерялась тетушка. — Она умница, но даже путанку ей пока сплести не под силу! Должно быть, вы ошибаетесь.

— Эй, ребя, кто-нить зырил, чтоб наша карга какое карговство неподавно творила? — окликнул Явор Заядло.

Фигли замотали головами, и на пол дождем посыпались бусины, жуки, перья и прочие головные украшения.

— Вы что, все время за ней подглядываете... то есть приглядываете? — ужаснулась ведьма.

— Ах-ха, — ничуть не смутился Явор Заядло. — Окромякс как в тубзе, ясно. И в сплюшне тоже трудноасто стало, она почти все щелины позатыкивала.

— И зачем только ей это понадобилось, — притворно удивилась тетушка.

— Вот и мы ни бум-бум, — кивнул Явор Заядло. — Мы кумексаем, ей сквозняксы докучали.

— Да, наверное, так и есть, — сказала тетушка Вровень.

— Дык мы теперь чрез мышью норку все больше лазием и прятаемся в ее кукластом домихе, — сказал Явор. — И неча на меня так зырить, хозяйка, мои ребя все самых блахородных правил, они глазья напрочь зажмуривают, когда она в ночнуху передевается. А потом один у окна стережет, другой у двери.

— И от чего они ее охраняют?

— От всего!

Перед внутренним взором тетушки на миг встала эта картина: детская спальня, погруженная в тишину. Девочка спит. У окна в лунном свете виден один маленький страж, другой прячется в тени у двери. От чего они ее охраняют? От всего...

А теперь нечто, некое существо, захватило ее в плен, и она бьется где-то там, глубоко внутри... Но она никогда не колдовала! Было бы понятно, если бы это создание решило поработить кого-то еще из девочек в округе, но... Тиффани?

Один из Фиглей медленно поднял руку.

— Да? — рассеянно откликнулась тетушка.

— Это я, хозяйка, Грамазд Йан. Я ни бум-бум, взаправды ли то было карговство, хозяйка, — начал он неуверенно, — да токо мы с Мал-мал-неграмаздом Ангусом зырили раз-друг, как она че-то необычайное творила. Так, Мал-мал-неграмазд Ангус?

Стоявший рядом Фигль кивнул, и Йан продолжал:

— Вот раз было, когда у ней ново платье стало, и нов чепунец...

— А кстать, она в них была така раскрасавка! — вставил Мал-мал-неграмазд Ангус.

— Ах-ха, раскрасавка вся. Дык от, она их одев- нула, встала посре- ды комнаты и грит... Кык она сказанула, Мал-мал-неграмазд Ангус?

— Меня видать, — подсказал Мал-мал-неграмазд Ангус.

На лице тетушки не отразилось никакого понимания. Йан уже сам был не рад, что вылез, но теперь куда денешься, и он продолжал:

— А чутки погода мы услышали, как ее голос грит: «Меня не видать!», и потом она чепунец малость подправила, этак на побольший бекрень.

— А-а, ты хочешь сказать, она смотрела в такое особенное стекло. Мы зовем его «зеркало», — сказала тетушка Вровень.

— Мы бум-бум, че то за штуки-дрыки-зеркалю- ки, — обиделся Мал-мал-не-громазд Ангус. — У на- шеей карги оно имеется, токо мал-малое и затала- панное, в такое грамазда красавка толком себя не позырит.

— Мы толк в зеркалюках понимаем, — кивнул Явор Заядло. — И оченно ловко их тырим. Наше- ей Джинни мы притарансили серебряное, в вита- стой рамке.

— И Тиффани сказала: «Меня видно»? — уточнила тетушка.

— Ах-ха, а посля — «Меня не видать!» — подтвердил Грамазд Йан. — А промежтем она стояла тих-тих, как статуя.

— Похоже, она пыталась изобрести какое-то заклинание невидимости, — принялась размышлять вслух ведьма. — Но они так не работают, конечно.

— Мы кумексаем, что она училась голос зашвыр- кнуть, — сказал Мал-мал-неграмазд Ангус. — Та- мушта он будтова не от ней разданулся, понимаешь? Мал Йан так вдругорядь на охотах фокусит.

— Зашвырнуть голос? — нахмурилась тетушка Вровень.

— Она когды «Меня не видать!» сказанула, оно вроде мал-мал в сторонке раздалось. И губы ее не шевелькнулись.

— Токо дыхала, хозяйка, тихсы-тихсы, — сказал Грамазд Иан.

— А глаза у нее были закрыты?

— Ах-ха!

Тетушка Вровень вдруг задышала очень громко и часто.

— Она покинула свое тело. Да на сотню...

— ...ведьм хорошо, если одна такое умеет! — воскликнула она. — Это Заимствование, вот что это такое! Это вам не какой-нибудь цирковой фокус! Ведьма как бы помещает...

— ...свой разум куда-то вовне. Но прежде чем пробовать такое...

— ...надо сперва научиться, как защитит себя. А она овладела Заимствованием сама, просто потому, что у нее не было большого зеркала? Вот ведь глупышка, почему она...

— ...ничего не рассказала? Пока она покидала свое тело, кто угодно мог захватить его! О чем она...

— ...только...

— ...думала?!

Повисло молчание, потом Явор Заядло вежливо кашлянул:

— Мы больше по части тыркс, морда драке да пойло жракс, хозяйка, — пробубнил он. — Про карговства мы ни бум-бум.

Глава 7

НЕМНОГО БРАЙАНА

Нечто, называвшее себя Тиффани, летело над верхушками деревьев.

Оно считало себя Тиффани. В его распоряжении были все — или почти все — знания Тиффани о том, кто она такая. Оно выглядело как Тиффани. Оно даже думало как Тиффани, более или менее. У него было все, чтобы быть Тиффани...

...кроме самой Тиффани. Кроме крошечной ее частички, которая и была... «я».

Оно смотрело ее глазами, пыталось слушать ее ушами, думало ее головой.

На самом деле роитель не покоряет жертву силой, он вытесняет ее постепенно, как слон-отшельник^[13]. Он приходит и занимает все мысленное пространство, сколько его есть, пока для изначального владельца разума совсем не останется места.

Вот только...

На этот раз что-то пошло не так. Роитель затопил сознание Тиффани, как темный прилив, но в один уголок, накрепко запечатанный и запертый, проникнуть так и не смог. Было бы у него ума как у дерева, он бы удивился.

Было бы у него ума как у человека, он бы испугался до дрожи...

Аккуратно пролетев над верхушками деревьев, Тиффани опустилась в саду госпожи Увертки. Обращаться с метлой и правда оказалось проще простого. Достаточно захотеть, чтобы она летела.

Тут у нее к горлу подкатила тошнота, но поскольку Тиффани уже дважды вырвало в полете, подкатывать было уже почти нечему. Какая глупость! Она больше не боялась летать, а ее трусливый желудок по-прежнему боялся.

Тиффани тщательно вытерла губы и огляделась.

Она приземлилась на лужайке перед домом. Ей доводилось слышать о таких, но видела Тиффани лужайку впервые. Вокруг дома тетушки Вровень, конечно, тоже росла трава, но это была обычная травка, как на поляне в лесу. А в любом другом хозяйстве, где бывала Тиффани, каждый клочок земли использовали для выращивания овощей — ну разве что могли выделить немного места для цветов, если хозяйка без них жить не может.

Подстриженная же лужайка перед домом означала, что его владелец может позволить себе пускать людям пыль в глаза, вместо того чтобы выращивать картошку.

Трава на лужайке была выстрижена в полосочку.

Тиффани обернулась к метле и сказала ей:

— Жди здесь!

После чего решительно зашагала через лужайку к дому. Дом был огромный и красивый, не чета тетушкиному домишке. Но, с другой стороны, судя по тому, что довелось слышать Тиффани, и сама госпожа Увёртка занимала более высокое положение, чем тетушка. К тому же муж госпожи Увертки был волшебник, хотя и отошедший в последнее время от волшебнических дел. Удивительно, говаривала тетушка Вровень, как нечасто можно встретить волшебника без гроша в кармане.

Тиффани постучалась и стала ждать.

Под крышей веранды висела сеть-оберег. Казалось бы, ведьмы в оберегах не нуждаются. Должно быть, это просто для украшения, решила Тиффани. Кроме того, неподалеку у стены стояла метла, а на двери красовалась пятиконечная серебряная звезда. Госпожа Увёртка во всеуслышание заявляла о своем ремесле.

Тиффани постучала снова, на этот раз значительно громче.

Дверь тут же распахнулась. За ней стояла высокая и худая женщина в черном платье. Очень красивеньком, глубоко черном, сплошь в кружевах и оборках, умело оттененном серебром. Серебряных украшений и правда было ужасно много — раньше Тиффани думала, их во всем мире столько не наберется. Например, на руках кольцами дело не ограничивалось — на некоторых пальцах были серебряные напальчники в виде когтей. Женщина сверкала, как ночное небо.

А еще она была в шляпе, тогда как тетушка Вровень никогда не носила шляпу дома. И Тиффани раньше не доводилось видеть таких высоких шляп. Тулью и поля украшали звезды, серебряные шляпные булавки сверкали.

Все это могло бы послужить достойным дополнением к величественному облику. Но не служило. Отчасти из-за того, что всего было слишком много, но главным образом из-за самой госпожи Увертки. На ее вытянутом лице с резкими чертами застыло такое выражение, будто она собирается пожаловаться на соседскую собаку, повадившуюся гадить на ее лужайке. Это было ее обычное выражение лица. Прежде чем заговорить, госпожа Увёртка демонстративно проверила, не повредила ли гостья дверь, когда так сильно стучала.

— Да? — высокомерно проронила она. То есть это госпожа Увёртка полагала, что говорит высокомерно, а на самом деле вопрос прозвучал малость гнусаво.

— Благословен будь этот дом, — сказала Тиффани.

— Что? Ах, да. Да воссияют благоприятные руны над нашей встречей, — небрежной скороговоркой протарахтела госпожа Увёртка. — Так что ты хотела?

— Як Аннаграмме, — ответила Тиффани.

Нет, серебра все-таки было слишком много.

— А-а, так ты одна из ее девочек? — спросила ведьма.

— Не совсем. Я работаю с тетушкой Вровень, — сказала Тиффани.

— А, с этой... — Госпожа Увёртка смерила ее взглядом. — Зеленый — очень опасный цвет. Как твое имя, дитя?

— Тиффани.

— Хмм, — неодобрительно промычала госпожа Увёртка. — Что ж, входи. — Она подняла глаза и осуждающе цокнула языком: — Нет, ты только посмотри! Я купила этот оберег на ярмарке народных ремесел в Ломте. Кучу денег отдала!

Оберег свисал жалкими ошметками.

— Это ведь не ты сделала, а? — спросила госпожа Увёртка.

— Он слишком высоко висит, госпожа Увёртка, — сказала Тиффани.

— Произносится «Уви-ортка», — холодно сказала госпожа Увёртка.

— Простите, госпожа Увёртка.

— Входи.

Это был необычный дом. Любому с первого взгляда становилось ясно: здесь живет ведьма.

И дело было не только в том, что каждый дверной проем имел наверху высокий треугольный вырез, чтобы госпожа Увёртка могла проходить в двери, не снимая своей высокой шляпы. Если у тетушки Вровень на стенах висело лишь несколько старых цирковых афиш, то госпожа Увёртка украсила свой дом множеством рисунков, и все они были очень... ведьмовские. На стенах красовались полумесяцы и юные девушки, причем девушкам, положила руку на сердце, не помешало бы чуть больше одежды, а еще высокие и мускулистые мужчины с рогами и, ой, не только с рогами. Пол был выложен плитками с изображением солнц и лун, а потолок в комнате, куда хозяйка привела Тиффани, был высокий, синий и весь в звездах. Госпожа Увёртка (произносится «Уви-ортка») указала на кресло с ножками в виде грифоньих лап и подлокотниками в виде полумесяцев:

— Садись сюда. Я скажу Аннаграмме, что ты пришла. И не пинай

ножки, пожалуйста. — И она вышла через другую дверь.

Тиффани огляделась...

...роитель огляделся...

...и подумала: я должна стать самой могущественной. Тогда я буду в безопасности. Эта ведьма слабая. Она думает, магию можно купить.

— Так это в самом деле ты, — раздался резкий голос у нее за спиной. — Сыроделка...

Тиффани встала.

...Роитель успел побывать в телах и умах многих существ, и среди них было немало волшебников; ведь волшебники в своих постоянных попытках стать еще могущественнее часто находят внутри коварного магического круга не какого-нибудь демона, который настолько глуп, что его можно одурачить угрозами и загадками, а роителя, который настолько глуп, что его вообще не одурачишь. И роитель вспомнил...

В руках Аннаграммы был стакан молока. После знакомства с госпожой Уверткой начинаешь лучше понимать Аннаграмму. Она держалась с таким видом, словно, наблюдая окружающий мир, делала пометки, чтобы потом предъявить список необходимых усовершенствований.

— Привет, — сказала Тиффани.

— Ты, наверное, пришла умолять позволить тебе присоединиться к нам после того, что случилось, да? Пожалуй, это можно. С тобой будет забавно.

— На самом деле, нет. Но я могла бы позволить тебе присоединиться ко мне, — сказала Тиффани. — Как твоё молоко, вкусное?

Стакан в руках Аннаграммы превратился в пучок осоки и чертополоха. Аннаграмма испуганно отшвырнула его. Стакан вновь стал стаканом и со звоном разбился об пол. Молоко брызнуло во все стороны.

Тиффани указала на потолок. Нарисованные звезды засияли, заливая комнату ослепительным светом. Но Аннаграмма не могла оторвать глаз от пролитого молока.

— Знаешь, говорят, могущественными не рождаются, могущественными становятся? — спросила Тиффани. — Так вот, я — стала. Хочешь быть моим другом? Или предпочтешь... встать у меня на пути? Кстати, на твоём месте я бы вытерла лужу.

Тиффани сосредоточилась. Она не знала, откуда это в ней, но оно явно знало, что делает.

Ноги Аннаграммы оторвались от пола. Она заизвивалась и попыталась высвободиться, но только завертелась в воздухе. К ужасу и восторгу Тиффани, противная девица ударила в слезы.

— Ты ведь сама говорила: мы должны использовать силу, которая нам дана, — сказала Тиффани, не спеша обходя по кругу дергающуюся Аннаграмму. — Ты говорила, люди должны знать о нашем даре, раз уж мы им обладаем. У тебя есть голова на плечах. — Тиффани сделала шаг назад, чтобы заглянуть пленнице в глаза. — Представляешь, какой будет ужас, если ее там не станет?

Она махнула рукой, и девочка свалилась на пол. Но Аннаграмма, может, и была врединой, но вовсе не была трусихой. Она тут же вскочила на ноги, собираясь завопить что было сил, рука ее дернулась вверх...

— Осторожно, — сказала Тиффани. — Я ведь могу повторить.

Дурой Аннаграмма тоже не была. Она опустила руку, пожала плечами и буркнула:

— Что ж, удача на твоей стороне.

— Однако мне все равно требуется твоя помощь, — сказала Тиффани.

— Тебе — моя помощь? Зачем она тебе нужна? — мрачно спросила Аннаграмма.

«...Мы нуждаемся в союзниках, — подумал роитель, используя мозг Тиффани. — Они могут пригодиться, чтобы помочь нам защищаться. Если понадобится, мы пожертвуем ими. Все существа стремятся дружить с тем, кто обладает силой и властью, а эта особа обожает силу и власть...»

— Для начала, — сказала Тиффани, — где я могу обзавестись платьем, как у тебя?

Глаза Аннаграммы вспыхнули.

— О, тебе нужен Закзак Рукисила из Бес-Страха! У него продается все, что нужно современной ведьме.

— Тогда я хочу все, — сказала Тиффани.

— А он хочет за это денег, — парировала Аннаграмма. — Он гном. Гномы умеют отличать волшебное золото от настоящего. Конечно же, все пытались подсунуть ему волшебное. Он только смеялся. А если попробуешь провернуть это дважды, он пожалуется твоей наставнице.

— Мисс Тик говорит, у ведьмы всегда должно быть ровно столько денег, сколько необходимо, — вспомнила Тиффани.

— Точно! Ровно столько, сколько необходимо, чтобы купить все, что захочется! — подхватила Аннаграмма. — Госпожа Увёртка говорит, если мы ведьмы, это еще не значит, что мы обязаны одеваться как крестьянки. Но тетушка Вровень такая старомодная, да? У нее, наверное, вообще денег в доме не водится.

И тогда Тиффани сказала:

— Я знаю, где их раздобыть. Встретимся здесь после помоги мне обеда, и ты отведешь меня в эту лавку.

— Что это было? — резко спросила Аннаграмма.

— Я говорю, встретимся останови меня! после обеда, и... — начала Тиффани.

— Вот опять! Это было как... эхо в твоём голосе, — сказала Аннаграмма. — Как будто двое пытаются говорить одновременно.

— А, это... — сказал роитель. — Не обращай внимания. Это скоро пройдет.

Роителю нравился этот разум — такой интересный и необычный. Пользоваться им было одно удовольствие. Но один уголок, крохотный уголок сознания по-прежнему оставался для него недоступен. Это раздражало, как зуд там, где не почешешься. Роитель не думал. Его разум был лишь эхом тех разумов, которые он когда-то подчинял себе. Как будто оркестр ушел, а эхо осталось. Но отзвуки, накладываясь друг на друга, порождают новые гармонии.

И вот сейчас эхо мыслей вызванивало: «Приспосабливайся... Мы еще недостаточно сильны, чтобы наживать врагов. Ищи друзей».

Темная, с низким потолком лавка Закзака ломилась от соблазнов для покупательниц. Закзак и правда был гномом, а гномы по природе не очень-то расположены к магии, зато они умеют расположить товар так, чтобы он привлекал взгляды и кошельки.

Здесь были волшебные палочки, в основном металлические или из редких пород дерева. Некоторые были украшены сияющими кристаллами — эти, разумеется, стоили дороже. В отделе зелий полки ломились от бутылочек из цветного стекла, и чем меньше была склянка, тем дороже она стоила.

— Это из-за всяких редких составляющих, — объяснила Аннаграмма. — Вроде слез какой-нибудь редкой змеи или еще чего-нибудь в этом духе.

— Не знала, что змеи умеют плакать, — сказала Тиффани.

— А они что, не умеют? Ну, должно быть, поэтому и зелье такое дорогое, — не смутилась Аннаграмма.

Там было еще много на что посмотреть. С потолка свисали путанки, гораздо красивее и интереснее тех, которые Тиффани довелось видеть в деле. Конечно, в них не было ничего живого, как в тех, что тетушка Вровень использовала для украшения, они ведь с самого начала плелись такими, какие есть. Но смотрелись они потрясающе, а выглядеть

потрясающе очень важно.

В лавке были даже камни, в которые можно заглянуть.

— Хрустальные шары! — вскрикнула Аннаграмма, когда Тиффани подхватила один такой. — Осторожнее, они страшно дорогие!

И она показала на табличку, явно с умыслом выставленную среди сверкающих сфер:

Тиффани взяла в руки самый большой шар и заметила, как Закзак чуть-чуть подвинулся, чтобы, если она выронит сферу, ловчее было метнуться к ней с чеком наперевес.

— Мисс Тик обычно использует блюдце с водой, куда добавляет каплю чернил, — сказала она. — Воду она одалживает, а чернила выклянчивает.

— Вот ведь фундаменталистка! — фыркнула Аннаграмма. — Летиция — то есть госпожа Увёртка — говорит, такие ведьмы бросают тень на нас всех. Из-за них, чего доброго, люди так и будут думать, будто ведьмы — это сплошь чокнутые старухи в черных платьях, всякие там старые вороны! Это пахнет пряничными домиками! Мы должны придерживаться профессионального подхода.

— Хмм, — протянула Тиффани, задумчиво подбрасывая шар одной рукой. — Надо бы научить людей бояться ведьм.

— Ну, гм, они определенно должны нас уважать, — сказала Аннаграмма. — Эмм... я бы на твоём месте обращалась с ним поосторожнее...

— Почему? — Тиффани небрежно швырнула шар через плечо.

— Это был кварц чистойшей воды!!! — заорал Закзак, вылетая из-за прилавка.

— Ох, Тиффани, — проговорила Аннаграмма.

Несмотря на потрясение, она едва сдерживала смех.

Промчавшись мимо девочек, гном метнулся туда, где блестели на полу тысячи дорогуших осколков хрустального шара...

...то есть туда, где не блестело никаких осколков.

Гном и Аннаграмма разом повернулись к Тиффани.

Хрустальный шар волчком вертелся на кончике ее пальца.

— Ловкость рук позволяет обмануть зрение, — сказала она.

— Но я слышал, как он разбился! — возразил Закзак.

— И слух тоже. — Тиффани положила сферу на место. — Шар мне не нужен, но я беру... — и она стала указывать пальчиком, — вот это ожерелье, и вон то, и еще вон то с котиками, и это кольцо, и вон тот набор, и два, нет, три таких, и... как это называется?

— Эмм, это «Книга Ночи», — пояснила Аннаграмма. Ей явно было не по себе. — Это вроде как волшебный дневник. Чтобы записывать, над чем ты работаешь...

Тиффани взяла в руки книжицу в черном переплете. В толстую кожаную обложку был вделан глаз, который поворачивался и следил за всеми. Да уж, это был настоящий дневник ведьмы, не то что какая-то жалкая дешевая тетрадка, купленная у бродячего торговца.

— А кому раньше принадлежал этот глаз? — спросила Тиффани. — Кому-нибудь выдающемуся?

— Э-э... Я беру эти дневники у волшебников Незримого Университета, — сказал Закзак, которого все еще слегка потряхивало. — Глаз ненастоящий, но у него хватает ума крутиться, пока не встретится взглядом с другим глазом.

— Он только что моргнул, — заметила Тиффани.

— Ну, эти волшебники такие головастые ребята, — сказал Закзак. Он уже чуял немалую выгоду. — Завернуть тебе дневник?

— Да, — кивнула Тиффани. — Все заверните. А теперь эй кто-нибудь! Я хотела бы посмотреть отдел одежды...

...а в отделе одежды лежали шляпы. У ведьм своя мода — чем они хуже других? Одно время шиком считалось, чтобы тулья была чуть-чуть гармошкой, а кончик так сильно загнут, что смотрел почти строго вниз. Даже традиционная модель («Прямая Коническая Тулья, черн.») продавалась в различных вариантах, например «Селянка» (внутренние

карманы, влагонепроницаемая), «Форсаж в облаках» (с улучшенной аэродинамикой для скоростных полетов) и хит продаж «Моя крепость» (с восьмидесятипроцентной гарантией выживания при падении фермерских домиков).

Тиффани выбрала самую высокую из прямых шляп. Она была не меньше двух футов в высоту и расшита звездами.

— О, «Небоскреб»! — Закзак кинулся шарить в ящиках. — Тебе очень к лицу. Самая подходящая шляпа для ведьмы на пути к великому будущему... для ведьмы, которая твердым шагом идет к своей цели, не беспокоясь о том, сколько лягушек для этого потребуется, ха-ха. Не знаю уж почему, но многие дамы вместе с этой шляпой берут и плащ.

Могу предложить «Полночь»: чистая шерсть, тонкая вязка, очень теплый, но... — гном заговорщицки помолчал, глядя на Тиффани, — в настоящее время у нас также имеется в наличии очень ограниченная партия модели «Дыхание ночи». Только что привезли, очень редкая вещь: плащ черный, как уголь, и невесомый, как тень. Не согреет и не спасет от дождя, зато при легчайшем дуновении смотрится просто сказочно, взгляни...

Он подул на плащ, держа его на вытянутой руке. Плащ взлетел почти горизонтально, полы его затрепыхались и пошли волнами, как простыня на сильном ветру.

— О да... — ахнула Аннаграмма.

— Я беру его, — сказала Тиффани. — Надену на Испытания в субботу.

— Что ж, если выиграешь приз, обязательно расскажи всем, где ты купила этот плащ, — подмигнул Закзак.

— Когда я выиграю, я расскажу, что получила здесь огромную скидку, — заявила Тиффани.

— О, я не делаю скидок, — обронил Закзак свысока, насколько позволял его гномий рост.

Тиффани свирепо глянула на него и взяла в руки одну из самых дорогих волшебных палочек.

— Номер Шесть, — прошептала Аннаграмма. — У госпожи Увертки такая.

— Я смотрю, на ней и руны есть, — заметила Тиффани, и что-то в том, как она это сказала, заставило Закзак побледнеть.

— Ну разумеется, — кивнула Аннаграмма. — Нельзя же без рун.

— Это на яггском, — продолжала Тиффани, хищно улыбаясь Закзаку. — Очень древний гномий язык. Сказать, что здесь написано? Тут написано: «Ну Что За Тупица Мной Размахивает».

— Не смей говорить со мной таким тоном, девочка! Все это

клевета! — взорвался Закзак. — Кто твоя наставница? Знаю я таких! Выучат одно заклинание и воображают, будто они уже не хуже госпожи Ветровоск! Я этого здесь не потерплю! Брайан!

За бисерной занавеской, скрывающей вход во внутреннюю часть лавки, зашуршало, и появился волшебник.

Что он волшебник, было видно сразу. Волшебники всегда стараются, чтобы у встречных не оставалось сомнений, кто перед ними. На нем был длинный струящийся балахон, украшенный звездами, магическими символами и даже несколькими блестками. Его борода тоже была бы длинной и струящейся, принадлежи он к тому типу молодых людей, у которых растет борода. Но Брайан к ним не принадлежал, а потому его борода была редкой и клочковатой и вдобавок не очень чистой. Общее впечатление также слегка портили сигарета в одной руке, кружка в другой и лицо, чем-то наводящее на мысли о маленьких существах, какие обычно живут под корягами.

На надколотой кружке красовалась веселенькая надпись: «Да, я черный маг. Но зарплата у меня белая!!!»

— Что такое? — спросил волшебник. И с упреком добавил: — Вообще-то у меня сейчас обеденный перерыв.

— Эта юная... барышня плохо себя ведет, — сказал Закзак. — Магией швыряется направо-налево, дерзит мне тут, умничает. Обычная история.

Брайан посмотрел на Тиффани. Она улыбнулась.

— Брайан учился в Незримом Университете, — сказал ей Закзак с ухмылочкой типа «Ну, теперь ты у меня попляшешь!». — Диплом имеет. О том, чего он не знает про магию, можно целую книгу написать. Брайан, покажи-ка девушкам, где здесь выход.

— Ну ладно, девочки. — Брайан нервно облизал губы и поставил кружку. — Слушайте господина Рукисилу и проваливайте, хорошо? Мы ведь не хотим неприятностей, верно? Вот и умнички.

— А зачем вы держите в лавке волшебника, господин Рукисила? — с милой улыбкой поинтересовалась Тиффани. — Разве все эти амулеты вас не защищают?

Закзак повернулся к Брайану:

— Ну что ты стоишь? За что я тебе деньги плачу, а? Она опять за свое! Сделай же что-нибудь! Наложь на них какое дукционное заклятье или еще что!

— Ну, это... С этой вот покупательницей могут быть некоторые проблемы... — нерешительно пробормотал Брайан, кивком указав на Тиффани.

— Если ты изучал магию, Брайан, тебе должен быть известен закон сохранения массы, — сказала она. — Ты ведь знаешь, что на самом деле происходит, когда человека превращают в лягушку?

— Ну, это... — проблеял Брайан.

— Ха! Это все слова! Хотел бы я посмотреть, как ты превратишь кого-нибудь в лягушку! — вмешался Закзак.

— Будь по-вашему. — И Тиффани взмахнула палочкой.

Брайан поспешно начал:

— Послушай, когда я говорил, что был в Незримом Университете, я имел в виду... — но сбился и закончил: — Ква!

Оставим Тиффани в лавке и поднимемся выше. Еще выше, туда, откуда земля внизу кажется лоскутным одеялом полей, лесов и гор.

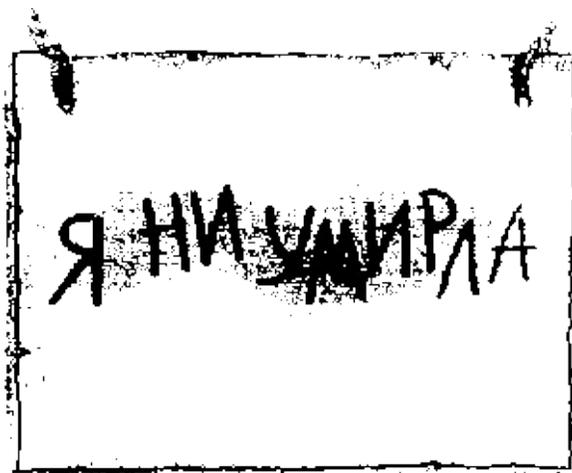
Магия расходится, как круги по воде. В радиусе нескольких миль она заставляет путанки бешено крутиться и рвет нити сетей-оберегов. Чем шире расходятся волны, тем слабее воздействие, но полностью оно не исчезает, и его можно уловить при помощи того, что чувствительнее любой путанки...

Летим прочь от лавки, вон к тому лесу, и спустимся на той опушке, у того самого домика...

Голые беленые стены, голый каменный пол. У очага нет даже плиты для готовки, только черный чайник свисает с крюка над огнем. Нет, не над огнем, а над несколькими едва тлеющими палочками, сиротливо прислонившимися друг к другу.

Тот, кто живет в этом доме, выбросил из своей жизни всю шелуху, оставив только сердцевину.

Если подняться по лестнице, можно попасть в комнату, где на узкой кровати лежит старуха в блекло-черных одеждах. Но и в голову не придет, что она мертва, потому что на шее у нее висит картонка, а на картонке написано:

— а раз уж так написано, приходится верить.

Ее веки сомкнуты, руки скрещены на груди, рот открыт.

И в этот открытый рот свободно забираются пчелы. Они копошатся на ее подушке, ползают по ушам. Ойи кишат в комнате, влетают и вылетают через открытое окно. На подоконнике чьей-то рукой расставлены блюдца с сиропом.

Все блюдца разные, и это понятно. Ни одна ведьма не держит в доме сервизов. Пчелы неустанно суетятся, влетают и вылетают — словом, трудятся, как пчелы.

Когда расходящиеся волны магии достигают домика, жужжание становится оглушительным. Тучи пчел влетают в окно, словно их принесло порывом ураганного ветра. Они опускаются на неподвижное тело старухи, голова и плечи ее скрываются под копошащейся черно-желтой массой насекомых.

А потом они вдруг все, как одна, взвиваются в воздух и тучей вылетают прочь из комнаты, на опушку, где ветер играет кленовыми семенами.

Матушка Ветровоск резко села в кровати и сказала:

— Жжжж...

Сунув палец в рот, она выудила оттуда заблудившуюся пчелу, подула на нее и прогнала в окно.

Мгновение казалось, что глаза у нее состоят из множества граней.

— Так-так... Выходит, она научилась Заимствовать? Или ее саму Позаимствовали?

Аннаграмма упала в обморок. Закзак вытарацился во все глаза — он слишком испугался, чтобы терять сознание.

— Видите ли, — принялась объяснять Тиффани под глухое бульканье

сверху, — лягушка весит всего несколько унций^[14], тогда как вес Брайана составлял... где-то около ста двадцати фунтов^[15]. Так вот, если хочешь превратить кого-то большого в нечто маленькое, надо сперва придумать, что делать с остальной массой, верно?

Она подняла с пола остроконечную шляпу волшебника.

— Ну как, Брайан, ты доволен? — спросила Тиффани.

Лягушонок, сидящий на куче одежды, поднял на нее глаза и сказал:

— Квак!

Закзак не смотрел на лягушку. Он не мог оторвать взгляд от того, что продолжало тихо булькать под потолком. Больше всего это походило на большой розовый воздушный шарик, наполненный водой. «Шарик» медленно колыхался.

— Ты убила его! — выдавил гном.

— Что? О нет. Всего лишь отделила то, что ему больше не пригодится, — сказала Тиффани. — Это, если угодно, запчасти Брайана.

— Квак! — сказал Брайан.

— Бульк! — сказала то, что раньше было им.

— Так вот, насчет скидки, — зачастил Закзак. — Думаю, десять процентов...

Тиффани повела палочкой, и за спиной у нее все хрустальные шары взмыли в воздух. Они принялись кружиться в очень красивом, блистательном и легкобьющемся танце.

— Но эта палочка на такое не способна! — выпалил гном.

— Разумеется, нет. Она ведь просто безделушка. А вот я — способна, — сказала Тиффани. — Девяносто процентов, ты сказал? Думай быстрее, я начинаю уставать. И удерживать запасного Брайана становится все труднее.

— Забирай все! — заорал Закзак. — Бесплатно! Только не расплещи его, ради всего святого!

— Нет-нет, что ты, я вовсе не хочу, чтобы ты разорился, — сказала Тиффани. — Девяносто процентов будет достаточно. Я бы предпочла, чтобы мы расстались... друзьями.

— Да! Хорошо! Я твой друг! Я вообще очень дружелюбный! А теперь, пожалуйста, верни его! Прошу тебя! — Закзак упал на колени, благо падать было недалеко. — Умоляю! Он ведь и не волшебник вовсе! Просто ходил в Университет на вечерние курсы выпиливания лобзиком! Они там комнату для занятий снимали, или как-то так. Он думает, я не знаю! Но он украдкой прочитал несколько книг по магии, стибрил балахон и шляпу и наострился

говорить всякие мудреные слова — по мне, так чем не волшебник! Прошу тебя! Мне нипочем не нанять настоящего волшебника за такие деньги! Не делай ему ничего плохого, пожалуйста!

Тиффани взмахнула рукой. На миг им предстало зрелище еще более неприятное, чем то, которое привело к колыханию запасного Брайана под потолком, — и вот уже весь Брайан целиком и полностью стоит перед ними, беспомощно моргая.

— Спасибо! Спасибо! Спасибо! — просипел Закзак.

Брайан моргнул:

— Что это было?

Закзак принялся лихорадочно его ощупывать:

— Эй, ты в комплекте? Ты больше не булькаешь?

— Руки убери! — Брайан оттолкнул его.

Аннаграмма застонала и открыла глаза. Увидев Тиффани, она попыталась одновременно подтянуть под себя ноги и попятиться от нее, и в результате поползла назад, как паук.

— Не делай это со мной! — завопила она в отчаянии. — Пожалуйста, не надо!

Тиффани догнала ее и рывком поставила на ноги.

— Я ничего тебе не сделаю, Аннаграмма, — сказала она весело. — Ты ведь мой друг. Мы все тут друзья! Ну разве не чудесно? Пожалуйста, пожалуйста, кто-нибудь, остановите меня...

Важно помнить, что пикеты — не домовые. Теоретически, если оставить для домашних блюдце молока, они помогут по дому.

А Нак-мак-Фигли... не помогут.

О да, они будут очень стараться, особенно если не оскорблять их чувства блюдцем с *молоком*. Они честно попытаются помочь. Но пикеты не очень хорошо понимают, как это сделать. Например, им невдомек, что застарелое пятно на подносе не исчезнет, сколько ни бейся об него головой.

И мало кто из хозяек обрадуется, увидев, как толпа Фиглей плещется в одной раковине с их лучшей фарфоровой посудой. Или как по полу туда-сюда катается дорогой кувшин, а пикеты в нем одновременно сражаются с налетом внутри и друг с другом.

Но когда тетушка Вровень убрала фарфор подальше, то решила, что Нак-мак-Фигли ей даже нравятся. Было в них что-то непотопляемое. И к тому же их ни капельки не смущала ее двойственность.

— А, эт' ниче, — махнул рукой Явор Заядло. — В те времена, когда мы для Кральки грабили-тырили, мы зырили мир, где у всех было по пять тушек. Одни грамазды, другие мал-мал, чтоб сподручно разные дела

делать.

— Правда? — удивилась тетушка.

— Ах-ха, а у самой грамаздой тушки была огромная левая рука, нарочняк шоб банки с соленьями открутить.

— Да, эти завинчивающиеся крышки бывают ужасно тугие, — согласилась тетушка.

— Мы ишо и не такенных заморочных местов позырили, когда грабствовали для Кральки, — похвастался Явор Заядло. — Токо мы с этим повязали, потому что она коварная, злобунствующая, жадная эльфуха, вот!

— Ах-ха, и вовсе не потому, что нахрюкались выш-крыш к двум часам, а она узырила и вышвыркнула нас, как грят всякие чувырлы мммф, мммф! — добавил Туп Вулли.

— Нахрюкались? — не поняла тетушка.

— Ах-ха... эт' знатца... выдохнулись, вот! Прямо с ног валились, так устали! — сказал Явор Заядло, крепко зажимая брату рот. — А ты поприкуси язык при даме, мала чучундра врушная!

— Э... спасибо, что все помыли, — сказала тетушка Вровень. — Хотя право же, не стоило...

— Ах, эт' пустяковины! — радостно сказал Явор Заядло и отпустил Тупа Вулли. — А эти ваши черепочки наверняк можно склеить взад!

Тетушка Вровень посмотрела на часы без стрелок:

— Уже поздно. Что, собственно, вы намерены предпринять, господин Заядло?

— Чегой?

— У вас есть план?

— Ах-ха!

Явор Заядло принялся шарить в кожаном мешочке у себя на поясе. Почти все Фигли носят такие мешки, которые на их языке зовутся «спог»; никто не знает, что пикеты в них хранят, но известно, что иногда там попадают интересные зубы.

Наконец ему удалось выудить сложенный во много раз клочок бумаги.

Тетушка Вровень аккуратно развернула бумажку.

— плн?

— Ах-ха! — с гордостью подтвердил Явор Заядло. — Мы сподготовились! Все чин по чину, на бумахе, буковами. Пы-лэ-эн. План.

— Э... как бы вам объяснить... — задумалась тетушка. — Ну, попробуем так. Вы примчались сюда на всех парусах спасать Тиффани от существа, которое нельзя увидеть, потрогать, учуять или убить. И что вы собирались делать, когда найдете его?

Явор Заяadlo почесал в затылке, отчего на пол посыпался град всякой всячины.

— Точняк, хозяйка, это мы как-то недотумкали.

— Хотите сказать, вы действуете наобум?

— Ах-ха! — просиял Явор Заяadlo. — В том-то и план! Мы всегда наобумы впираем!

— А что потом?

— Ну, обычно нам сразу нороят люлей накидать, ну дык с этим мы на ходах разберемся!

— Конечно, сударь, но это существо находится в голове Тиффани!

Явор Заяadlo вопросительно посмотрел на гоннагла.

— «Сударь» — эт' как господарь, токо фуфыристей, — перевел тот, и, предупреждая вопрос тетушки, пояснил ей: — В смысле, очень почетно.

— А, дык мы ж можем ей в балду пролезнуть, ежли надуть, — сказал Явор Заяadlo. — Я-то надежилсь наперед успеть, но и на хвост ему седануть нае проблемо!

Лицо тетушки Вровень вытянулось от изумления. Вернее, оба лица.

— Вы хотите сказать, что можете проникнуть к Тиффани в голову?

— Ах-ха, — сказал Явор Заяadlo с таким беззаботным видом, словно делал это каждый день. — Мы куды хошь пролезнем и вылезнем. Токо из пивнух почему-то трудновасто бывает, а балда-то — плево дело.

— Извините, я что-то не понимаю. Речь идет о голове в прямом смысле? Как вы собираетесь туда забраться, через уши? — спросила тетушка.

И снова Явор Заяadlo взглядом попросил помощи у Билли. Тот очень удивился тетушкиному вопросу.

— Нае, хозяйка, через уши никак. Слишком малые, — терпеливо принялся объяснять он. — Но мы можем проникать в другие миры. Мы ведь волшебный народец как-никак.

Обе головы тетушки Вровень кивнули. И правда, Нак-мак-Фигли ведь, строго говоря, относятся к волшебному народцу, хотя, глядя на их нестройные ряды, легко об этом забыть. Все равно что наблюдать, как пингвины плавают под водой, и помнить, что на самом деле они птицы.

— И? — спросила она.

— Мы умеем пробираться в сны, — продолжал гоннагл. — А что такое разум, если не один сплошной сон?

— Нет, я это категорически запрещаю! — взвилась тетушка. — Я не могу допустить, чтобы вы шастали в мыслях юной девушки! То есть вы сами-то на себя посмотрите! Вы же все половозре... взрослые мужчины!

Это как если бы... как если бы вы заглянули в ее дневник!

Теперь уже Явор Заяadlo уставился на ведьму непонимающим взглядом.

— Нды? — сказал он. — Мы почему здря зырили в ее дневных, и ниче.

— Вы заглядывали в ее дневник? — задохнулась от ужаса тетушка Вровень. — Но зачем?

Потом она поняла, что могла бы легко и сама догадаться, если бы дала себе труд подумать.

— Ну дыкс он ж запертый завсехды! — сказал Туп Вулли. — Ежли она не хочевала, чтоб туды зырили, чегой она тады заперла его и в ящик с носоками упрятила? Токо мы там все одно ниче ни бум-бум. Там сплошь словеса всяко-разные, мал-мал сердешки, цветики и все тако.

— Сердечки?! В дневнике Тиффани? — не поверила своим ушам тетушка. Но она быстро взяла себя в руки. — Как бы там ни было, вы не должны были туда заглядывать! А лезть в чужую голову — еще хуже!

— Роитель к ней в голову уже залез, — робко возразил Ой-как-мал Билли Мордаст.

— Но вы же сами говорите, что не можете ничего ему сделать!

— Зато она может. Нам надо только найти ее, — сказал гоннагл. — Ту малую чуточку, что еще остается ею. Если ее разозлить, она будет драться, как настоящий воин. Понимаешь, хозяйка, голова — она ведь сама по себе как мир. И наша карга где-то в этом мире притаилась, смотрит своими глазами, слышит ушами, пытается докричаться до кого-нибудь. Она скрывается там от роителя, но он будет охотиться за ней, пока не споймает и не сломит...

У тетушки Вровень сделался затравленный вид, как будто это за ней шла охота. Пятьдесят крошечных лиц смотрели на нее. И в них было столько надежды, тревоги за Тиффани и сломанных носов, что она сдалась. Тем более тетушка все равно не могла придумать другой план. Или хотя бы ПЛН.

— Ну хорошо, — сказала она. — Но с одним условием: перед этим вы должны принять ванну. Знаю, это глупо, но мне так будет спокойнее.

Ответом ей был общий стон.

— Ванну? Но ишшо ж году не прошло, как мы все искупнулись в буранском пруду! — вскричал Явор Заяadlo.

— Раскудрить! — горячо поддержал его Грамазд Иан. — Мушцине низзя помываться так часто, хозяйка! Это ж можно на ноль смылиться!

Но тетушка была непреклонна:

— Горячей водой с мылом! Я серьезно! Я наберу полное корыто воды

и... и привяжу толстую веревку, чтобы вы могли забраться туда и выбраться, но вы у меня вымоетесь дочиста! Я как-никак ве... карга, так что лучше делайте, как я говорю!

— Ох, ну так и бывать... — сдался Явор Заядло. — Ради мал-мал карги мы на любые испытания готовы. Но токо чур-чура не подзыривать, лады?

— Подглядывать?! — Тетушка Вровень указала на дверь в ванную, и палец ее дрожал от возмущения. — Живо мыться!

Тем не менее тетушка подслушивала под дверью. Так уж ведьмы устроены.

Сначала из ванной не доносилось ничего особенного, кроме тихого плеска. Потом раздалось:

— Эй, а оно не так, мерзяво, как я себе кумексал!

— Ах-ха, очень приятно...

— Слышь, тут грамазд желтявый уток плюмкает! Эй, ты на кого клюв наставил, чучундра плывучая?!

Послышались водянистый крик и бульканье — похоже, резиновый утенок пошел на дно.

— Слышь, Явор, надуть и нам такую булькалку дома сооруднуть. Зимами бу сугреваться.

— Ах-ха, а то буранам не полезно пить опосля того, как мы в ихнем пруду купнулись. Больно зырить, как бедолажна скотина потом отплеваться пытается.

— Нае, тык мы разнежимся. Что то за помывка, ежли у тебя лед на балде намерзнуть не успеваает, пока плещешься?

— Ты тута кого разнеженкой обозвал?!

Снова раздался плеск, на этот раз уже серьезнее, и из-под двери потекла вода.

Тетушка постучала.

— Вылезайте и вытирайтесь, быстро! — велела она. — Тиффани вернется с минуты на минуту.

Но на самом деле им пришлось ждать Тиффани еще два часа. Тетушка успела так разнервничаться, что ее ожерелья непрерывно звенели.

Она пришла к ведьмовскому ремеслу позже, чем другие. Врожденная двойственность тела давала ей преимущество, но тетушка Вровень никогда не испытывала большого удовольствия от того, что приходится иметь дело с магией. На самом деле многие ведьмы могли прожить всю жизнь и не сотворить ничего откровенно волшебного. Путанки, обереги и ловцы снов не в счет, они относились скорее к прикладным ремеслам, а прочее

сводилось к практической медицине, здравому смыслу и умению строго смотреть из-под полей остроконечной шляпы. Ведьма в большой черной шляпе в некотором смысле напоминает полицейского. Люди видят форму, а не того, кто ее носит. Когда по улице бежит свихнувшийся лесоруб, ты не можешь просто отойти в сторонку со словами: «Обратитесь к кому-нибудь другому. Я, знаете ли, больше по части бродячих собак и дорожного движения». Тот, кто носит форменную шляпу, делает то, что необходимо. В этом и состоит его — или ее — работа. Основной закон ведьмовства гласит: «Это *твое* дело».

К тому времени, когда Тиффани наконец вернулась, тетушка уже превратилась в два комка взвинченных нервов. Она встретила ученицу в дверях, стоя бок о бок с собой и держась за руки, чтобы придать себе уверенности.

— Где ты была, милая? — спросила тетушка.

— Далеко, — сказала Тиффани.

— А что ты там делала?

— Ничего.

— Вижу, ты ходила за покупками?

— Да.

— И с кем же?

— Ни с кем.

Тетушка безнадежно проигрывала.

— Ах да, — зачастила она. — Когда-то, помню, я тоже отправлялась куда подальше и ничего там не делала. Иногда мы попадаем под собственное дурное влияние. Поверь мне, я знаю...

Но Тиффани уже промчалась мимо нее и взлетела по лестнице.

Вокруг тетушки стали проявляться Фигли. Они вроде бы не шевелились, просто делались заметными.

— Нды, ничего себе дела, — протянул Явор Заядло.

— Она сама на себя не похожа! — взволнованно выпалила тетушка Вровень. — Она даже двигаться стала по-другому! Я просто не знаю, как с ней себя вести! И эта одежда...

— Ах-ха, вся блестящая, будто мала ворониха, — сказал Явор.

— Вы ее сумки видели? Откуда у нее взялось столько денег... У меня точно нет ничего подоб... — Она осеклась, а в следующее мгновение обе ее половины заговорили наперебой:

— О нет...

— ...конечно, нет! Она бы ни за что...

— ...не сделала этого, ведь правда?

— Не знаю, о чем ты, — сказал Ой-как-мал Билли Мордаст, — но сейчас не важно, что она сделала бы или нет. За нее думает и делает роитель.

Тетушка Вровень горестно заломила все четыре руки:

— Ох... Я должна немедленно отправиться в деревню и проверить!

Одна ее половина выбежала за дверь.

— Хорошо еще, она вернула метлу, — прошептала оставшаяся половина. У нее постепенно сделался немного рассеянный вид, как всегда, когда тетушка разлучалась с собой.

— А давайте-ка мы ее мал-мал по балде тукнем, — предложил Грамазд Йан. — Роевник бай-бай и пакостить не будет, а?

Тетушка Вровень нервно сжимала и разжимала кулаки.

— Нет, — сказала она. — Я пойду наверх и серьезно с ней поговорю.

— Грю же тебе, хозяйка, не она это, — устало сказал Ой-как-мал Билли.

— Хорошо, подожду, пока я проведу старика Заткачика, — согласилась тетушка, стоящая посреди кухни. — Я уже почти на месте... так... он спит... Сейчас я тихонечко достану из-под кресла шкатулку... Ну, если она взяла его деньги, я буду в ярости...

Шляпа и в самом деле хороша, решила Тиффани. Почти такая же высокая, как у госпожи Увертки, черная и блестящая. И звезды сверкают.

Свертков и сумок было столько, что им едва хватило места на полу и на кровати. Тиффани достала еще одно черное платье, с кружевами, и плащ, который сразу заструился в воздухе. Плащом она была особенно довольна. При малейшем дуновении он вздымался, будто под порывом сильнейшего ветра. Если хочешь стать ведьмой, нужно выглядеть соответственно.

Она накинула плащ и покружилась в нем, а потом, не задумываясь, так что роитель не успел ничего понять, сказала:

— Меня видно.

Роитель вдруг обнаружил, что его вышвырнуло из ее тела. Тиффани была свободна. Такого она не ожидала...

Она снова была собой, тело подчинялось ей до кончиков пальцев. Тиффани быстро нагнулась, схватила с кровати одну из волшебных палочек из лавки Закзака и выставила ее перед собой, защищаясь.

— Не подходи! — крикнула она. — Держись от меня подальше! Это мое тело, не твое! Ты заставил меня творить ужасные вещи! Ты украл деньги господина Заткачика! Только посмотри на это дурацкое барахло! А что человеку нужно есть и пить, ты не знаешь? Не подходи! Я тебя больше

не подпущу! Не смей! Я владею магией, сам знаешь!

Мы тоже, раздался в ее голове ее собственный голос. *Мы тоже* владеем *твоей магией*.

Они стали сражаться. Со стороны казалось, что девочка одна в пустой комнате кружится на месте, размахивая руками как ужаленная, но Тиффани отчаянно дралась за каждый палец. Она налетела на стену, ударилась о комод, врезалась в другую стену...

...И тут дверь в комнату резко распахнулась.

На пороге стояла тетушка Вровень, дрожа уже не от волнения, но от гнева. Она вытянула вперед трясущийся палец:

— А ну, послушай меня, кто бы ты ни была! Это ты украла деньги господина Затка...

Роитель обернулся.

Роитель атаковал.

Роитель... убил.

Глава 8

ТАЙНЫЙ УГОЛОК

Быть мертвой — само по себе удовольствие сомнительное. Но куда хуже очнуться и обнаружить в дюйме от своего носа Нак-мак-Фигля, который пристально смотрит тебе в лицо.

Тетушка Вровень застонала. Судя по ощущениям, она лежала на полу.

— Ах-ха, эта жив-здоровая, зубдамс! — сообщил кому-то Фигль. — А я грил! Ты мне хорькову черепушку проспорил.

Тетушка Вровень моргнула двумя глазами из четырех и застыла в ужасе.

— Что со мной произошло? — спросила она.

Вместо давешнего Фигля перед ней появилась физиономия Явора Заяadlo. Легче от этого не стало.

— Скока пальцев? — спросил он, растопырив пятерню.

— Пять, — прошептала она.

— Нды? Ну, мож оно и так, тебе видней — ты-то небось в счетах кумексаешь. — Он опустил руку. — С тобой мал-мал неахти приключнулись. Тебе мал-мал кирдыкс пришел.

Тетушка бессильно уронила голову. Сквозь туман чего-то, отдаленно похожего на боль, до нее донеслось, как оправдывается Явор Заяadlo:

— Да я помягчей и сказанул! А как ишшо-то? Я ж два мал-мала втиснул, иль нет?

— У меня такое ощущение, будто моя половина где-то очень далеко, — проговорила тетушка Вровень.

— От тут ты почти в точку тыкснула, — сказал Явор Заяadlo, самый тактичный Фигль во Вселенной.

В густой каше, медленно ворочающейся в тетушкиной голове, вдруг всплыли на поверхность некоторые воспоминания.

— Тиффани убила меня, да? — сказала она. — Я помню, как фигура в черном резко обернулась ко мне и у нее было такое жуткое выражение лица...

— То был роевник, не Тиффани, — строго поправил Явор Заяadlo. — Она с ним драксилась! И до сих пор драксается, где-то внутри. Но роевник, он забыл, что у тебя две тушки. Давай-ка лучше мы подмогнем те, хозяйка.

Тетушка Вровень кое-как села на полу. Боли не было. Был... призрак

боли.

— Как я умерла? — спросила она слабым голосом.

— Оно вроде как бабахнуло грамаздо, — сказал Явор Заяadlo. — Раз — и все, без кровящи и всяко-такo.

— Чтo ж, и на том спасибо. — Тетушка бессильно ссутулилась.

— Ах-ха и лиловастая вродь-как пылюка тучей — пых! — поддержал разговор Туп Вулли.

— Где моя... я не чувствую... где мое второе тело?

— Дыкс эт' оно и пыхнуло, нечевой не остатнулось, — ответил Явор Заяadlo. — Везукса, что оно у тебя было не последнее, а?

— Ты че, она ж вся в горестях, помягчей надуть, — прошипел ему Туп Вулли.

— Как можно смотреть на вещи только с одной стороны? — спросила тетушка Вровень, обращаясь к миру в целом. — Как я буду все успевать, если у меня только одна пара рук и одна пара ног? Как можно находиться только в одном месте в одно и то же время? Как люди умудряются так жить? Это ведь невозможно... — Она закрыла глаза.

— Эй, Вровень-хозяйка, ты нам нужна! — заорал Явор Заяadlo ей в ухо.

— Нужна, нужна, нужна... — пробормотала тетушка Вровень. — Ведьма всегда всем нужна. И никого не волнует, что нужно самой ведьме. Мы только отдаем и отдаем... Никто не исполнит желания феи-крестной, скажу я вам...

— Вровень-хозяйка! — крикнул Явор Заяadlo. — Щас не время хлопе в бесчувств!

— Я устала, — прошептала тетушка. — Я страшно, страшно нахрюксалась...

— Вровень-хозяйка! — не унимался Фигль. — Наша мал-мал грамазда карга щас там наверху лежит, будто ей кирдыкс пришел, токо холодит, как лед, и потеет, как лошадь. Она дракс-дракс с роевником у себя в балде! И ей туго! — Явор Заяadlo всмотрелся в лицо ведьмы и покачал головой. — Аухтахельвайт! Да она отключилась! Ну кыкс, рябя, волочим!

Как многие маленькие существа, Нак-мак-Фигли удивительно сильны для своего роста. И все же понадобилось целых десять Фиглей, чтобы поднять тетушку Вровень по лестнице, не набив ей шишек сверх необходимого. Правда, они использовали ее ноги как таран, чтобы открыть дверь в комнату Тиффани.

Девочка лежала на полу совершенно неподвижно, только время от времени у нее подергивалась то одна, то другая мышца.

Тетушку Вровень усадили и прислонили к стенке, как тряпичную куклу.

— А кыкс мы грамазду каргу в чувствавья приведем? — спросил Грамазд Йан.

— Грят, сунуть балду меж коленьев помогает, — неуверенно припомнил Явор Заядло.

Туп Вулли со вздохом обнажил меч:

— Ну, ежли нае лечебы помягше, подержите-ка ее хто-нить...

Ведьма открыла глаза, но в себя так и не пришла. С некоторым трудом сфокусировав взгляд на Фиглях, она улыбнулась им рассеянной и глуповатой улыбкой:

— Ой, феи!

— Ох ты ж, таперь она заговаривается, — расстроился Явор Заядло.

— Нет! Она думает, что мы феи, какими их верзуны воображевывают! — вмешался Ой-как-мал Билли Мордаст. — Мал-мал человечики с крылсами, порхают по цветиками, обнимаются с бабочками и всяко-такo!

— Чегой? Они что, феек в глазья не зырили? — поразился Грамазд Йан. — Фейки же хужее ос!

— Временей нет! — рявкнул Явор Заядло.

Он запрыгнул к тетушке Вровень на колено:

— Ах-ха, гжа, мы феечки из страны... — Он сбился и умоляюще посмотрел на Билли.

— Хрустальных Струй, — подсказал тот.

— Ах-ха, из страны Хрустральных Струй, эт-сам, а вот эта...

— Принцесса, — снова пришел ему на выручку гоннагл.

— Ах-ха, эта прынцесса лежит тут в бесчувствиях, потому что на нее накиднулись чучундры...

— Злые гоблины, — поправил Билли.

— Точнякс, голбины, и ей совсем худо, и мож, ты нас научнешь, как бы так ей сподмогнуть...

— Пока не притыгдымит на белом коняге, обмотанном простынями, прекрасный принц и не разбудит ее волшебным поцелуем, — добавил Билли.

Явор с несчастным видом посмотрел на него, потом на тетушку, пребывающую в изумлении и задумчивости.

— Ах-ха, вот это самое, что мой дружиц Билли щас сказанул, — выдал он.

Тетушка Вровень попыталась сосредоточить на нем взгляд.

— Какие-то вы уж слишком уродливые для фей, — заметила она.

Явор в отчаянии пустился сочинять на ходу:

— Те фейки, к которым ты привыкши, они все по милюсеньким цветикам порхают. А мы больше по крапивам, вьюнам, львиному заду да чертополоху. Ведь не токо красивистым цветикам фейки нужны, мерзавым тоже надуть, а то нечестно. Дыкс ты не могла б всеж-таки подмогнуть этой принцессе, пока чучундры...

— Злые гоблины, — влез Билли.

— ...Ах-ха, пока гоблины не возвренулись взад?

Тяжело дыша от волнения, он следил за лицом старой ведьмы. Похоже, мысли в ее голове понемногу зашевелились.

— Пульс учащенный? — невнятно спросила тетушка Вровень. — Ты говоришь, ее кожа холодная и в поту? Дыхание частое? Похоже на шок. Согрейте ее. Подложите что-нибудь под ноги, чтобы они лежали чуть выше, чем голова. Попробуйте устранить... причину... — Она вдруг умолкла и бессильно уронила голову на грудь.

Явор повернулся к Билли:

— Коняга в простынах? Хде набрал этой разбредовины?

— У Долгого озера был грамаздый дом, и я подслушивал из мышьей норки, как верзуны своим детям сказки читают, — сказал Ой-как-мал Билли Мордаст. — А однажды прокрался и заглянул в книжину позырить картинксы. И там были верзуны со щитами и на конягах, обмотанных цветными простынями, урыщари называются...

— Ладнить, хоть и разбредовина, а сработала, — перебил Явор Заяadlo.

Он посмотрел на Тиффани. Поскольку она лежала, он доставал ей макушкой аж до подбородка. Он словно расхаживал возле небольшого холма.

— Раскудрить, не могу зырить нашую мал-мал каргу такой разникакой, — покачал головой Явор. — А ну кыкс тягаем сюды это одеядло с кловати! И усуньте поддуху ей под ноги!

— Э-э, Явор... — осторожно окликнул Туп Вулли.

— Нды? — Явор пристально смотрел на лежащую без чувств Тиффани.

— А кыкс мы пролезнем ей в балду? Путевод нужон.

— Ах-ха, Вулли, и я бум-бум, как мы все спровернем, потому что я свою балду для кумексанья запользовал! — сказал Явор. — Я ж часто нашую мал-мал грамазду каргу зырил, ах-ха? От то-то. Пробрякульку вишь?

Он протянул руку вверх. Серебряная лошадь лежала на груди Тиффани среди амулетов и темного блеска украшений.

— Ы? — не понял Вулли.

— Эт' подарокс баронского сынка, — сказал Явор. — И она побрякульку не вышвыркснула. Разнарядилась вся, вроде-как отбрькс тьмы, но что-то не дало ей коняжку бросить. И в ее балде она тож есть. Этая коняжка для нее важная. Надыть токо нафраннить на нее вертикамень ^[16], и коняжка отнеснет нас прям к нашей карге.

Туп Вулли поскреб в затылке:

— Но она ж вроде на того сынка баронского пырилась тыке, будтыть он куча верзунская. Бывалоча, она топс-топс, а он мимо тыгдымит, так она нос вверху задерет и вроде-как не узыривает верзунчика этого. Один раз аж пять и двадесят минут ждала, чтоб не узырить его в упоры.

— Ах, мущине нипочем ни бум-бум, что у красавки в балде творится, — с высоты своего опыта пояснил Явор. — Коняжка нас выведет!

*Из книги «волшебные создания и как избежать ветречи с ними» 2-жи
Констанциу Тик*

Никто в точности не знает, как Нак-мак-Фигли перемещаются из одного мира в другой. Те, кто видел, как они это делают, рассказывают, что со стороны это выглядит так: Фигль чуть откидывается назад, вытягивает одну ногу далеко вперед, водит ступней из стороны в сторону — и исчезает. Они называют это «зобный шаг». Единственное пояснение, которого удалось добиться по этому поводу, звучало примерно так: «Тута главное — лодышку прально завернуть». Судя по всему, Нак-мак-Фигли способны волшебным образом перемещаться между любыми мирами, но не в пределах одного мира. Аля этого, утверждают они, у них есть ноги.

В черном небе висело солнце, только-только перевалившее за полдень. Солнце сияло, как жарким летним днем, заливая светом землю внизу, но небо было черным, как ночь, и беззвездным.

Так выглядел внутренний мир Тиффани.

Фигли огляделись по сторонам. Похоже, они стояли на холмах, округлых и зеленых.

— Она грит земле, что земля такое. Земля грит ей, кто она такая, —

прошептал Ой-как-мал Билли Мордаст. — У ней и правда с головы не идет душа этой земли.

— Ах-ха, оно так, — согласился Явор Заядло. — От токо хде вся живность — бураны, птахсы?

— А мож, они... мож, они драпс-драпс с перепуг? — высказался Туп Вулли.

И правда, вокруг не было никаких признаков жизни. Неподвижность и тишина царили тут. Хотя Тиффани, для которой всегда было очень важно подобрать точное слово, сказала бы, что тут царило безмолвие. Безмолвие — не то же самое, что тишина. Это то, что можно услышать в полночь в большом соборе.

— Ладныть, ребя, — шепотом проговорил Явор Заядло. — Мы ни бум-бум, на че тут можно наткнуться, так что крадемся на цыпках, как мыши, ясно? Надыть сыскнуть мал-мал грамазду каргу.

Маленькие воины кивнули и двинулись вперед неслышно, как привидения.

Идти приходилось чуть в гору, впереди виднелись какие-то пригорки. Фигли настороженно подошли ближе, каждое мгновение ожидая нападения. Но ничего не произошло, и воины беспрепятственно вскарабкались на два небольших вытянутых кургана, пересекавшихся крестом.

— Верзунская работа, — заметил Грамазд Иан, когда они очутились наверху. — Пряма как встарь, Явор.

Тишина впитала его слова без остатка.

— Мы ж в самой глубли балды нашей мал-мал карги, — ответил Явор, нервно оглядываясь. — Почем знать, хто это навалял.

— Не по нутру мне оно, Явор, — сказал один из воинов. — Слишком уж тишно.

— Ах-ха, Чуть-в-уме Джорджи, слишком оно...

— Ты мое со-о-олнце, ты мое...

— Туп Вулли! — зарычал Явор, не оглядываясь на брата и по-прежнему осматривая странный мир вокруг.

— Ась, Явор?

— Че я те грил про вожмутительно не-по-до-ба-юс-чее поведенье?

— Это был опять тот-сам рядь, ах-ха?

— Тот-сам.

Они двинулись дальше, напряженно озираясь по сторонам. Вокруг по-прежнему царило безмолвие. Пауза, перед тем как грянет оркестр, затишье перед раскатом грома. Слово бы все маленькие тихие звуки холмов

умолкли, чтобы уступить место одному огромному, оглушительному звуку, который вот-вот раздастся.

А потом они увидели Лошадь.

Они ее и раньше видели, на холмах. Но там она была вырезана на дерне, а тут... тут она парила в воздухе.

Явор Заяadlo поманил к себе юного гоннагла.

— Ой-как-мал Билли... Ты ведь гоннагл, ваш брат кумексает в поэзиях и снях. Чегой это? Чего она тут наверхах? Она не должна быть поверх холмьев!

— Это страшные таинствия, господин Явор, — сказал Билли. — Жуть какие мощные. Я пока ни бум-бум, как их понимать.

— Наша карга ведь знает, каковы Меловые холмы по правде. Так с чего она сделала их тут не как всамделе?

— Я размышляю над этим, господин Явор.

— А ты не можешь рамышлевать мал-мал поживей, а?

— Явор! — К ним подбежал Грамазд Иан, который ходил на разведку.

— Нды? — мрачно отозвался Большой Человек.

— Ты лучше сам позырь иди.

На вершине круглого холма стояла пастушья кибитка: на четырех колесах, с покатою крышей и трубой железной печки. Все стены внутри были обклеены желто-синими обертками от пачек табака «Веселый капитан». Тут были сотни оберток. На крюках висели старые мешки, а дверь была испещрена пометками — матушка Болен считала там овец и дни. Узкая железная кровать для мягкости была застелена мешками из-под корма и старой овечьей шерстью.

— Ты кумексаешь в этом, Ой-как-мал Билли? — спросил Явор Заяadlo. — Можешь сказать, хде сыскнуть мал-мал грамазду каргу?

У юного гоннагла сделался смущенный и неуверенный вид.

— Гм, господин Явор, вы ведь бум-бум, что я только недавно в гоннаглах. То есть песни-то я знаю и сказы тож, но у меня совсем нае опыта в таковых делах...

— Нды? — отозвался Явор. — А много ты бум-бум гоннаглов, что шкандыбарили сквозь каргины сны?

— Э... никогда о таком не слышал, — признался Билли.

— Ну дыкс, знатца, ты уже бум-бум побольше, чем все эти разумники. — Явор улыбнулся юноше. — Покажь все, на что ты приспособен, Билли. Большого не надуть.

Билли выглянул за дверь кибитки, глубоко вздохнул и выдал:

— Тогда я сказанул бы, что мал-мал грамазда карга прячется где-то

здесь вблизи, как зверек, за которым охотятся, господин Явор. Это место — малая чуточка ее памяти, дом ее бабки, убежище. Я сказанул бы, что мы теперь в самой душе ее, в самой ее сердцевинке. В той частичке нашей карги, которая осталась ею. И мне страшно за нее. До зеленых чертиков страшно.

— С чегой?

— А ты сам погляди на тени, господин Явор, — предложил Билли. — Солнце все ниже.

— Ну дыкс солнце — оно завсехда...

Билли покачал головой:

— Нае, господин Явор. Ты ни бум-бум! Это ж не солнце грамаздого миру. Это солнце ее души.

Фигли посмотрели на солнце, на тени и снова на Билли. Гоннагл стоял, отважно выпятив челюсть, но его трясло.

— Когда наступнет ночь, ей Смерть придет? — спросил Явор Заядло.

— Бывает что и похуже Смерти. Роевник захватит ее всю, с головы до ног...

— Не бывать такому нипочем! — заорал Явор так громко, что Билли попятился. — Она могуча мал-мал красавка! Она Кральку отделала одной-единой скевародской!

Ой-как-мал Билли нервно сглотнул. Он согласился бы на что угодно, лишь бы не перечить Явору Заядло в эту минуту. Но продолжал стоять на своем:

— Звиняй, господин Явор, но тогда при ней было железо и она стояла на своей земле. А теперь она далеко-далеко от дому. И когда роевник найдет это место, он навалится и будет жать на него, пока ничего не остатнется. И тогда придет ночь, и...

— Я оченно звиняюсь, Явор. У меня идея.

Это был Туп Вулли. Все повернулись к нему. Вулли в отчаянии ломал руки.

— У тебя идея? — переспросил Явор.

— Ах-ха. И если я ее сказану, ты токо не гри, что это не-по-до-ба-юс-че, лады?

Явор Заядло тяжело вздохнул:

— Лады, Вулли, вот те зуб, не сказану.

— Ну дык вот... — заговорил Туп Вулли, нервно сплетая и расплетая пальцы. — Это ж еено место, ах-ха? Ееный дерн, еена земля. Дыкс, ежли она тута врага не одолеет, то хде тогды?

— Но он не явится сюда к ней, — возразил Билли. — Ему оно не

надыть. Она будет слабнуть, слабнуть, и это место просто исчезнет.

— Ох, раскудрить, — простонал Туп Вулли. — Но идея-то была хороша, а? Пусть и не вышло ниче.

Явор Заядло его уже не слушал. Он пристально разглядывал холмы вокруг пастушьей кибитки. «Голова нужна, не токо штоб бодать нале-напра», — сказала Джинни.

— Туп Вулли дело сказанул, — тихо проговорил он. — Эт' еено место. Этая земля у ней в сердце. Здесь вражина ее тронуть не может. Здесь у ней есть сила. Но если она не заберет чудище, эт' место станет ей турьмой. Она будет сидеть тута и зырить, будто в мал-мал оконце темницы, как ее жизнь летит кошаксу под хвост, как ее ненавидят и пужаются. Дык от: мы приволочим вражину сюдыть, как бы он ни упирался, а тута ему и кирдыкс придет!

Фигли разразились ликующими криками. Они толком не поняли, о чем говорит Явор, но звучало оно хорошо.

— А как? — только и спросил Билли.

— Ну от надыть тебе было спросануть! — расстроился Явор Заядло. — Я так хорошо извилинами удумал, а тута нате...

Он обернулся — от двери, где-то наверху, донеслось тихое царапанье.

Поверх полустершихся старых пометок у них на глазах появилась новая надпись мелом, словно ее вывела невидимая рука.

— Буковы, — сказал Явор Заядло. — Она пытается нам чтой-то сказануть...

— Да, там написано...

— Я сам бум-бум, что тама нашкрябано! — запальчиво крикнул Явор Заядло. — Я это чтение одолею! Тама накшрябано... — Он присмотрелся к надписи. — Тыке, попервая букова круглая, как солнце, потом букова кыкс две подковы у палки, потому букова-гребень, букова-четыре, потом сидячий верзун с грамаздым пузом, за ним идучий жиряк, дальше дырка, «пробел» по-ученому, за ней три столба в заборе, гребень опять, верзун с грамаздой балдой, букова как старая луна, двойная повиселица, сидячий верзун с пузом, а ниже опять стара луна, верзун идет и рукой махает, калитка с косою поперечиной, ворота, снова калитка, домишко на ножках, крыша домишки, верзун с балдой, ниже две подковы у палки, гребень, стара луна, гребень с глазами, гора, верзун с грамаздым пузом зырит в стену, калитка с загогулей наверху, пробел, верзун идет, рукой махает, крыша домишки, ворота, калитка, двойная повиселица, ишшо крыша, калитка с прямой поперечиной, все!

Он отошел на шаг и горделиво упер руки в боки:

— О как! Ну, показнул я, как читить надо, а?
Воины приветственно заорали и немного похлопали.
Ой-как-мал Билли посмотрел на слова на двери:

ОВЕЧЬЯ ШЕРСТЬ
СКИПИДАР
ВЕСЁЛЫЙ КАПИТАН

Потом снова посмотрел на Большого Человека и пригляделся к выражению его лица.

— Ах-ха, ты велик-могуч, господин Явор, — сказал гоннагл. — Все, как ты сказанул: овечья шерсть, скипидар и табак «Веселый капитан».

— Ы, да все разом кто хошь может, — отмахнулся Явор Заядло. — А вот букову за буковой забороть — то настоящее чтение. И самая хитроумность — скумекснуть, что оно все кучей означевывает.

— И что же? — спросил Ой-как-мал Билли.

— А то, гоннагл, что мы щас бум тырить!

Фигли радостно заорали. Они не очень попевали за происходящим, но уж это-то слово им было вполне понятно.

— И это бу таковой тыркс, что всем тырксам тыркс! — добавил Явор Заядло к их пуцему восторгу. — Туп Вулли!

— Тутова!

— Бушь за главного! Мозговьев у тебя, братец, меньше, чем у мал-мал

козявицы, зато в тырксе с тобой никому не сравняться! Добудьте шкрипидару, свеженной овечьей шерсти и махорки «Веселый капытан»! Тащите все грамаздой карге с двумя тушками! Пусть даст роевнику его на понюх! Тогда это все добро враз бу здесь! И ну кык живо, одна нога тута, друга — тама, солнце-то низится. Тырьте у самого Времени, ясно? Че неясно?

Туп Вулли поднял руку, выставив вверх указательный палец.

— Явор, оно таки обыдно было, когда ты сказанул, что мозговьев у меня меньше, чем у мал-мал козявицы...

Явор Заядло задумался, но лишь на мгновение:

— Ах-ха, Туп Вулли, ты правый. Неповежливо было так грить. Эт' меня мал-мал занесло, и мне уже оченно за то жаль. И вот что я тебе сказану прямо в глаза: Туп Вулли, у тя таки наберется мозговьев точь-в-точь как у мал-мал козявицы, и я шлифану морду любому чувырле, хто вякснет, будтова оно не так!

Физиономия Тупа Вулли расплылась вширь в довольной ухмылке, но тут же снова сморщилась от очередной мысли.

— Но ты ведь за главенного, Явор! — сказал Вулли.

— В сей раз нае, Вулли, — сказал Явор Заядло. — Я остатнусь тута. Я нетвердо верю, что ты справнешься с этим тырксом и не профукаешь все дело, как в прошлые семь-на-десять разов.

Фигли дружно застонали.

— Позырьте на солнце, вы! — крикнул Явор Заядло. — Мы тут болтунствуем, а оно низится! Кто-то должен остатнуться с ней! А то ишшо кто сказанет, будтова мы бросили ее помирать одну! А теперь вперед, чучундры, а то я вам тылы мечом так вышлепаю, что век жратс стоя бу!

Он вскинул меч и зарычал. Воины поспешили исчезнуть.

Тогда Явор Заядло осторожно положил меч, сел на приступку у двери и стал смотреть на солнце.

Так прошло какое-то время. Потом он заметил кое-что еще...

Хэмиш-летун с сомнением оглядел помело тетушки Вровень. Метла висела в нескольких футах над землей и не вызывала у него доверия.

Он подтянул заплечный мешок с парашютом. Хотя на самом деле это был не парашют, а скорее паратрус, потому что он сделал его из лучших выходных панталончиков Тиффани, чисто выстиранных. И хотя они были в цветочек, ничто не могло вернее спасти Фигля от перспективы разбиться всмятку, чем это приспособление. И у Хэмиша было такое чувство, что оно (точнее, они) скоро ему пригодятся.

— Она ж без перьев, — пожаловался он.

— Доброй вам ночи, милостивые верзуны! — прокаркала фигура, объявившаяся на пороге.

В пивной повисла тишина. Смахивающий на огородное пугало незнакомец заковылял через зал. Ноги его не слушались, и когда он наконец добрался до стойки, то с облегчением вцепился в нее и осел на колени.

— Мал-мал капельку твоего самолучшего виски, мой старый добровый старина трактиршик! — раздалось откуда-то из-под его шляпы.

— Сдается, ты на сегодня уже выпил достаточно, друг, — ответил бармен, нащупывая под прилавком дубинку для особых клиентов.

— Ты кого назвал «друг», паря? — взревел незнакомец, пытаясь подняться на ноги. — Да ты нарываешься, ыть! И вовсе я не достаточно выжрал, а то кык бы у меня все эти деньговины ишшо остатлись, ы?

Рука странного посетителя нырнула в карман пальто, рывком выскочила обратно и тяжело упала на стойку. Старинные золотые монеты раскатились во все стороны, из рукава выпала пара серебряных ложек.

В баре стало тише прежнего. Десятки глаз жадно отслеживали траекторию блестящих кругляшей, которые падали со стойки и катились по полу.

— И унчию «Веселого капытану», — добавил незнакомец.

— О, конечно, сэ, — ответил бармен. Его с детства приучили с уважением относиться к золотым монетам.

Он пошарил под стойкой, и лицо его огорченно вытянулось.

— Очень жаль, сэ, но «Веселый капитан» у нас закончился. Его, знаете ли, многие берут... Но у нас много других...

Посетитель, не дослушав его, обернулся к залу:

— Горстю золота тому чувырле, хто первым дадет мне трубочку «Веселого капытану»! — проорал он.

В зале случился ажиотаж. Столы поодвигались, стулья попадали.

«Пугало» схватило первую попавшуюся трубку и швырнуло монеты в зал. Среди посетителей немедленно завязалась драка, а странный незнакомец вновь повернулся к стойке:

— Налей-ка мне напослед мал-мал капелю виски, трактиршик! Никакенных висков, Грамазд Иан! Как те не стыдно! Эй, ноги, а ну кык цыть! От мал-мал капели виски ниче нам не бу! Нды? А с какенных пор ты у нас Большой Человек, ы? Ты, чучундра синяя, Явор на нас надежится! Ах-ха, и он бы тоже понадежился на капелю виски!

Люди в баре перестали отталкивать друг друга в попытках первыми добраться до золота, выпрямились и уставились на незнакомца, который с ног до головы ушел в спор с самим собой.

— А мне на все равно! Я балда, мне и решать, ясно? Буду я ишло всяких коленьев слушать! А я грил те, Вулли, не надо сюдыть ходить! Нам завсегда непросто из пивнух выбираться! Знатца, так: мы, ноги, не бу стоять и зырить, как балда там нахрюксивается! Очень оно нам хотелось!

Тут, к ужасу собравшихся, вся нижняя половина незнакомца развернулась и поковыляла к двери. Верхняя часть повалилась вперед, вцепилась в стойку, крикнула:

— Ну, мож, хоть мал-мало крепкожарено-парено яйко? — и... отвалилась.

Ноги сделали еще несколько шагов и рухнули на пол.

И в наступившей гробовой тишине тоненький голосок откуда-то из штанов завопил:

— Раскудрыть! Драпс-драпс!

В воздухе мелькнуло что-то слишком быстрое, чтобы разглядеть, хлопнула дверь...

Спустя какое-то время кто-то из посетителей с опаской подошел к грудке одежды и палок, оставшейся на полу, и осторожно потыкал ее. Шляпа откатилась в сторону, заставив смельчака отскочить.

Перчатка, все еще цеплявшаяся за стойку, упала на пол с пронзительно-громким «шлеп!».

— Давайте посмотрим на это так... — предложил бармен. — Не знаю, что это было, но его тут больше нет, а карманы-то остались...

Снаружи раздалось:

Ааааааааааарrrrrrrrrrrrrrrrrrrrrrrrrrrrrrrgggxxxxxxxxxxxxxxxxxxxx!

Метла вонзилась в соломенную крышу тетушкиного домика и осталась торчать. Фигли посыпались с нее, не переставая мутузить друг друга.

Дерущимся и пинающимся внутри себя клубком они вкатились в дом, целеустремленной братоубийственной войной проскакали вверх по лестнице и осели лежащейся и бодающейся грудой в комнате Тиффани, где к ним из чисто спортивного интереса присоединились те, кто оставался охранять девочку и тетушку Вровень.

Постепенно до охваченных боевым азартом Фиглей дошло, что рядом раздается звук. Пронзительный визг мышинной волынки резал воздух, как клинок. Замерли руки, сжимавшиеся на чужом горле, остановились занесенные для ударов кулаки, застыли нацелившиеся пнуть ноги.

Слезы катились по лицу маленького гоннагла Билли. Он играл «Цветики-цветочки», самую печальную песню на свете. Она была о доме, о маме, о прекрасных временах, что больше не вернутся, о тех, кто ушел навсегда. Фигли перестали колошматить друг друга и уставились себе под

ноги, а скорбная мелодия пела о них, об измене и предательстве, о не сдержанных обещаниях...

— Позор! — крикнул Ой-как-мал Билли Мордаст, выпустив мундштук визжали. — Позор вам! Предатели! Изменщики! Позор на ваши головы и на дом ваш! В ту самую минуту, когда ваша карга сражается за свою душу... Неужли у вас совсем нет чести? — Он уронил на пол визжал, и она жалобно застонала в тишине. — Глаза б мои не глядели! Вы позорите само солнце, что светит на вас! Вы позорите кельду, что родила вас! Предатели! Чувырлы поганые! Чем я заслужил, что судьба привела меня в эту шайку негодяйскую?* Драться хотите? Так деритесь со мной! Ах-ха, кто первый? И пусть из моих костей смастрячат арфу, если я не закину этого мерзуна на дно морское, не заброшу его на луну, не заставлю его проскакать через саму преисподнюю в ежовом седле! Ибо гнев мой силен, как та буря, что стирает горы в песок! Ну, кто из вас выйдет спротив меня?

Грамазд Иан в испуге попятился, когда гоннагл встал перед ним, хотя и был раза в три крупнее Билли. Ни один Фигль не решался и пальцем пошевелить, опасаясь за свою жизнь. Гоннаглы воистину страшны в гневе. Они умеют разить словом, как мечом.

Туп Вулли, робко шаркая, выступил вперед.

— Я понимаю, что тебя так огорчуло, гоннагл, — сказал он. — Эт' все я виноватый, я был туп. Надо было мне памятовать про нас и пивнухи.

У него был такой убитый вид, что Ой-как-мал Билли Мордаст немного смягчился. Но гоннагл все равно заговорил весьма прохладным тоном, ведь гнев такой силы мигом не обуздаешь.

— Хорошо. Оставим этот разговор, раз так. Но не забудем, ясно?

Он указал на лежащую на полу Тиффани, которая, казалось, мирно спала.

— А теперь давайте сюда шерсть, табак и скипидар, быро. Кто-нибудь, откупорьте скипидар и намочите мал-мал тряпицу. И чтоб никто, никто, я сказал, не вздумал его пить.

Фигли сломя голову кинулись выполнять приказ. Раздался треск — это оторвали «мал-мал тряпицу» от подола тетушкиного платья.

— Ладно, — сказал Билли. — Теперь ты, Туп Вулли, возьми шерсть, тряпицу и табак и положи их мал-мал грамаздой карге на грудь, чтоб она их унюхала.

— Но как же ж она унюхнет, когда она дрыхс как жмуркс? — спросил Туп Вулли.

— Нос никогда не спит, — сказал Билли без выражения.

Три источника запахов пастушьей кибитки были с благоговением

расположены у самого подбородка Тиффани.

— Теперь бум ждать, — сказал Ой-как-мал Билли Мордаст. — Ждать и надеяться.

В комнате, где лежали без чувств две ведьмы и толпились Фигли, было жарко. Понадобилось совсем немного времени, чтобы запахи овечьей шерсти, скипидара и табака смешались и заполнили воздух...

Ноздри Тиффани дрогнули.

Нос неплохо сообщает. У него хорошая память — более чем хорошая. Запах может так погрузить в прошлое, что и захлебнуться недолго. Мозг не в состоянии этому помешать. Мозг тут вообще ни при чем. Роитель мог поработить разум, но не мог ничего поделывать с желудком, который выворачивается наизнанку в полете на метле. А уж с носом — и подавно...

Запахи овечьей шерсти, скипидара и табака «Веселый капитан» способны унести мысли и разум далеко-далеко, туда, где тихо и тепло, и нечего бояться, и никто не сделает тебе ничего плохого...

Роитель открыл глаза и огляделся.

— Пастушья кибитка? — удивился он.

В распахнутую дверь лился красный закатный свет. Деревья разрослись, и лучам приходилось пробиваться сквозь кроны. Те деревца, что успели вытянуться к небу, отбрасывали длинные тени, и заходящее солнце светило, словно сквозь решетку. Однако на маленьком пятчке вокруг кибитки кто-то срубил все побеги.

— Это твоя уловка, — сказал роитель. — Ничего у тебя не выйдет. Мы и есть ты. Мы думаем, как ты. Мы даже лучше тебя умеем думать, как ты.

Ничего не произошло.

Роитель очнулся в облике Тиффани, только ростом немного выше, потому что Тиффани считала себя немного выше, чем была на самом деле. Роитель вышел из кибитки и ступил на траву пастбища.

— Уже поздно, — произнес он в тишине. — Посмотри на тени! Это место вот-вот перестанет существовать. Нам незачем спасаться бегством. Скоро все это станет частью нас. Все, чем ты могла бы быть. Ты гордишься своим маленьким клочком земли. А мы помним время, когда еще не было миров! Мы... то есть ты могла бы преобразовать все, что вздумается, одним мановением руки. Сделать, чтобы все было правильно или неправильно, и самой решать, что правильно, а что нет. Ты станешь бессмертной!

— Тогда чего ты переполохнулся со страху, чувырла грамаздая? — раздался голос у него за спиной.

Роитель на миг потерял форму — за какую-то долю секунды он успел

принять и отвергнуть облик многих существ. Мелькнула чешуя, плавники, зубы, остроконечная шляпа, когти... И вот он снова стал улыбающейся Тиффани.

— О, Явор Заядло, мы так рады тебя видеть, — проговорил он. — Не мог бы ты помочь нам...

— Меня на мяк-мяк не проведнешь! — заорал Явор Заядло, яростно подпрыгивая на месте. — А то я не зырю, что ты роевник! Раскудрить, отщас как дам те мал-мала люлей!

Роитель принял облик льва с громадными зубами и зарычал на Фигля.

— Ах, ты такс? — взвизгнул Явор Заядло. — А ну-ка, постой тута!

Он пробежал несколько шагов и исчез.

Роитель снова превратился в Тиффани.

— Твой маленький друг сбежал, — сказал он. — Ну, выходи! Выходи же! Что нас бояться? Мы — это ты. А ты ведь не хочешь быть как все — бессловесные животные, глупые короли, жадные волшебники. Вместе мы...

Явор Заядло вернулся, а с ним и... ну, в общем, все.

— Ты не можешь помереть, — заорал он, — зато мы можем сделать так, чтоб ты пожалел об этом!

И Фигли ринулись в драку.

Фигли маленькие, а их противники, как правило, значительно больше, и это дает пикетам преимущество. Маленького и быстрого врага трудно достать. Роитель вихрем вился по траве, рыча и вопя, постоянно меняя облик. Мечи пикетов отскакивали от чешуи, лбы бились о клыки — чтобы отразить каждый удар, он катался по земле, превращаясь в тех, кем был когда-то. Но Фиглей нелегко убить. Если Фигля отшвырнуть — он как ни в чем не бывало снова бросается в бой, если на него наступить — он вскакивает, а от клыков и когтей они с легкостью уворачиваются. Они дрались...

И тут земля задрожала так внезапно, что даже роитель не устоял на ногах. Пастушья кибитка заскрипела и стала погружаться в дерн, который расступился вокруг нее, словно сделался вдруг мягким, как масло. Деревья задрожали и стали валиться друг на друга, как если бы кто-то подрубил их корни глубоко в земле.

А сама земля... поднималась.

Скатившись со ставшего вдруг слишком крутым склона, Фигли уставились на холмы, вздымающиеся к самому небу. И с каждым мгновением становилось все яснее, чем они были на самом деле.

На фоне темного неба воздвиглись гигантская голова, плечи, грудь...

Фигура, лежавшая под зеленеющими лугами, фигура, чьи руки и ноги образовывали холмы и долины, приняла сидячее положение. Она двигалась с тектонической медлительностью гигантской каменной толщи, миллионы тонн холмов трещали и смещались вокруг. То, что казалось двумя вытянутыми курганами, оказалось скрещенными на груди руками, и теперь эти руки распрямились.

Огромная пятерня, каждый палец которой был больше дома, протянулась вниз и подхватила роителя.

Где-то далеко-далеко раздались три глухих удара. Похоже, звук доносился не из этого мира. Фигли, столпившиеся на холме, который на самом деле был коленом сидящей девочки, не обратили на него внимания.

— Она говорит земле, что она такое, а земля говорит ей, кто она такая, — произнес Ой-как-мал Билли, обливаясь слезами. — Я не смогу сложить об этом песню! Мне не хватит уменя!

— Эт' мал-мал грамаздой карге снится, что она — холмы, или холмам снится, что они — мал-мал грамазда карга?* — спросил Туп Вулли.

— Оба враз, мож, — предположил Явор Заядло.

Исполинская рука сжалась в кулак и вздрогнула.

— Но роевника ведь не убить! — сказал Туп Вулли.

— Ах-ха, но вышвыркнуть все ж можно, — сказал Явор Заядло. — Там снаружи мал-мал грамаздый мир. На месте роевника я б рванул когтей куды подальше и к нашей карге уж не совался!

Снова раздались три удара, на сей раз громче.

— Кажися, — продолжал Явор, — пора нам драпс-драпс.

Кто-то с силой стучал в дверь тетушки Вровень.

Тук. Тук. Тук.

Глава 9

ДУША И СЕРДЦЕ

Тиффани открыла глаза, вспомнила и подумала: это мне приснилось или было на самом деле?

А следующей ее мыслью было: а как я могу быть уверена, что я — это я? А что, если я — не я, а мне кажется, что я? Откуда мне знать, я — это я или не я? И кто та я, которая задается этим вопросом? Это я или не я сейчас все это думаю? А вдруг не я?

— Я ни бум-бум, — раздался голос у нее над ухом. — Это из этих, вопросов с приподвывихом, ах-ха?

Это был Туп Вулли. Он сидел на ее подушке.

Тиффани прищурилась. Она лежала на кровати в доме тетушки Вровень. Перед глазами у нее было зеленое покрывало. Покрывало. Зеленое. Не луга, не пастбища на склонах. Но если смотреть вдоль собственного тела, выглядело очень похоже на холмы.

— Я что, говорила вслух? — спросила она.

— Ах-ха!

— Э-э... значит, все было на самом деле, да?

— Ах-ха, — жизнерадостно подтвердил Туп Вулли. — Грамазда карга весь время была тута, токо вот-вот утопала. Сказанула, мож, ты ишшо и не чудищем очнешься.

Еще несколько утерянных осколков воспоминаний вернулись к Тиффани и вонзились в ее память, как раскаленные докрасна камни вонзаются в поверхность мирной планеты.

— Вы целы?

— Ах-ха, — кивнул Туп Вулли.

— А тетушка Вровень?

Этот осколок был как пылающая гора, от которой в панике бежали миллионы динозавров. Тиффани в ужасе зажала рот руками.

— Я убила ее! — выдохнула она.

— Нае, ты вовсе...

— Убила! Я видела, как эти мысли проносятся у меня в голове! Я так разозлилась на нее! И взмахнула рукой вот так... — десяток Нак-мак-Фиглей поспешно пригнулись от греха подальше, — и она взорвалась! От нее ничего не осталось! Это я сделала! Я помню!

— Ах-ха, но грамазда всекарга грит, он твоей балдой дум-дум, чтобы... — принялся объяснять Туп Вулли.

— Я все помню! Это я сделала, вот этой самой рукой! — Фигли, которые успели поднять головы, снова быстро пригнулись. — И... все эти воспоминания... Я помню, как из пыли получились звезды... и еще... жар... кровь... вкус крови... Я помню... Я помню, как делала «Меня видно!». О нет! Да я же его, можно сказать, пригласила! Я убила тетушку Вровень!

Перед глазами у нее смыкалась тьма, в ушах звенело. Тиффани услышала, как открылась дверь и чьи-то руки подхватили ее — легко, как пушинку. Кто-то перебросил ее через плечо, быстро спустился вниз, вышел с ней в залитый утренним солнцем сад и рывком опустил на землю.

— И... все мы... Я убила ее... Взять один тигель серебра... — бормотала Тиффани.

Чья-то ладонь больно ударила ее по щеке. Сквозь туман внутреннего хаоса Тиффани проступил высокий темный силуэт, воздвигшийся прямо перед ней. В руку ей с силой сунули ведро для дойки.

— Иди доить коз, Тиффани! Быстрее, Тиффани, ты что, не слышала? Животные ждут тебя, они верят, ты о них позаботишься! Тиффани доит коз. Ну же, Тиффани! Руки знают, что делать, а там и ум вспомнит и окрепнет, Тиффани!

Ее силком заставили сесть на табурет. Перед глазами все еще клубилась дымка, но сквозь нее Тиффани разглядела съезжившуюся от страха... Черную... Черную Мэг.

Руки знали, что делать. Они поставили ведро, схватились за вымя, а когда Мэг подняла ногу, чтобы сыграть свою любимую шутку «Копыто в молоке», перехватили ее и аккуратно поставили на помост.

Тиффани работала медленно, голова ее наполнилась горячим туманом, и оставалось только позволить рукам делать их работу. Наполнить ведро, вылить ведро, покормить подоенную козу, одну, другую...

Обижулити Хлопстел был весьма удивлен, обнаружив, что его руки дергают козу за вымя. Он оставил животное в покое.

— Как тебя зовут? — спросил голос у него за спиной.

— Хлопстел. Обижу...

— Нет! Это был волшебник, Тиффани! Эхо его памяти сильнее прочих, но это не ты! Иди в молочню, ТИФФАНИ!

Повинуясь приказу голоса, она неуверенно вошла в прохладную комнату, и мир обрел ясность. На мраморной доске перед ней лежали тухлые головы сыра, они сочились жижей и отвратительно пахли.

— Кто положил их сюда? — спросила она.

— Роитель, Тиффани. Пытался сделать сыр при помощи магии. Ха! — сказал голос. — Но ты — не он, Тиффани. Ты-то знаешь, как надо делать сыр. Точно знаешь! Как тебя зовут?

...все было непонятным и странно пахло. Она в панике зарычала...

Кто-то снова ударил ее по щеке.

— Нет, это был саблезубый тигр, Тиффани! Это всего лишь старые воспоминания, доставшиеся тебе в наследство от роителя, Тиффани! Он менял разумы как перчатки, но они — не ты! Задвинь их все вглубь и выходи вперед, Тиффани!

Она слышала слова, но смысл от нее ускользал. Слова существовали отдельно, ими обменивались люди, которые казались ей лишь тенями. Но не подчиниться этим словам было невыносимо.

— Да провались ты! — в сердцах сказала высокая призрачная фигура. — Где этот мелкий синий негодник? Эй, как тебя там, господин Задятло!

— Тута, хозяйка! Токо я Явор Заядло, хозяйка. И пжалста, не надыть меня обращать в каку-сяку бяку, хозяйка!

— Ты говорил, у нее шкатулка была со всякими вещицами. Ну-ка, носи ее сюда, сию же минуту. Ох, боялась я, что оно так будет! Терпеть не могу вот так вот разбираться...

Тиффани развернули, и перед ней снова замаячило размытое лицо. Сильные руки держали ее запястья. Голубые глаза пристально смотрели на нее. Они сверкали сквозь туман, как сапфиры.

— Как тебя зовут, Тиффани? — спросил голос.

— Тиффани!

— Правда? А ну-ка, спой мне первую песенку, которую ты выучила в своей жизни.

— Хзан, хзана, м'таза...

— Замолчи! Такой песни ни на одном Меловом холме не услышишь! Ты не Тиффани! Ты небось та пустынная королева, которая убила двенадцать своих мужей, подсунув им сэндвичи со скорпионами. Мне нужна Тиффани! А ты ступай, откуда пришла!

Перед глазами снова все плыло. Рядом кто-то зашептался, потом все тот же голос сказал:

— А что, может, и сработает. Как тебя зовут, пикет?

— Ой-как-мал Билли Мордаст, хозяйка.

— А ты ведь и правда очень мал, верно?

— Только для своего росту, хозяйка.

Хватка на запястьях Тиффани опять стала жестче. Голубые глаза сверкнули.

— Что означает твое имя на древнем языке Нак-мак-Фиглей, Тиффани? Подумай...

Ответ всплыл из недр памяти, волоча за собой шлейф тумана. Он возвысился над гулом голосов и унес ее вверх, туда, где призрачные руки не могли до нее дотянуться. В облаках над головой появился просвет.

— Мое имя — Земля Под Волной, — сказала Тиффани и повалилась вперед.

Но сильные руки по-прежнему удерживали ее.

— Нет уж, этого нам не надо, поспала ты достаточно. Ладно, ты знаешь, кто ты! А теперь очнись и займись делом! Будь Тиффани изо всех сил, и голоса оставят тебя в покое, уж поверь мне. Хотя, пожалуй, сэндвичи тебе в ближайшее время лучше не готовить.

Ей стало легче. Она сказала, как ее зовут. Назвала свое имя. Гул голосов в голове поутих, хотя и не смолк до конца, и их постоянная болтовня мешала думать. Но зато, по крайней мере, она снова могла ясно видеть. Фигура в черном, стоящая перед ней, на самом деле была не слишком высокой, но держалась так, будто отличалась немалым ростом. Получалось у нее столь убедительно, что большинство людей в это верили.

— О... вы — госпожа Ветровоск?

Госпожа Ветровоск мягко усадила ее на стул. На всех плоских поверхностях кухни кишели Фигли и с тревогой смотрели на Тиффани.

— Она самая. Ну и каша тут заварилась, расхлебывать и расхлебывать... Отдохни-ка минутку, а потом мы займемся...

— Доброе утро, дамы... Э-э, как она?

Тиффани повернула голову. В дверях стояла тетушка Вровень. Она была бледной и опиралась на трость.

— Я лежала-лежала, ну и подумала: что толку валяться в кровати и жалеть себя? — пояснила она.

Тиффани вскочила.

— Мне так жаль... — начала она, но тетушка взмахом руки прервала ее извинения.

— Это не твоя вина, — сказала она, тяжело опускаясь на стул у стола. — Как ты себя чувствуешь? И кстати, кем ты себя чувствуешь?

Тиффани залилась краской.

— Пока что вроде бы собой, — проямлила она.

— Я прилетела вчера ночью и ухаживала за тетушкой Вровень, — сказала госпожа Ветровоск. — И за тобой, девочка, заодно присматривала.

Ты говорила во сне. Точнее, говорил Обижулити Хлопстел, или то, что от него осталось. Этот старый волшебник здорово нам помог. Для груды потрепанных воспоминаний и привычек он не так уж и плох, надо сказать.

— Я не понимаю... Что за волшебник? — призналась Тиффани. — И что еще за пустынная королева?

— Не понимаешь? — усмехнулась ведьма. — Роитель, видишь ли, собирает людей, как грибы в лукошко. Пытается вроде как впитать их в себя, чтобы помогали думать. Много веков назад доктор Хлопстел изучал роителей и придумал ловушку. Хотел поймать роителя, старый дурак, а вышло, что роитель поймал его. И в конце концов убил. Он всех рано или поздно убивает. Люди сходят с ума и забывают, чего делать нельзя. Но роитель хранит что-то вроде смутного отпечатка их разума, своего рода живое воспоминание... — Она заметила, что Тиффани по-прежнему ничего не понимает, и пожала плечами. — Можешь звать их призраками...

— И эти призраки засели в моей голове? — ужаснулась Тиффани.

— Скорее призраки призраков, — поправила ее госпожа Ветровоск. — У нас для этого, пожалуй, и слова нет, чтобы назвать.

Тетушку Вровень передернуло.

— Что ж, хорошо, что тебе все же удалось выгнать это создание, — сказала она. — Никто не хочет чашечку хорошего вкусного чая?

— Ах, предзаставьте эт' нам! — подскочил Явор Заядло. — Туп Вулли, а ну кык сварганьте с ребя чайку дамсам!

— Спасибо, — слабым голосом отозвалась тетушка Вровень, прислушиваясь к звону посуды за спиной. — А то я сейчас такая неуклю... Что?! Я думала, вы перебили все чайные чашки, когда мыли посуду!

— Ах-ха, — не смутился Фигль. — Но Вулли сыскнул ишшо кучу этого добра в шкафе!

— Это бесценный костяной фарфор! Наследство близкой подруги! — вскрикнула тетушка Вровень.

С удивительной для полумертвой пожилой женщины быстротой она вскочила со стула, выхватила у обомлевших пикетов чайник, чашку и блюдце и подняла их повыше над головой.

— Раскудрить! — ахнул Явор Заядло, запрокинул голову. — От эт' карговство так карговство!

— Простите за резкость, но этот сервиз мне дорог как память! — выпалила тетушка.

— Господин Заядло, а ну-ка скажи своим, чтобы оставили тетушку Вровень в покое и не говорили *ни слова больше!* — велела госпожа Ветровоск. — И пусть никто не мешает ей заваривать чай!

— Но она держит... — заикнулась было Тиффани.

— И ты не отвлекай ее своей болтовней, девочка! — отрубил старая ведьма.

— Ах-ха, но она цапс тот чаевник не... — начал чей-то голос.

Голова ведьмы повернулась, будто заряженный арбалет. Фигли попятнулись в испуге — так деревья склоняются под натиском бури.

— Туп Вильям, — отчеканила госпожа Ветровоск, — если у тебя мозгов как у лягушки, то имей в виду: у меня в колодце как раз хватит места для еще одной.

— А-ха-ха, от тута ты махнула, хозяйка! — Туп Вулли гордо выпятил подбородок. — Тут ты мне нипочем! У меня мозговьев как у козявицы!

Старая ведьма сердито глянула на него и снова повернулась к Тиффани.

— А вот я и правда превратила человека в лягушку! — проговорила та. — Ужас какой! Его было слишком много, весь не поместился, и остался такой большой розовый...

— Не думай пока об этом, — посоветовала госпожа Ветровоск голосом, который вдруг стал звонким и беззаботным, как колокольчик. — Ну, как тебе наши края? Наверное, все совсем не так, как дома, да?

— Что? — не поняла Тиффани. — Ах да, дома я никогда не превращала...

Но тут она заметила, что старшая ведьма отчаянно сигнализирует ей, рисуя рукой круги в воздухе так, чтобы со стороны не было заметно: «Продолжай говорить, будто ничего не происходит!»

И они некоторое время мило щебетали об овцах. Госпожа Ветровоск сказала, что они, наверное, очень шерстистые, правда? И Тиффани согласилась: да, просто жуть какие шерстистые, а ведьма на это сказала, что вот и она слышала, что они жуть какие шерстистые... И при этом все, кто был в кухне, неотрывно следили за тем, как тетушка Вровень...

...заваривает чай в четыре руки, двух из которых нет и в помине, и сама этого не замечает.

Черный чайник пролетел через кухню и наклонился, чтобы налить кипяток в заварочный чайничек. Чашки, блюдца, ложечки и сахарница уверенно танцевали в воздухе.

Госпожа Ветровоск наклонилась поближе к Тиффани и шепотом спросила:

— Надеюсь, ты чувствуешь себя... одинокой?

— Да, спасибо. Ну, то есть они... как бы... по-прежнему где-то во мне, но хотя бы не мешают... Э-э... Но ведь рано или поздно она поймет, что

происходит, да? Я хочу сказать, она не...

— Человеческий ум — странная штука, — прошептала ведьма. — Случилось мне как-то повидать молодого человека, на которого упало огромное дерево. Бедняга лишился обеих ног ниже колена. Пришлось взамен деревянные сделать. Кстати, из того самого дерева — какое-никакое, а утешение. И он очень недурно на них ходит. Но он мне говорил, что по-прежнему иногда чувствует пальцы на ногах. То есть голова как бы не может смириться с потерей, не верит в нее. А тетушка... она ведь сама по себе человек необычный, привыкла работать руками, которых не видит...

— А вот и чаек! — провозгласила тетушка Вровень, хлопотливо выставляя на стол три чашки на блюдцах и сахарницу. — Чашечка для вас, чашечка для тебя и чашечка... ой!

Сахарница выпала из невидимой руки, и сахар брызнул по столу. Тетушка Вровень в ужасе уставилась на него, и в другой ее руке, которой не было, задрожала ничем, казалось бы, не удерживаемая чашка.

— Закрой глаза, тетушка Вровень! — Что-то такое было в этом голосе, какая-то острая грань и неповторимая интонация, что даже Тиффани, и та поспешно зажмурилась.

— Молодец. Ты знаешь, что чашка тут, ты чувствуешь ее в своей руке, — сказала госпожа Ветровоск, встав из-за стола. — Верь ощущениям! Глаза не обязательно все лучше всех знают! Теперь плавно поставь чашку на стол. Во-от так. Можешь уже открыть глаза, но сделай-ка мне одолжение, положи те руки, которые ты видишь, перед собой. Да, молодец. А теперь пусть эти руки лежат как лежат, а ты сходи, будь добра, к буфету и принеси синюю жестянку с печеньем. Очень, знаешь ли, люблю печеньице с чаем погрызть. Заранее спасибо.

— Но... но я больше так не могу...

— А ты через «не могу», тетушка Вровень, — прикрикнула старая ведьма. — Не думай об этом, просто делай! А то у меня чай остывает!

А ведь это тоже ведьмовская магия, поняла Тиффани. Тут все дело в голосе. Таким же голосом матушка Болен говорила с животными. То резким, то мягким, то приказывая, то приободряя, по словечку... Главное, чтобы эти словечки заполнили для животного весь мир, и тогда овчарки будут слушаться, как шелковые, и растревоженные овцы успокоятся...

Синяя жестяная коробка проплыла по воздуху и зависла перед госпожой Ветровоск. Крышка соскочила и застыла рядом. Ведьма протянула руку к жестянке.

— О, да оно из магазина! Знаменитый набор «К чаю»! — похвалила

она и быстро спрятала в карман четыре штуки. — Шикарное лакомство.

— Это так трудно! — простионала тетушка Вровень. — Все равно что пытаться не думать о розовом носороге!

— Да? А что такого особенного в том, чтобы не думать о розовом носороге? — поинтересовалась госпожа Ветровоск.

— О нем невозможно не думать, если кто-нибудь скажет, что думать нельзя, — пояснила Тиффани.

— Очень даже возможно, — твердо сказала госпожа Ветровоск. — Я вот прямо сейчас о нем нисколько не думаю, могу поклясться тебе в этом. Надо быть самой своей голове хозяйкой, тетушка Вровень. У тебя больше нет лишнего тела? А зачем оно нужно, если начистоту? Только лишние хлопоты, лишний рот, лишняя одежда да стулья быстрее протираются. Сплошное беспокойство, одним словом. Приструни свои мысли, тетушка Вровень, и этот мир станет тебе... — Она наклонилась к Тиффани и шепотом спросила: — Как называются эти морские твари, маленькие такие, их еще едят?

— Креветки? — предположила Тиффани, немного сбитая с толку.

— Креветки? Ну, пусть так. Креветкой станет тебе этот мир, тетушка Вровень. Мало того что ты сможешь экономить на еде и одежде, а это само по себе неплохо в трудные времена, так еще и люди, глядя, как ты делаешь, что тебе нужно, не прикасаясь к вещам, станут говорить: «О, вот это ведьма так ведьма! Да она саму себя превзошла!» И будут совершенно правы. Ты, главное, учись обходиться без рук, тетушка Вровень. Упражняйся побольше. Думай о том, что я сказала. Но прямо сейчас лучше отдохни. А мы с Тиффани сами походим, посмотрим, где требуется помощь. Ты мне скажи, куда и к кому пойти, а Тиффани дорогу покажет.

— И правда, что-то мне... нехорошо от всех этих треволнений, — проговорила тетушка, рассеянно отбрасывая волосы со лба невидимой рукой. — Так, дайте подумать... Вы могли бы заглянуть на минуту к господину Умбрилю, потом к госпоже Торфи, проверить, как там мальчонка Рэддлов, взглянуть на синяк госпожи Городь, отнести немного мази Номер Пять старому Гуртцику, потом проведать госпожу Подстрели в Земляничной Заимке и... ох, кого же я забыла?

Тиффани вдруг поняла, что ждет, затаив дыхание. У нее был жуткий день, а ночь еще хуже, но слова, которые рано или поздно должны были сорваться с губ тетушки, казались намного страшнее.

— Ах да, надо бы перемолвиться словечком с молодой Шустрити в Крутом Утесище, а там, возможно, окажется, что и с ее мамой поговорить не помешает. И я уже сложила в корзинку несколько свертков, которые

нужно отнести разным людям, там написано, что кому. Вот, кажется, и все... Ох нет, вот ведь голова садовая, чуть не забыла! Еще надо зайти к господину Заткачику!

Тиффани перевела дыхание. Хотя совсем этого не хотела. Она бы скорее согласилась вообще не дышать, чем отправиться на встречу с господином Заткачиком и увидеть пустую шкатулку.

— Тиффани, ты уверена, что... вполне владеешь собой? — спросила тетушка Вровень, и Тиффани ухватилась за этот предлог, как утопающий за соломинку.

— Ну, я чувствую себя немного... — начала она, но госпожа Ветровоск ее перебила:

— С ней все хорошо, тетушка, это просто эхо пока гуляет. Роитель покинул этот дом, уж поверь мне.

— Правда? — все сомневалась тетушка. — Не хочу показаться невежливой, но почему вы так уверены?

Старая ведьма молча показала на стол.

Крупинки рассыпанного сахара одна за другой катились по столешнице и запрыгивали в сахарницу.

Тетушка Вровень в восторге всплеснула руками.

— О, Освальд, — проговорила она, улыбаясь от уха до уха. — Ты вернулся!

Тетушка Вровень и, возможно, Освальд, смотрели, как Тиффани и госпожа Ветровоск вышли за ворота.

— За нее не волнуйся, твои человечки не дадут ей заскучать, — сказала старая ведьма, когда они двинулись по лесной тропинке. — Знаешь, а ведь жизнь в полумертвом виде, возможно, пойдет тетушке Вровень на пользу.

Тиффани покоробило.

— Как вы можете! Это жестоко, так говорить!

— Когда люди увидят, как она заставляет вещи летать по воздуху, они станут больше ее уважать. Уважение людей — это наш хлеб. Если у тебя нет уважения, у тебя нет ничего. А нашу тетушку Вровень не очень-то уважали.

Это была правда. Люди относились к тетушке без особого почтения. Они просто радовались ей, особенно не задумываясь об этом, и только. Госпожа Ветровоск была права, но Тиффани было больно признавать это.

— Но тогда почему вы с мисс Тик послали меня именно к ней? — спросила она.

— Потому что тетушка Вровень любит людей, — ответила ведьма,

шагая вперед. — Ей не все равно, что с ними будет. Даже если это люди глупые, жадные, выжившие из ума. Матери с выводком сопливых ребятишек и без капли здравого смысла. Ленивые, глупые люди, которые обращаются с ней словно с прислугой. И вот это, скажу тебе, я и. называю настоящей магией — видеть все это, постоянно с этим сталкиваться и продолжать делать свое дело. Сидеть ночь напролет у постели какого-нибудь несчастного старика, чьи часы сочтены, и уменьшать его страдания, забирая столько боли, сколько сможешь. Утешать его, делать все, чтобы ему было не так страшно, провожать его в последний путь. А потом обмыть и вынести тело, подготовить его к погребению и еще помочь рыдающей вдове снять и выстирать простыни — а это, скажу тебе, дело не для слабых духом. И просидеть следующую ночь возле гроба, потом прийти домой, передохнуть минутку и услышать, как какой-нибудь грубиян колотит в твою дверь. Он очень зол, потому что его жена рожает в первый раз и роды трудные, а повитуха не знает, как ей помочь. И ты встаешь, собираешь в котомку все необходимое и идешь. Мы все так делаем, каждая на свой лад, и тетушка Вровень, положила руку на сердце, справляется лучше меня. Вот это и есть душа, и сердце, и стержень ведьмовского ремесла, это и не что иное. Душа и сердце. — Госпожа Ветровоск вскинула в воздух кулак, вбивая в пространство каждое слово. — Душа... и... сердце.

Слова отдались эхом во внезапно притихшем лесу. Даже кузнечики в траве у тропки перестали стрекотать.

— А Летиция Увёртка, — голос старой ведьмы превратился в рык, — Летиция Увёртка рассказывает своим ученицам о космическом равновесии, звездах, кругах, цветах и волшебных палочках... Баловство, одно только баловство! — Она презрительно фыркнула. — О, конечно, все эти финтифлюшки очень неплохо служат украшением, на них приятно отдохнуть глазу, пока ты трудишься, и впечатление на людей они производят, но основа основ ремесла, основа основ — это помогать людям в самые трудные минуты. Даже тем, кто тебе не нравится. Со звездами всякий управится, ты с людьми попробуй...

Она умолкла. Только через несколько ударов сердца птицы решились запеть снова.

— По крайней мере, я так думаю, — добавила госпожа Ветровоск тоном человека, заподозрившего, что он, возможно, зашел самую малость дальше, чем собирался.

Не дождавшись ответа, она повернулась к Тиффани и обнаружила, что та остановилась посреди тропинки с до крайности несчастным видом.

— Девочка, с тобой все хорошо? — спросила старая ведьма.

— Это все я, — всхлипнула Тиффани. — Роитель и был я! Он не просто думал моей головой, он использовал мои собственные мысли! То, что нашел во мне! Эти жестокие слова, эти... — она сглотнула комок в горле, — эти гадости! Все это было мое... Это была я...

— Но не вся ты. Часть тебя закрылась в глубине, — резко перебила госпожа Ветровоск. — Не забывай.

— Да, но если... — выдавила Тиффани, мучительно пытаясь подобрать слова для того, что ее мучило.

— Спрятавшаяся частичка тебя была маленькая, но очень важная, — сказала ведьма. — Научиться чего-то не делать — так же трудно, как научиться *делать*. А может, и еще труднее. Поверь мне, в этом мире было бы куда больше лягушек, если бы я не умела *не превращать* в них людей. И розовых пузырей тоже было бы больше.

— Не надо об этом... — Тиффани передернуло.

— Вот за этим-то мы и ходим по округе, лечим людей и все такое, — продолжала госпожа Ветровоск. — Ну и за тем, чтобы людям было чуть полегче, конечно. Но главное — это помогает всегда оставаться в равновесии. Пока ты помогаешь людям, ты твердо знаешь, где в тебе главное, где твоя середина, твой центр. И так и стоишь в этой середине, как приклеенная, не колеблешься туда-сюда. Остаешься человеком и не пытаешься злобно хихикать. Твоей бабушке в этом помогали овцы — по мне, они такие же глупые, упрямые и неблагодарные создания, как и люди. Думаешь, ты прозрела и увидела в себе зло? Ха! Я повидала зло и могу сказать, ты и рядом с ним не стояла. А теперь, может быть, ты наконец перестанешь хныкать?

— Что?! — возмутилась Тиффани.

Госпожа Ветровоск рассмеялась, чем еще больше ее разозлила.

— Да, ты ведьма до мозга костей, — сказала она. — Ты расстроена, но внутри ты смотришь на себя, всю такую расстроенную, и думаешь: «Бедная я, бедная...» А еще глубже внутри ты злишься на меня за то, что я не стала тебя утешать: «Полно, деточка, перестань, все хорошо...» Лучше я буду обращаться к этому твоему Дальнему Умыслу, потому что мне нужно поговорить с девочкой, которая отправилась сражаться с Королевой эльфов, вооружившись одной лишь сковородкой, а не с нюней, которая упивается своим горем.

— Что? Не упиваюсь я никаким горем! — Тиффани решительно шагнула к старой ведьме и встала перед ней близко-близко. — И вообще, кто только что рассуждал о том, как важно быть доброй к людям?

Кроны деревьев у них над головами начали осыпаться.

— Между нами, ведьмами, это не обязательно. Особенно когда приходится иметь дело с такими, как ты! — Старуха ткнула Тиффани в грудь указательным пальцем, твердым, как деревяшка.

— Ах так? И какими еще «такими»?

Олень в панике ускакал сквозь лес. Между деревьями подул ветер и стал набирать силу.

— А такими, что ушами хлопают, деточка!

— И что же я такого прохлопала, что вы заметили... бабушка?

— Может, я и бабушка, но только вот что: роитель все еще где-то поблизости! Тебе удалось вышвырнуть его из своей головы, но вреда ты ему не причинила!

— Я знаю! — взвизгнула Тиффани.

— В самом деле? И откуда же?

— Потому что он унес с собой часть меня! Ту самую часть, про которую я бы лучше не знала! И я ее чувствую, я знаю, где она сейчас. А вам-то про него откуда знать?

— А оттуда, что я чертовски хорошая ведьма, вот откуда! — прорычала госпожа Ветровоск, и кролики поспешно зарылись поглубже в свои норы. — И что прикажешь мне делать с этой тварью, пока ты тут нюни распускаешь?

— Да как вы... да как вы смеете! Я его притащила — мне с ним и разбираться. Обойдусь без вашей помощи, спасибочки!

— Правда? Разберешься, значит, с роителем? Тут одной сковородкой не обойтись! Его невозможно убить!

— Придумаю что-нибудь! Ведьма не отступает перед трудностями.

— Ха! Хотела бы я посмотреть, как ты не отступишь!

— Не отступлю! — крикнула Тиффани.

Пошел дождь.

— Да? Выходит, ты уже знаешь, как будешь с ним сражаться?

— Не городите ерунды! Я не смогу с ним сразиться! Он меня и близко не подпустит, ему ничего не стоит держаться от меня подальше! Он может даже в землю просочиться! Но он явится, чтобы посмотреть на меня, ясно? На меня, не на кого-нибудь! Я точно знаю! И на этот раз я буду готова!

— Что, правда будешь? — Госпожа Ветровоск скрестила руки на груди.

— Да!

— И когда же?

— Хоть сейчас!

— Нет!

Госпожа Ветровоск вскинула руку ладонью вперед.

— Мир этой земле, — тихо сказала она.

Ветер стих. Дождь перестал.

— Нет, ты еще не готова, — продолжала старая ведьма, когда на земле вокруг вновь воцарился мир. — Сейчас роитель не пытается на тебя напасть. Удивительно, да? Он бы отправился зализывать раны, если б у него был язык. И ты еще не готова, что бы ты там себе ни думала. Нет, сейчас у нас есть другие дела, верно?

Тиффани застыла, не в силах вымолвить ни слова. Внутри ее бурлила горячая, обжигающая ярость, аж глаза жгло — а госпожа Ветровоск улыбалась. Одно с другим ну никак не увязывалось.

Она подумала: «Я только что вдрызг разругалась с госпожой Ветровоск! Говорят, если ранить ее, кровь не пойдет, пока госпожа Ветровоск сама ей не позволит! Говорят, когда какие-то вампиры покусали ее, они ощутили неодолимую тягу к чаю с печеньем! Она может сделать все, оказаться где угодно! А я назвала ее *бабушкой!*»

Задним Умом Тиффани подумала: так ведь это правда, она действительно старушка.

А ее Дальний Умысел заметил: да, это правда, и она — госпожа Ветровоск. Она нарочно злит тебя. Пока тебя переполняет злость, в тебе нет места страху.

— Сбереги эту злость, — посоветовала старая ведьма, словно прочитав ее мысли. — Запечатай ее в своем сердце, запомни, откуда она накатила, запомни очертания ее потока, отложи ее до того времени, когда она тебе пригодится. Но сейчас в окрестном лесу рыщет волк, и тебе надо присмотреть за стадом.

Все дело в голосе, подумала Тиффани. Госпожа Ветровоск и правда разговаривает с людьми точно так же, как матушка Болен говорила с овцами, разве что крепким словечком не прикладывает. Но... на душе у нее стало легче.

— Спасибо, — сказала она.

— И за старым Заткачиком тоже, — напомнила госпожа Ветровоск.

— Да, — сказала Тиффани. — Я знаю.

Глава 10

НИКОГДА НЕ ПОЗДНО

Это был очень... интересный день. Здесь, в горах, о госпоже Ветровоск слышали все. Если у тебя нет уважения, любила говорить она, у тебя нет ничего. И сегодня госпоже Ветровоск оказали столько уважения, что дальше некуда. Его было так много, что даже Тиффани перепало.

С ними обращались по-королевски — не в том смысле, что пытались затащить на плаху и отрубить голову или самым неподобающим образом применить раскаленную кочергу, а в том, когда люди отходят с затуманенным от восторга взглядом, бормоча: «Она поздоровалась со мной, честное слово! И так вежливо! Я теперь до конца своих дней не буду руку мыть!»

Хотя большинство из тех, с кем они встречались, и так не слишком часто мыли руки, отметила Тиффани, привыкшая ценить чистоту (в молочне ведь без нее никак). Когда они с госпожой Ветровоск заходили в дом, у дверей собиралась толпа, чтобы молча посмотреть и послушать. Хозяйки норовили украдкой спросить Тиффани: «А она выпьет у нас чаю? Я отчистила лучшую чашку!» А еще Тиффани заметила, что в ульях, мимо которых они проходили, всякий раз случался какой-то переполох.

Тиффани аккуратно делала свою работу, стараясь не волноваться и думать только о том, что необходимо сделать вот прямо сейчас. В целительство надо вкладывать все силы, а если при этом из людей что-то сочтется, просто подумай о том, как прекрасна станет жизнь, когда ты закончишь. Тиффани чувствовала, что госпожа Ветровоск не одобряет такой подход, но и Тиффани подход старой ведьмы тоже не слишком нравился. Госпожа Ветровоск все время лгала... то есть не говорила людям правду.

Взять, скажем, уборную семейства Рэддлов. Тетушка Вровень много раз пыталась втолковать госпоже Рэддл и ее мужу, что их отхожее место расположено слишком близко к колодцу, крохотные существа оттуда попадают в воду и от этого дети болеют. Рэддлы всегда внимательно слушали ее с начала и до конца, но туалет оставался стоять, где стоял. А госпожа Ветровоск сказала им, что во всем виноваты гоблины, которых привлекает вонь, и к тому времени, когда ведьмы двинулись в путь, господин Рэддл с тремя приятелями уже копали новый колодец на другом

конце огорода.

— Но ведь дети на самом деле болеют из-за крохотных существ в воде, — сказала Тиффани госпоже Ветровоск, когда они отошли подальше.

Когда-то она отдала странствующему учителю яйцо за то, чтобы заглянуть в его «Поразительное микроскопичное приспособление! Зверинец в каждой капле грязной воды!». После этого она целый день не могла заставить себя пить. Некоторые из этих тварей были волосатые...

— Правда? — усмехнулась ведьма.

— Да! И тетушка Вровень считает, людям надо говорить правду!

— Это правильно. Она хорошая, честная женщина, — отозвалась госпожа Ветровоск. — А я считаю, людям надо рассказывать такие истории, которые они способны уразуметь. Конечно, если перевернуть мир или хотя бы его половину и вдобавок несколько раз стукнуть господина Рэддла тупой башкой об стену, он, возможно, поверит, что можно заболеть, напившись воды, где кишат невидимые твари. Но пока мы будем всем этим заниматься, его детям станет хуже. А гоблины — это такая история, или сказка, если хочешь, которая работает уже сегодня. Истории и сказки очень хорошо помогают. А при случае я дам знать мисс Тик, что пора бы прислать странствующих учителей в эту деревню.

— Ну хорошо, — неохотно согласилась Тиффани. — Но вы сказали сапожнику Умбрилю с его кашлем, чтобы он целый месяц ходил к водопаду у Спотыкучей Кручи и бросал три блестящих камушка в подарок водяным феям. Разве так людей лечат?

— Нет, но сапожник думает, что именно так. Он слишком много сидит, согнувшись в три погибели над своей работой. И если он будет месяц кряду проходить по пять миль в день и дышать свежим воздухом, всю его хворь как рукой снимет.

— А-а, — протянула Тиффани. — Опять сказка?

— Можно назвать и так, — глаза старой ведьмы хитро блеснули. — И потом, никогда ведь не знаешь, вдруг водяным феям понравятся блестящие камушки и они, феи то есть, его как-нибудь отблагодарят. — Она искоса посмотрела на вытянувшееся лицо Тиффани и похлопала ее по плечу: — Не переживай. Посмотри на это вот как, если хочешь: твое дело — когда-нибудь изменить мир к лучшему, а мое дело — позаботиться, чтобы все дотянули до этого светлого дня.

— Я думаю... — начала Тиффани и вдруг осеклась. Она оглядела полосу леса между маленькими клочками возделанной земли в долинах и поросшие травой уступы гор. — Он все еще здесь.

— Я знаю, — кивнула госпожа Ветровоск.

— Шныряет вокруг, но обходит нас стороной, — продолжала Тиффани.

— Я знаю, — повторила госпожа Ветровоск.

— Что же ему нужно?

— Часть тебя осталась в нем. Как по-твоему, что ему нужно?

Тиффани задумалась. Почему роитель не нападает? Да, на этот раз она готова, но он все равно сильнее.

— Может, ждет, когда я снова расклеюсь, — проговорила она. — Но у меня в голове постоянно крутится одна мысль. Глупая такая... Я все думаю про... три желания.

— Какие желания?

— Не знаю. Говорю ведь, глупости...

Госпожа Ветровоск остановилась.

— Нет, это не глупости, — сказала она. — Это глубинная часть тебя пытается что-то тебе сообщить. Пока просто запомни. Потому что сейчас...

Тиффани вздохнула:

— Да, знаю. Господин Заткачик.

Ни один герой не приближался к логову дракона с такой опаской, с какой Тиффани шла к дому с запущенным садом.

В воротах она остановилась и оглянулась, но госпожа Ветровоск дипломатично исчезла. Возможно, нашла кого-нибудь, кто угостит ее чаем с печеньем, подумала Тиффани. Эта ведьма только им и питается!

Тиффани открыла калитку и двинулась по дорожке к дому.

Тут не скажешь: я не виновата. Не скажешь: я ни при чем.

Сказать можно только одно: я не отступлю перед трудностями.

Ты не обязана делать это с удовольствием. Ты обязана сделать это так или иначе.

Тиффани глубоко вздохнула и вошла в полутемный дом.

Господин Заткачик был тут как тут, сразу за дверью — спал в своем кресле, выставив на обозрение полный рот желтых зубов.

— Эмм... Здравствуйте, господин Заткачик, — проямлила Тиффани. Должно быть, она говорила слишком тихо. — Просто, эмм, пришла вот проведать вас, посмотреть, все ли у вас... хорошо.

Старик всхрапнул, проснулся и пошамкал губами, словно для того, чтобы прогнать сон изо рта.

— А, это ты, — проговорил он невнятно. — Доброго денечка.

Он уселся чуть повыше и устался в распахнутую дверь, словно забыв о Тиффани.

Может, он и не спросит, думала Тиффани все время, пока мыла полы,

вытирала пыль, выколачивала занавески и, не вдаваясь в подробности, чистила ночной горшок. И чуть не завопила, когда старческая рука метнулась вперед, схватила ее за запястье, и господин Заткачик уставился на нее с обычным умоляющим выражением:

— Мэри, будь добра, проверь шкатулку, а? Ночью я звон да звяк слышал. Может, вор какой забрался.

— Хорошо, господин Заткачик, — сказала Тиффани. А мысленно взывала: «Нехочунехочунехочуза-беритеменяотсюдапрямосейчас!»

Она потянула из-под кресла шкатулку. Ничего другого не оставалось.

Шкатулка оказалась неожиданно тяжелой. Тиффани встала и откинула крышку.

Скрипнули петли, и повисла тишина.

— Эй, ты как, девочка? — окликнул господин Заткачик.

— Ммм... — сказала Тиффани.

— Все на месте, да? — встревожился старик.

Мысли Тиффани слиплись в вязкий комок.

— Ммм... да, шкатулка полная, — выдавила она наконец. — Ммм... только теперь она полна золотом, господин Заткачик.

— Золотом? Ха! Не вешай мне лапшу на уши, девочка. Я не из тех, у кого золотишко заводится.

Тиффани осторожно, как только могла, поставила тяжелую шкатулку на колени старика. Он уставился внутрь.

Тиффани хорошо знала эти стертые золотые монеты. Пикеты у себя дома использовали их как тарелки. Когда-то на монетах виднелась чеканка, но они так потерлись, что ничего уже было не разобрать.

Но золото есть золото, с картинками оно или без.

Тиффани резко обернулась и успела заметить, как кто-то маленький и рыжий растворился в тени.

— Ну дела... — проговорил господин Заткачик. — Ну дела...

На этом, похоже, он исчерпал способность поддерживать разговор и надолго умолк. Потом сказал:

— Тут куда больше, чем надо на похороны. И когда я успел отложить такие деньжищи... Да тут на королевские похороны хватило бы!

В горле у Тиффани стоял ком. Она не могла оставить это как есть. Просто не могла.

— Господин Заткачик, я должна кое в чем признаться, — сказала она.

И рассказала все. Вообще все, а не только то, что выглядело поприличнее. Старик ловил каждое слово.

— Ну надо же, какая история... — сказал он, дослушав до конца.

— Ммм... Простите меня, — пролепетала Тиффани.

Она не знала, что тут еще можно сказать.

— Так ты, значит, говоришь, эта тварь заставила тебя взять деньжата, что я отложил на похороны, и ты полагаешь, значит, эти твои волшебные друзья наполнили мою шкатулку золотом, чтобы тебе не влетело? Так, значит?

— Думаю, да.

— Ну что же, тогда, выходит, я должен сказать тебе спасибо, — подытожил господин Заткачик.

— Что?!

— Ну как же, ведь если б ты не выгребла все серебро и медяки, сдастся мне, в шкатулке не нашлось бы места для золота, так? — пояснил старик. — А тому королю стародавнему оно, я считаю, уже без надобности.

— Да, но...

Господин Заткачик порылся в шкатулке и достал оттуда золотую монету, на которую можно было бы купить весь его дом.

— А это тебе, малышка, — сказал он. — Купи себе ленты или еще чего...

— Нет! Я не могу! Я не заслужила! — испугалась Тиффани. Все шло совсем не так, как должно было.

— Думаешь, не заслужила? — Господин Заткачик задержал на Тиффани внимательный, осмысленный и хитрый взгляд. — Тогда давай так. У меня есть для тебя поручение, сделаешь — эта монетка будет тебе уплатой. Поднимись-ка наверх, самому-то мне эту лестницу уже не осилить, да принеси костюм, что висит за дверью. А чистую рубашку найдешь в сундуке, который стоит в ногах кровати. И начисти мне ботинки, чтоб блестели, и помоги мне встать, а уж по дорожке, думаю, я и сам дойду. Тут такое дело: для похорон у меня теперь денег слишком много, а вот чтобы жениться — будет, пожалуй, в самый раз. Так что пойду я предложу вдове Тусси связать себя со мной узами брака.

Тиффани понадобилось время, чтобы уловить смысл последних его слов.

— Вы серьезно? — ахнула она, когда наконец поняла, о чем говорил старик.

— Серьезней некуда, — подтвердил господин Заткачик. — Вдова Тусси — хорошая женщина, пироги с мясом и луком у нее недурно получаются, и зубы у нее в полном порядке. Насчет зубов я точно знаю, она мне их сама показывала. Ее младшенький отличные зубы ей подарил, в большом городе в магазине их прикупил. И они ей очень к лицу. Вдова

Тусси мне как-то раз даже дала попользоваться этими зубами, чтоб один непростой кусок свинины одолеть. Это, знаешь ли, не забывается, когда женщина так выручит тебя по доброте душевной.

— Э... А вы не думаете, что сначала лучше хорошенько подумать? — робко спросила Тиффани.

Старик рассмеялся:

— Думать? Это мне уже ни к чему, голубушка! Нос у тебя не дорос советовать мне подумать. Мне девяносто один год, во как! Мне думать нечего, мне дело делать надо. А кроме того, сдастся мне, вдова Тусси не станет воротить нос от моего предложения. Я-то видел, как она мне подмигивала. Я всяких подмигиваний за свою жизнь навидался, и ее подмигивания были какие надо. А полная шкатулка золотишка загладит все неровности, как говаривал мой папаша.

На переодевание у господина Заткачика ушло десять минут, много усилий и немало крепких слов, но помощи Тиффани не потребовалось — ей было сказано отвернуться и заткнуть уши. Когда старик был готов, она помогла ему выйти в сад. Там он отбросил одну из двух своих тростей и ткнул пальцем в разросшиеся сорняки.

— Завтра же вас покрошу в капусту! — крикнул он боевито.

Добравшись до ворот, господин Заткачик ухватился за столб и встал почти прямо.

— Ну ладно. — Тут стало видно, что он немного волнуется. — Сейчас или никогда. Как я выгляжу — все в порядке?

— Вы прекрасно выглядите, господин Заткачик.

— Нигде не испачкался? Все застегнуто как надо?

— Э-э... да, — сказала Тиффани.

— А прическа как, в порядке?

— У вас ее нет, господин Заткачик, — напомнила Тиффани.

— Ах да, точно, лыс, как коленка. Надо будет купить себе этот, как его там... ну, вроде шапки из волос. Как думаешь, хватит у меня денег на эту штуку?

— Парик? Вы можете купить хоть тысячу париков, господин Заткачик!

— Ха! И то верно. — Он сияющими глазами оглядел сад. — Цветет тут еще что? Глаза уже не те... Очки, вот что мне нужно! Видел я как-то раз их, говорят, сквозь них все ясное, как в молодости. Хватит у меня на очки-то?

— Господин Заткачик, — сказала Тиффани, — вы теперь можете позволить себе *все, что угодно*.

— Ах, чтоб ты была жива-здорова! — воскликнул старик. — Но прямо

сейчас мне нужен букет, голубушка. Не могу ж я делать даме предложение без цветов. А я ничего не вижу. Остались тут цветы-то?

Несколько роз еще цвели среди зарослей сорняков и колючек. Тиффани принесла с кухни нож, срезала их и собрала букет.

— Вот и славно, — сказал господин Заткачик. — Молодцы какие, цветут, хоть время их и прошло. Совсем как я — понимают, что никогда не поздно!

Он взял букет свободной рукой, но вдруг нахмурился, умолк и застыл, как изваяние.

— Хотел бы я, чтобы на свадьбу пришли мои Тоби и Мэри, — проговорил он наконец. — Да только они, видишь ли, давно умерли.

— Да, господин Заткачик, я знаю, — сказала Тиффани.

— И хотел бы я, чтобы моя Нэнси была жива, хоть и странно, наверное, желать такого, когда собрался жениться на другой. Ха! Да чуть ли не все, кого я знал, уже на том свете. — Старик некоторое время молчал, сжимая букет, потом выпрямился. — Но их ведь не вернешь, верно? Даже за полную шкатулку золота.

— Верно, господин Заткачик, — сказала Тиффани севшим голосом.

— Ой, только не плачь, голубушка! Солнышко светит, птички вон поют, а что было, то прошло, правду говорю? — весело подмигнул господин Заткачик. — А вдова Тусси ждет!

Он вдруг испугался чего-то и откашлялся:

— От меня хоть не пованивает, а?

— Разве что нафталином, господин Заткачик.

— Нафталином? Нафталином — это ничего. Что ж, вперед! Время дорого!

И, опираясь только на одну трость и размахивая букетом, чтобы не упасть, господин Заткачик двинулся по тропинке с удивительной для его возраста резвостью.

— Что ж, — сказала госпожа Ветровоск, когда старик скрылся за углом, взметнув полами пиджака напоследок. — Все кончилось хорошо, верно?

Тиффани резко обернулась. Госпожи Ветровоск по-прежнему нигде не было видно, но кое-где — особенно. Тиффани, прищурившись, уставилась на старую стену, заросшую плющом. Там была стена и ничего больше, и только когда старая ведьма шевельнулась, Тиффани смогла ее разглядеть. Ведьма не делала ничего, чтобы замаскироваться обычными средствами и, насколько могла судить Тиффани, не использовала магии, она просто... сливалась с фоном.

— Э-э, да. — Тиффани достала носовой платок и высморкалась.

— Но у тебя все равно душа не на месте, — заметила госпожа Ветровоск. — Тебе кажется, что оно должно было сложиться совсем иначе, да?

— Нет! — горячо сказала Тиффани.

— По-твоему, было бы лучше, если бы его похоронили в самом дешевом гробу, на который скинулись бы соседи?

— Нет! — Тиффани в отчаянии стиснула руки. Старая ведьма колола больнее, чем целый лес булавок. — Просто... ну да, это все выглядит как-то... несправедливо. То есть зря Фигли это сделали. Я бы... как-нибудь сама... скопила бы понемногу...

— Мир вообще устроен несправедливо, дитя. Радуйся, что у тебя есть друзья.

Тиффани подняла взгляд на полоску леса вдалеке.

— Да, — сказала госпожа Ветровоск. — Но он не там.

— Я ухожу, — заявила Тиффани. — Я много думала об этом, и я должна уйти.

— Полетишь на метле? — предложила ведьма. — Он движется не слишком быстро.

— Нет! Куда я полечу? Домой? Не хочу притащить его туда! И вообще, я не могу просто порхать где попало, когда он рыщет вокруг. Когда он... когда я встречу с ним, нельзя, чтобы рядом были люди, разве не понятно? Вы же видели, что я... что он может натворить со злости! Он наполовину убил тетушку Вровень!

— А если он пойдет за тобой?

— Вот и отлично! Я уведу его куда-нибудь подальше... — Тиффани махнула рукой в сторону гор.

— Одна?

— У меня нет выбора, верно?

— Нет, — подтвердила госпожа Ветровоск. — Но и у меня его нет. Поэтому я иду с тобой. И не спорь, девочка. Как ты меня остановишь, а? О, кстати, я кое-что вспомнила... загадочные синяки госпожи Городь происходят от того, что муж ее поколачивает, а отец ребенка этой девицы Шустрити — молодой Фред Торфи. Передашь при случае тетушке Вровень.

Пока она говорила, из ее уха вылетела пчела.

«Приманка, — думала Тиффани несколько часов спустя, когда, покинув домик тетушки Вровень, они стали подниматься в гору по вересковой пустоши. — Что, если я всего лишь приманка? Так в старые времена охотники привязывали ягненка или козленка, чтобы волки

подошли ближе.

У нее наверняка готов план, как убить роителя. Это уж точно. Она что-то там придумала. Он явится за мной, и тогда она просто взмахнет рукой...

Должно быть, она считает меня дурочкой».

Они поспорили, конечно. Тиффани стояла на своем, но госпожа Ветровоск не побрезговала запрещенным приемом. Тебе всего одиннадцать, заявила она. Вот так просто. Тебе одиннадцать, и что мисс Тик скажет твоим родителям? Простите, мне очень жаль, но Тиффани отправилась одна на бой с бессмертным чудовищем, вот я вам принесла в горшочке то, что от нее осталось?

Тут старуху, чуть не плача, поддержала тетушка Вровень.

Не будь Тиффани ведьмой, она бы и сама расплакалась от того, как нечестно с ней обошлись.

Но на самом деле с ней обошлись очень даже честно. Она это понимала. Ведьмы беспокоились не только о ней, но и о других, и Тиффани была зла на себя — самую малость — за то, что она о других и не подумала. Но как подло было выбрать именно этот момент, чтобы обойтись с ней честно. И вот это — и правда нечестно.

Никто не сказал Тиффани: «Тебе всего лишь девять», когда она отправилась в Волшебную страну, вооружившись сковородкой, и только. Хотя, конечно, никто и не знал, куда она отправилась, кроме Нак-мак-Фиглей, а они были намного меньше ее. Пошла бы она в Волшебную страну, если бы знала, что ее там ждет?

Да, ответила себе Тиффани.

И ты готова сойтись в бою с роителем, хотя понятия не имеешь, как его одолеть?

Да, готова. Часть меня осталась в нем. Может, она сумеет как-то помочь...

Но разве тебя ни капельки не радует то обстоятельство, что госпожа Ветровоск и тетушка Вровень все-таки переспорили тебя и теперь ты отважно идешь навстречу судьбе в сопровождении — так уж вышло, как ты ни возражала, — самой могущественной ведьмы?

Тиффани вздохнула. Трудно жить на свете, когда твои собственные ум да разум против тебя.

Фигли не возражали, чтобы она отправилась на поиски роителя. Они возражали против того, что им не позволили пойти с ней. Тиффани знала, это оскорбило их до глубины души. Но госпожа Ветровоск сказала: это чистейшее карговство, Фиглям тут делать нечего. И была права. Если роитель явится к Тиффани, то в этом, реальном, не в воображаемом мире

Фигли ничего не смогут с ним сделать. Роителя не получится ударить головой или пнуть.

Тиффани попыталась торжественно поблагодарить их за помощь, однако Явор Заядло обиженно скрестил руки на груди и отвернулся. Все пошло не так. Но старая ведьма правильно сказала. Они могли пострадать. Беда в том, что чем больше говоришь Фиглям об опасности, тем больше они жаждут участвовать.

Когда Тиффани уходила, они все еще спорили. Спор грозил перерасти в драку.

Но теперь все это осталось позади, и в переносном смысле, и в прямом. Деревья вокруг стали менее развесистыми и более остроконечными — если бы Тиффани знала о деревьях больше, она бы сказала, что дубы сменились елями и другими хвойными породами.

Она чувствовала присутствие роителя. Он преследовал их, держась на почтительном расстоянии.

Госпожа Ветровоск была совсем не похожа на старшую, самую главную ведьму, какой ее обычно представляют. Вот Летиция Увёртка, которая скользит по полу, словно на колесиках, и носит платья черные, как темнота в глубоком погребе, та куда больше похожа. А госпожа Ветровоск — просто старая женщина с морщинистым лицом и огрубевшими руками, и платье ее черно как ночь, а ночь никогда не бывает такой непроглядно черной, как думают люди. И подол у него обтрепался и запылится.

«С другой стороны, — подумала Тиффани Задним Умом, — когда-то ты подарила матушке Болен фарфоровую пастушку, помнишь? Таковую всю из себя прекрасную, белую с голубым?»

Я тогда была совсем малышкой, возразил на это ее обычный ум, он же Здравый Смысл.

А Задний Ум ответил ему: «Да, но кто из них на самом деле был настоящей пастушкой? Сверкающая дамочка в миленьком чистеньком платьице и башмачках с пряжками или старуха, которая бродила под снегом в башмаках, набитых соломой, набросив на плечи старый холщовый мешок?»

Госпожа Ветровоск споткнулась. Но сразу же восстановила равновесие.

— Тут повсюду опасные шаткие камни, — буркнула она. — Смотри под ноги.

Тиффани посмотрела. Камней было не так уж и много, и они не выглядели особенно опасными или шаткими.

Сколько же лет госпоже Ветровоск? Еще один вопрос, задавать

который Тиффани совсем не хотелось. Старая ведьма была худая и жилистая, совсем как матушка Болен, из тех старух, над которыми, кажется, время уже не властно. Но однажды вечером матушка Болен отправилась спать и больше не проснулась...

Солнце садилось. Тиффани чувствовала, где находится роитель, примерно так же, как чувствовала чужой пристальный взгляд. Роитель все еще был в лесу, который лежал на плечах горы, словно теплый шарф.

Они вышли на естественную площадку, где скалы вздымались вверх, словно колонны. Там госпожа Ветровоск наконец остановилась и опустилась на землю, прислонившись спиной к большому утесу.

— Достаточно, — сказала она. — Скоро стемнеет, не хватало еще, чтобы ты подвернула ногу на этих шатких камнях.

Вокруг возвышались огромные, с дом, валуны — в незапамятные времена они скатились с горы и остались здесь. Чуть дальше начинался крутой каменистый склон, и Тиффани казалось, что скальная стена нависает над ними, будто гребень волны. Вокруг было пусто и безлюдно. Каждый звук отдавался эхом.

Она присела рядом со своей спутницей и открыла котомку, которую тетушка Вровень собрала им в дорогу.

У Тиффани было не так уж много опыта в подобных делах, но в сказках герои обычно брали с собой хлеб и сыр. Причем твердый сыр.

Тетушка Вровень положила им сэндвичи с ветчиной и маринованные огурчики. И не забыла салфетки. Странно, если подумать: мы пытаемся прикончить жуткого монстра, но хотя бы не придется это делать по уши в крошках.

В котомке также нашлись бутылка холодного чая и мешочек с печеньем. Тетушка Вровень хорошо знала вкусы госпожи Ветровоск.

— Может, разожжем костер? — предложила Тиффани.

— Зачем? Лес остался далеко позади, придется топтать вниз за дровами, потом обратно. А минут через двадцать все равно взойдет луна, на полпути к полнолунию. Твой приятель держится подальше отсюда, а больше нас тут никто не тронет.

— Вы уверены? — спросила Тиффани.

— В своих горах я хожу без опаски, — сказала госпожа Ветровоск.

— Но разве тут не водятся волки, тролли и другие опасные твари?

— Водятся. Во множестве.

— И они вас не трогают?

— Больше нет, — самодовольно произнес голос в темноте. — Передай печенью, будь добра.

— Вот Маринованных огурцов хотите?

— От уксуса меня ужасно пучит.

— Ну, раз так...

— О, но я же не говорю, что их не буду! — Ведьма ухватила два больших огурца.

«Ну, ладно», — подумала Тиффани.

Она принесла с собой три свежих яйца. Пора бы уже понять, в чем секрет путанки. Глупо ведь... Все девочки давно умеют их применять... Тиффани не сомневалась, что все делает правильно.

Она предусмотрительно набила карманы чем попало и теперь стала доставать это что попало не глядя, оплела яйцо, как делала тысячу раз, взяла ниточки и потянула их так, чтобы...

Чпок!

Яйцо треснуло и закапало.

— Вот что я тебе скажу. — Госпожа Ветровоск приоткрыла один глаз. — Это все баловство. Палочки да камушки.

— А вы когда-нибудь плели путанку? — спросила Тиффани.

— Нет. Никак не могла понять, в чем секрет. Они только мешаются. — Госпожа Ветровоск зевнула, поплотнее завернулась в одеяло, шумно поерзала, устраиваясь поудобнее под скалой, и спустя недолгое время ее дыхание сделалось глубоким и ровным.

Тиффани тоже накинула одеяло на плечи и стала ждать, когда выйдет луна. Она думала, что тогда станет спокойнее, но ошибалась. Пока луна не взошла, вокруг была только темнота. После ее появления добавились еще и тени.

Рядом раздался храп. Это был уверенный, добросовестный храп, напоминающий звук рвущейся ткани.

Пришла тишина. Она порхнула сквозь ночь на серебряных крыльях, бесшумно, как перышко, и опустилась на скалу неподалеку — тишина в облике птицы. Она повернула голову и в упор посмотрела на Тиффани.

Было в этом взгляде нечто большее, чем обычное птичье любопытство.

Старая ведьма снова всхрапнула. Тиффани, не спуская глаз с совы, протянула руку и легонько потрясла госпожу Ветровоск. Это не помогло, и она потрясла снова, уже не легонько.

Раздался такой звук, будто три свиньи с разгона налетели друг на дружку, и ведьма приоткрыла один глаз:

— Штоэ?

— Там сова! Она смотрит на нас! И сидит совсем близко!

Сова вдруг моргнула, взглянула на Тиффани с удивлением, словно

только теперь ее заметила, расправила крылья и скользнула прочь.

Госпожа Ветровоск схватилась за горло, кашлянула раз-другой и сказала хрипло:

— Ну конечно, это была сова! Я добрых десять минут убила, чтобы подманить ее так близко! А сейчас будь добра, посиди тихонько, и я попробую снова. Иначе придется обойтись летучей мышью, а они на меня плохо действуют: мне потом еще долго кажется, будто я вижу ушами, а разве это пристало порядочной женщине!

— Но вы храпели!

— Глупости! Ничего я не храпела! Просто расслабилась немного, пока подводила к нам эту сову. И если бы ты не трянула меня и не испугнула ее, я бы сейчас уже видела все вересковые пустоши ее глазами!

— Вы хотели... подчинить себе ее разум?

— Нет! Я тебе не роитель! Я всего лишь... заимствую его на время, подталкиваю легонько. Птица и не подозревает о моем присутствии. А теперь попытайся немного отдохнуть.

— Но если роитель...

— Если он объявится поблизости, я уж тебе скажу, не сомневайся, — прошипела старуха и снова улеглась на спину. Потом вдруг резко приподняла голову: — И я не храплю!

Через полминуты она снова захрапела.

Еще через минуту вернулась сова — а может, это была уже другая. Она плавно опустилась на ту же скалу, посидела немного и улетела. Ведьма перестала храпеть. Она и дышать перестала.

Тиффани склонилась к ней — ниже, еще ниже, и наконец приложила ухо к груди, чтобы проверить, бьется ли сердце. Ее собственное словно чья-то рука сдавила...

...потому что Тиффани вспомнила день, когда нашла матушку Болен. Бабушка лежала на узкой железной кровати так мирно, будто спала, но Тиффани, едва переступив порог, почувяла беду...

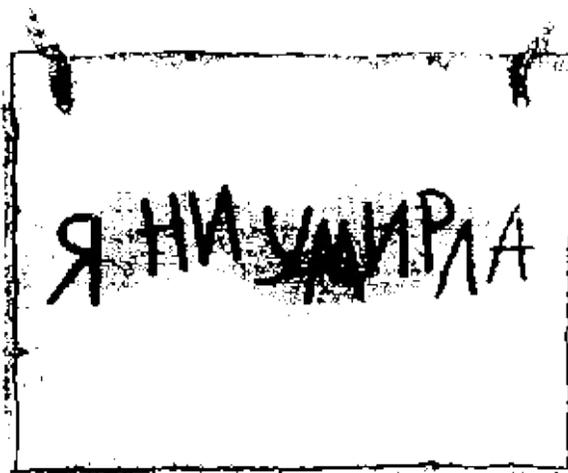
Тук.

Тиффани сосчитала до трех.

Тук.

Да, это билось сердце.

Очень медленно, как растет побег деревца, рука шевельнулась. С неспешностью ледника, спускающегося с горы, она скользнула в карман и достала большой кусок картона:

Тиффани сочла за лучшее не спорить. Но она потеплее укрыла госпожу Ветровоск одеялом и сама завернулась плотнее.

При лунном свете она снова попыталась сплести путанку. Конечно, у нее получится. Может быть, если...

При лунном свете она тихонько, тихонько...

Чпок!

Яйцо треснуло. Они всегда лопались. Теперь осталось последнее. А с жуком Тиффани и пробовать не решалась, даже если бы ей удалось его поймать. Это было бы слишком жестоко.

Она села и стала смотреть на серебристо-черный пейзаж. И тогда Дальний Умысел сказал ей: «Ближе он не сунется».

Почему?

Она подумала: «Не знаю, откуда мне это известно, но я уверена — он боится приближаться. Он знает, что госпожа Ветровоск со мной».

А потом подумала: «Но откуда у меня такая уверенность? У роителя ведь нет собственного разума. Он не знает, кто такая госпожа Ветровоск».

Дальний Умысел ответил: «Я думаю над этим».

Тиффани прислонилась спиной к скале. Порой у нее в голове становилось слишком... многолюдно.

А потом наступило утро. Светило солнце, ее волосы были мокрыми от росы, и туман поднимался над землей, словно дым... А на скале, где раньше была сова, сидел орел и ел кого-то маленького и пушистого. Тиффани могла разглядеть каждое его перышко.

Орел проглотил добычу, глянул на Тиффани безумными птичьими глазами и улетел прочь, взвихрив туман крыльями.

Госпожа Ветровоск, лежащая рядом, снова захрапела, и Тиффани решила: должно быть, это означает, что она вернулась в свое тело. Девочка

легонько ткнула ее под бок, и раскатистое «хррррррррррррррррр» резко перешло в «брррррып».

Старая ведьма села, закашлялась и отчаянно замахала Тиффани, чтобы та передала ей бутылку с чаем. Только выпив добрую половину, госпожа Ветровоск смогла высказаться.

— Кто бы что ни говорил, а кролик куда вкуснее жареным, — выдохнула она, возвращая пробку на место. — И мех — тоже совершенно лишнее.

— Вы подчинили себе... позаимствовали разум орла? — спросила Тиффани.

— Разумеется! Не могу же я заставлять бедную старую сову летать после рассвета, только чтобы посмотреть, кто шляется по округе. Она всю ночь охотилась на полевков, и я тебе скажу, сырые полевки еще хуже кролика. Никогда не ешь полевков.

— Не буду, — совершенно искренне пообещала Тиффани. — Госпожа Ветровоск, мне кажется, я знаю, чем занят роитель. Он размышляет.

— Но у него же нет мозгов!

Тиффани позволила своим Уму и Умыслу выложить все, что они надумали:

— В нем есть эхо моего разума, верно? Должно же быть. Он хранит остатки разумов всех, в ком он побывал. Поэтому теперь в нем есть и частица меня. Я знаю, что он там, а он знает, что я тут, с вами. И держится подальше.

— Да? И почему же?

— Думаю, он вас боится.

— Ха! А почему боится?

— Да, — прямо сказала Тиффани. — Потому что я вас боюсь. Немного.

— Ничего себе. Правда?

— Да, — снова сказала Тиффани. — Он как побитая собака, которая и подойти не решается, и не убегает. Он не понимает, что он такого сделал. Но... есть еще кое-что... какая-то его мысль, которую я почти уловила...

Госпожа Ветровоск ничего не ответила. С ее лица исчезло всякое выражение.

— С вами все хорошо? — забеспокоилась Тиффани.

— Я просто давала тебе время поймать ту мысль, — объяснила ведьма.

— Простите. Теперь уже не получится. Но... мы не знаем о роителе чего-то важного. Это как-то связано с... третьим желанием. И я не понимаю, что это значит.

— Продолжай искать, — посоветовала ведьма и подняла глаза. — А сейчас у нас гости.

Тиффани понадобилось несколько секунд, чтобы разглядеть то, что заметила госпожа Ветровоск, — силуэт у кромки леса, маленький и темный. Он приближался, но как-то робко.

Вскоре стало видно, что это Петулия. Она летела медленно и неуверенно в нескольких футах над вереском и иногда спрыгивала, чтобы подправить курс метлы.

Добравшись до места, где устроились Тиффани с госпожой Ветровоск, девочка снова спрыгнула и торопливо направила метлу в сторону большого валуна. Метла мягко ткнулась ручкой в камень и зависла в напрасных попытках пролететь его насквозь.

— Эмм, прошу прощения, — сказала Петулия. — Но у меня не всегда получается остановить метлу, а так все же лучше, чем бросать якорь. Эмм.

Она было присела в реверансе перед госпожой Ветровоск, но спохватилась, что они ведьмы, и на полпути попыталась превратить реверанс в поклон — незабываемое вышло зрелище. В нижней точке поклона Петулию заклинило, и до них донесся тоненький голосок:

— Эмм, простите, вы не могли бы мне помочь? Пожалуйста. Кажется, моя Октограмма Невицилизации зацепилась за Ладанку С Девятью Травами...

Долгую неловкую минуту они распутывали браслеты и ожерелья, и старуха бурчала: «Баловство, сплошное баловство!»

Когда Петулия наконец смогла выпрямиться, она была вся красная. Разглядев выражение лица старой ведьмы, она поспешно сняла свою шляпу и прижала ее к груди. Так было принято выражать почтение, но попутно это привело к тому, что заостренная шпукovina добрых двух футов длиной оказалась нацелена на ее собеседниц.

— Эмм... Я зашла повидать тетюшку Вровень, и она сказала, что вы поднялись сюда, чтобы поймать какое-то жуткое чудовище, — сказала Петулия. — Эмм... вот я и подумала, хорошо бы заглянуть и проведать вас.

— Эмм... спасибо за беспокойство, — сказала Тиффани.

А Задним Умом цинично подумала: «И что бы ты стала делать, если бы оказалось, что чудовище напало на нас?» Перед внутренним взором Тиффани возникла картинка: Петулия против жуткого разъяренного монстра. Вот только эта картинка была вовсе не такой смешной, как ей сперва показалось. Петулия тряслась от ужаса, ее бесполезные амулеты отчаянно звенели, от страха она почти ничего не соображала... но она не отступала. Она ведь думала, что Тиффани и госпожа Ветровоск сражаются

здесь с каким-то чудовищем, и тем не менее отправилась к ним.

— Как тебя зовут, моя девочка? — спросила старая ведьма.

— Эмм, Петулия Хрящик, госпожа. Я учусь у Гвинифер Черношляп.

— У бабки Черношляп? Славная ведьма. Знает толк в свиньях. Ты молодец, что прилетела.

Петулия повернулась к Тиффани:

— Эмм, как ты себя чувствуешь? Тетушка Вровень сказала, ты... болела.

— Спасибо, мне уже намного лучше, — проговорила Тиффани с несчастным видом. — Послушай, мне очень жаль, что я...

— Ну, ты ведь болела.

И в этом заключалась еще одна черта Петулии, с которой приходилось считаться. Петулия старалась думать о других только хорошее. А когда ты знаешь, что Петулия изо всех сил старается думать о тебе хорошее, это каким-то образом не дает расслабиться.

— Ты еще заглянешь домой перед Испытаниями? — спросила Петулия.

— Испытаниями? — Тиффани вдруг потеряла нить разговора.

— Она говорит про Испытания Ведьм, — вмешалась госпожа Ветровоск.

— Я о них совершенно забыла.

— А я — нет, — спокойно сказала старая ведьма. — Никогда не пропускала Испытаний. Ни разу за шестьдесят лет. Милая девочка, сделай старушке одолжение, слетай обратно к тетушке Вровень и скажи, мол, госпожа Ветровоск шлет вам свои наилучшие пожелания и просит передать, что она отправится отсюда прямо на Испытания. Кстати, как тетушка себя чувствует?

— Эмм, когда я пришла, она жонглировала шарами. И при этом они летали сами по себе, она их руками не подбрасывала! — сказала Петулия, и было видно, что она потрясена до глубины души. — И знаете, что еще? Я видела у нее в саду эльфа! Синего такого!

Сердце Тиффани упало.

— Правда?

— Да! Только он был какой-то растрепанный и не очень чистый. А когда я спросила, правда ли он эльф, он ответил, что он... эмм... «эльф большой вонючей жгучей колючей железной крапивы из страны Хрустральных Струй». И назвал меня чучундрой. Ты знаешь, что это значит?

Тиффани посмотрела в круглое, исполненное надежды лицо Петулии и

чуть не сказала: «Они так называют людей, которые любят фей и эльфов», но вовремя прикусила язык. Это было бы нечестно.

— Петулия, это был Нак-мак-Фигль, — со вздохом сказала Тиффани. — Они, конечно, тоже волшебный народец, но совсем не такой, как сказочные эльфы и феи. Мне очень жаль. Фигли — они хорошие... более или менее... но совсем не хорошенькие. А «чучундра», насколько я понимаю, это у них такое ругательство. Хотя и не очень грубое, кажется.

Петулия молча смотрела на нее все с тем же выражением, потом уточнила:

— Так они — волшебный народец?

— Формально — да.

Круглое розовое личико расплылось в улыбке.

— Здорово! А то я сомневалась, потому что застала его, когда он, ну, писал на тетушкиного садового гнома...

— Тогда это точно был Фигль, — кивнула Тиффани.

— Ну, большой вонючей жгучей колючей железной крапиве ведь тоже нужен свой цветочный эльф, как и любому другому растению, — сказала Петулия.

Глава 11

АРТУР

Когда Петулия ушла, госпожа Ветровоск сказала, деловито потопав ногами:

— Ну что же, пора и нам в путь. До Крутого Утеса восемь миль. И так уже к началу не успеем.

— А как же роитель?

— Он тоже может пойти, если хочет. — Ведьма улыбнулась. — Да не супь ты брови! Испытания будут не в самой деревне, а рядом, и там соберется больше трех сотен ведьм. Безопаснее места не найти. Или ты хочешь встретиться с роителем прямо сейчас? Это, пожалуй, можно. Он вроде не слишком-то шустрый.

— Нет! — сказала Тиффани куда громче, чем собиралась. — Нет, потому что... все не то, чем кажется. Мы действуем неправильно. Э... не могу объяснить. Дело в третьем желании.

— И ты по-прежнему не поняла, что это за желание?

— Нет. Но скоро пойму, надеюсь.

Ведьма внимательно посмотрела на нее.

— Вот и я надеюсь, — сказала она. — Ладно, что толку тут стоять. Идем уже. — Она подхватила плед и зашагала вперед так целеустремленно, словно ее тянули к Крутому Утесу за веревочку.

— Но мы ведь даже не позавтракали! — воскликнула Тиффани, пускаясь бегом, чтобы догнать госпожу Ветровоск.

— Лично мне вполне хватило полевок, — бросила та через плечо.

— Да, но ведь на самом-то деле их ели не вы, правда? — сказала Тиффани. — На самом деле их ела сова.

— Если так посмотреть — да, — признала ведьма. — Но ты даже представить себе не можешь, насколько сильно не хочется позавтракать, когда кажется, что всю ночь перед этим ты ела полевок. — Она кивнула в ту сторону, где виднелась удаляющаяся фигура Петулии. — Твоя подружка?

Тиффани догнала ведьму, и они зашагали рядом.

— Э... если она считает себя моей подружкой, то я этого не заслуживаю, — сказала девочка.

— Хмм... — протянула госпожа Ветровоск. — Что ж, порой мы получаем больше, чем заслуживаем.

Для своих преклонных лет она ходила удивительно быстро. Старая ведьма мерила шагами вересковые пустоши, словно они глубоко оскорбляли ее своей протяженностью. И кое-что еще ей тоже хорошо удавалось — тишина. Подол ее платья шуршал, цепляясь за вереск, но это равномерное шуршание странным образом сливалось с обычными звуками пустоши и тишину не нарушало.

И Тиффани ничто не мешало на ходу различать голоса воспоминаний, оставленных роителем. Их были сотни. Большинство стерлись почти до неразличимости, оставив после себя лишь легкий зуд в голове, но тигр из древних-преддревних времен по-прежнему светло горел в глубине ее памяти, а за ним маячил гигантский ящер. Эти хищники были настоящими машинами для убийства, самыми могущественными в мире тех времен. Роитель вселился в них, и они умерли, сражаясь.

Он всегда искал и захватывал новое тело, сводил его прежнего владельца с ума своей жаждой власти, и каждый раз все заканчивалось одинаково: его, точнее тело, рано или поздно убивали. «Но почему?..» — только и успела подумать Тиффани, как из чужих воспоминаний пришел ответ: *Потому что он боится.*

Боится? Но чего? Он ведь такой могущественный...

Кто знает? Только боится он до безумия. Совершенно выпятил от страха!

— Вы — Обижулити Хлопстел, да? — спросила Тиффани, и уши сообщили ей, что последний вопрос она задала вслух.

— Да, он любит поболтать, — сказала госпожа Ветровоск. — Всю ночь, пока ты спала, языком чесал. При жизни был очень высокого мнения о себе.

Думаю, поэтому он так хорошо и сохранился в памяти роителя, прямо как живой.

— Но при этом он говорит «выпятить» вместо «спятить», — заметила Тиффани.

— Ну, со временем память становится уже не та.

Госпожа Ветровоск вдруг остановилась, прислонившись спиной к скале. Она тяжело дышала.

— Вам нехорошо? — забеспокоилась Тиффани.

— Я свежа, как майская роза! — отрезала старая ведьма, дыша с присвистом. — Вот только поймаю второе дыхание... Да и вообще, всего-то шесть миль осталось...

— Я заметила, вы прихрамываете, — сказала Тиффани.

— Правда? Ну так прекрати замечать!

Яростный приказ эхом отразился от скал. Когда эхо стихло, госпожа Ветровоск кашлянула. Кровь отлила от лица Тиффани.

— Кажется, — проговорила ведьма, — я немного погорячилась. Наверное, это все полевки. — Она снова кашлянула. — Те, кто близко со мной знаком или заслуживает такой чести, зовут меня матушкой Ветровоск. Я не против, если и ты будешь так меня звать.

Это потрясло Тиффани — и напрочь вытрясло из нее прежнее потрясение.

— Звать вас *матушкой* Ветровоск?

— Только не думай, что это в прямом смысле, — быстро сказала ведьма. — Это скорее почетный титул, ну, как других ведьм иногда зовут «бабка Такая-то», или «мамаша Сякая», или «нянюшка Разэтакая». Это показывает, что ведьма... полностью... как бы...

Тиффани не знала, смеяться ей или плакать.

— Я понимаю, — сказала она.

— Понимаешь?

— Это как с матушкой Болен, — сказала Тиффани. — Мне-то она приходилась бабушкой, но все на холмах звали ее матушкой Болен.

Не могли же они звать ее госпожой Болен, подумала Тиффани. Тут нужно было теплое, мягкое слово. Матушка Болен была матушкой для всех.

— Когда вас называют матушкой, получается, что вы для всех как родная мать-старушка или бабушка, — сказала Тиффани. А про себя добавила: и рассказываете им сказки.

— Ну, может, и так. Короче говоря, зови меня матушкой Ветровоск, — сказала матушка Ветровоск и тут же добавила: — Но помни, что это не в прямом смысле! А теперь идем. — И она снова устремилась вперед.

Матушка Ветровоск. Тиффани мысленно произнесла это несколько раз, пробуя имя на вкус. У нее, конечно, была вторая бабушка, кроме матушки Болен, но та умерла еще до ее рождения. Звать матушкой другую старую женщину было непривычно, но в то же время Тиффани чувствовала, что это правильно. Как будто у нее две бабушки и обеих называют матушками. И все хорошо.

Роитель следовал за ними, Тиффани знала. Он по-прежнему держался на расстоянии. Да уж, привести его на Испытания и показать — вот это был бы номер так номер, подумала она. У матушки — ее сердце пело всякий раз, когда она мысленно произносила это слово, — у матушки наверняка есть какой-то план.

Но... все было неправильно. Тиффани не давала покоя какая-то мысль — крутилась в голове, но ловко уворачивалась всякий раз, когда девочка

пыталась ее поймать. Что-то неправильное было в том, как вел себя роитель.

Чем ближе они подходили к месту праздника, тем больше можно было заметить вокруг признаков того, что они идут правильно. Три метлы, если не больше, пролетели по небу в ту же сторону, куда они направлялись. А потом они с матушкой вышли на дорогу, и на ней у них оказалось немало попутчиков. Среди пешеходов некоторые щеголяли в высоких остроконечных шляпах, что уж совсем прозрачно намекало на смысл сборища. Дорога спустилась вниз через небольшой лесок, поднялась немного вверх по лоскутному одеялу маленьких полей и наконец вывела к высокой изгороди, за которой наявлялся духовой оркестр. Музыканты играли обычную мешанину Песенок Из Представлений, но, похоже, у каждого из них было свое мнение о том, какую Песенку и из какого Представления играть, так что мешанина была та еще.

Над лесом взмыл вверх большой вытянутый пузырь, и Тиффани испуганно вздрогнула, но это оказался обыкновенный воздушный шарик, а не лишнее наполнение Брайана. Тиффани сразу поняла это, когда вслед за шариком к небесам полетели пронзительный гневный вой и жалобный визг: «Ха-чухачухачухачухачуоблатно ШААААЛИИИИК!» — традиционный вопль, который издают все дети, познавая важную житейскую мудрость: иногда не стоит выпускать из рук то, что дают. В этом, собственно, и заключается смысл воздушных шариков.

Однако на сей раз все разрешилось малой кровью: какая-то ведьма на метле догнала улетевший шарик и отбуксировала его обратно на поле Испытаний.

— В старые времена было не так, — пробурчала матушка Ветровоск, когда они подошли к воротам. — Когда я была молода, мы просто встречались где-нибудь на лугу, подальше от лишних глаз. А теперь не то, теперь это Праздник Для Всей Семьи! Ха!

Перед входом на поле собралась большая толпа, но в этом «Ха!» прозвучало нечто такое, что люди расступились, матери подтянули детей за руки поближе к себе, и матушка Ветровоск беспрепятственно прошествовала прямо к воротам.

У ворот стоял молодой человек, который продавал билеты, а в эту минуту отчаянно желал провалиться сквозь землю.

Матушка Ветровоск сурово уставилась на него. Тиффани заметила, как уши юноши заалели.

— Два билета, молодой человек, — сказала матушка. Крохотные ключиче льдинки звенели в ее голосе.

— Ага, значит, э-э... один детский и один для пожилых? — дрожащим голосом пролепетал юноша. Руки у него затряслись.

Матушка шагнула к нему и нависла вплотную:

— Что еще за «билеты для пожилых», молодой человек?

— Ну, э-э, как бы для этих... для старых людей, в общем.

Матушка надвинулась еще ближе. Парень всей душой хотел отступить на шаг, но ноги его почему-то приклеились к месту, и ему удалось только отклониться назад.

— Молодой человек, — сказала ведьма, — я тебе не старуха и становиться ею не собираюсь. Мы возьмем два билета, которые тут у тебя идут по пенсу за штуку.

Ее рука метнулась вперед, как атакующая гадюка. Юноша отпрыгнул с испуганным блеянием:

— Уийй!

— Вот два пенса, — с нажимом сказала матушка.

Тиффани посмотрела на ее руку. Ведьма держала большой и указательный палец вместе, но между ними не было видно никаких монет.

Однако юноша, безумно ухмыляясь, протянул руку и осторожно взял отсутствующие монеты. Матушка выхватила билеты, которые он сжимал в другой руке.

— Спасибо, молодой человек, — сказала она и прошла на поле.

Тиффани кинулась следом.

— А зачем вы... — начала она, но матушка прижала палец к губам, взяла девочку за плечо и развернула к воротам.

Билетер все еще таращился на свои пальцы. Потер ими друг о друга. Наконец пожал плечами, занес руку над сумкой для мелочи и разжал щепоть.

Звяк, звяк...

Толпа вокруг ахнула, кто-то захолопал. Юноша огляделся с болезненной улыбкой, пытаясь сделать вид, будто он, конечно же, знал, что так оно и будет.

— Ну ладно, — сказала матушка Ветровоск. — А теперь мне, пожалуй, не помешала бы чашечка чая с печеньем.

— Матушка, здесь дети! Здесь не одни только ведьмы!

Люди вокруг смотрели на них. Матушка взяла Тиффани за подбородок и заглянула ей в глаза.

— Посмотри по сторонам, а? Тут же шагу не ступить, чтобы не наткнуться на какой амулет, волшебную палочку или еще что!

Тиффани огляделась. По всему полю были устроены аттракционы для

публики. Многие из них были ей знакомы по деревенским ярмаркам в холмах: где-то устраивали гонки монеток, где-то предлагали попытать удачи у Счастливого Котла или выловить из бочки с водой яблоко без помощи рук. День был жаркий, и большим успехом, особенно у детей, пользовалось Испытание Водой*. А вот палаток предсказателей судьбы нигде не было видно — никакой предсказатель не рискнет показаться на празднике, где немалая часть гостей получше его знает будущее и готова от души поспорить. Зато повсюду торчали лотки торговцев разным ведьмовским товаром. Был тут и огромный шатер Закзака — перед входом красовался манекен в «Небоскребе» и «Дыхании ночи», пользовавшихся у юных ведьм огромным успехом. Другие лотки и палатки были поменьше, но так и ломились от блестящих и звенящих штукovin, которые тоже шли у ведьмочек нарасхват. Целые прилавки были завалены ловушками снов и сетями-оберегами, причем последней новинкой считались самоочищающиеся модели. Странно было видеть, каким спросом все это пользовалось у ведьм. Это как если бы рыбы раскупали зонтики.

Но роитель-то, конечно, не рискнет сунуться сюда, раз тут столько ведьм?

Тиффани обернулась к матушке Ветровоск.

Матушка Ветровоск как сквозь землю провалилась.

Очень трудно найти ведьму на Испытаниях Ведьм. Точнее, найти-то легко, трудно найти именно ту, которая тебе нужна. Особенно если ты вдруг почувствовала себя брошенной и одинокой и паника медленно, но верно разворачивается в твоей душе, словно бутон страха.

Большинство ведьм старшего возраста сидели за деревянными столами у огороженной канатами площадки. Они пили чай. Покачивались черные шляпы, молили языки. Каждая из них, похоже, могла без малейших затруднений говорить, в то же самое время слушая всех остальных, — редкое умение, присущее, однако, не только ведьмам. Нечего было и думать спрашивать у них, не видели ли они старуху в черном плаще и остроконечной шляпе.

Солнце уже стояло высоко. Народу на поле продолжало прибывать. Ведьмы на метлах заходили на посадку в дальнем его конце, простой люд валом валил в ворота. Было очень шумно.

Куда бы Тиффани ни посмотрела, везде мелькали черные шляпы.

Она кидалась в разные стороны среди людского мельтешения, отчаянно озираясь в поисках дружеского лица — мисс Тик, тетушки Вровень или Петулии. На худой конец сошло бы и не дружественное, но хотя бы знакомое лицо Летиции Увертки.

И она старалась не думать. Не думать о том, что она напугана до дрожи, что она одна в толпе, что вон там, на холме, притаился невидимый роитель и он чувствует ее страх и слабость, потому что частица Тиффани осталась в нем.

Роитель зашевелился. Роитель двинулся к ней.

Тиффани пробилась через кучку занятых разговором ведьм, голоса их неприятно резали слух. Ей было дурно, словно она перегрелась на солнце. Перед глазами плыло, голова кружилась.

Прелюбопытная особенность роителя заключается в том, раздался гнусавый голос у нее в голове, что при охоте он подражает манере акулы обыкновенной...

— Отстаньте от меня со своими лекциями, господин Хлопстел, — пробормотала Тиффани. — И вообще оставьте меня в покое!

Но Обижулити Хлопстел и при жизни-то редко обращал внимание на чужие просьбы, а уж став воспоминанием, и подавно не собирался этого делать. Он продолжал самодовольно гундеть, как ни в чем не бывало:

...А именно, выбрав себе жертву, он уже не обращает никакого внимания на других созданий, сколь бы соблазнительную добычу для него они собой ни представляли...

Оттуда, где стояла Тиффани, ей было видно все поле. И как что-то движется по нему прямо к ней. Как порыв ветра летит над полем невидимый, но заметный благодаря островку потревоженной травы, так и за продвижением роителя можно было следить, глядя на людей. Одни падали без чувств, другие с криком оборачивались, третьи кидались наутек. Но он никого не трогал. Ему нужна была Тиффани.

Он как акула, пронеслось у нее в голове. Морской убийца. В море ведь жуткие дела творятся...

Тиффани попятилась, паника затопила ее разум. Девочка налетела спиной на ведьм, спешивших на шум, и закричала:

— Вы его не остановите! Вы понятия не имеете, что это! Можете сколько угодно махать на него своими блестящими палочками, ему все нипочем! Нипочем!

Тиффани сунула руки в карманы и нащупала счастливый камень. И обрывок бечевки. И кусок мела.

«Если бы это была сказка, — подумала она с горечью, — я бы сейчас поверила в себя и в свою путеводную звезду и прямо на месте сотворила бы какую-нибудь миленькую звенящую магиййу, и все бы кончилось хорошо. Но когда позарез нужно, вечно оказывается, что ты не в сказке».

Сказки, сказки, сказки...

Третье желание. Третье желание. Третье желание, вот что важно.

В сказках джинн, ведьма или заколдованный кот... предлагают исполнить три желания.

Три желания...

Она схватила за рукав спешившую мимо ведьму. Это оказалась Аннаграмма, которая в ужасе уставилась на Тиффани и попыталась сбежать.

— Пожалуйста, не трогай меня! Не надо! — закричала она. — Мы ведь друзья, да?

— Да, если хочешь, но тогда я была не я, и мне уже лучше, — сказала Тиффани, хотя знала, что говорит неправду: именно она напугала Аннаграмму. Это важно, и забывать об этом не стоит. — Аннаграмма, это срочно! Если ты можешь загадать три желания, какое будет третьим? Быстро!

Аннаграмма скорчила обиженную гримаску, как всегда, когда что-то имело наглость быть выше ее разумения.

— Но почему я...

— Не думай, просто ответь! Пожалуйста!

— Ну, много чего можно попросить... стать невидимкой, например... или блондинкой... или вообще... — проямлила Аннаграмма. Разум ее трещал по швам от непривычной нагрузки.

Тиффани покачала головой и отпустила ее. Не то...

Она подбежала к пожилой ведьме, удивленно глядящей на столпотворение:

— Госпожа, помогите, пожалуйста, это важно! Какое в сказках бывает третье желание? Только не спрашивайте, зачем мне это! Просто ответьте!

— Мнэ... счастье. Ведь счастье, правда? — сказала старуха. — Ну да, точно: здоровье, богатство и счастье. Но на твоём месте я бы...

— Счастье? Счастье, значит... Спасибо.

Тиффани в отчаянии огляделась — кого бы еще спросить? Счастье тут точно ни при чем, она готова была голову дать на отсечение. Волшебство никого не делает счастливым, и это тоже имеет какое-то отношение к разгадке...

Тут она заметила среди палаток мисс Тик. Времени церемониться с ней не было. Тиффани схватила учительницу, развернула к себе и выкрикнула в лицо:

—
ЗдрасьтеМиссТикСпасибоХорошоНадеюсь-
ВыТожеКакоеВСказкахТретьеЖеланиеТолькоНе-
СпрашивайтеВремениНетПожалуйстаЭтоВажно!

Мисс Тик, надо отдать ей должное, растерялась всего на пару мгновений.

— Возможность загадать еще сто желаний, верно?

Тиффани ошалело уставилась на нее, потом пришла в себя и пробормотала:

— Спасибо. Это не то, но все равно спасибо, уже теплее...

— Тиффани, тут происходит... — начала было ведьма, но девочка увидела матушку Ветровоск.

Она стояла посреди поля, на площадке, которую зачем-то огородили, натянув веревки между кольшками. Никто, казалось, не замечал матушку. Она смотрела, как мечутся вокруг роителя ведьмы и вспыхивают искры магии. Вид у нее был отрешенный и спокойный.

Сбросив руку мисс Тик, Тиффани пригнулась, чтобы пролезть под веревкой, и кинулась к матушке Ветровоск.

— Матушка!

Взгляд голубых глаз сфокусировался на ней. — Да?

— В сказках, когда джинн, заколдованная лягушка или фея-крестная предлагает исполнить три желания... какое желание третье?

— Ах, в сказках... — кивнула матушка. — В любой стоящей сказке, то есть в такой, где есть понимание жизни, третье желание — исправить вред, который нанесли первые два.

— Да! Точно! Вот оно! — воскликнула Тиффани, и слова хлынули из нее, прорвав плотину непонимания. — Он не злой! Как он может быть злым — у него же нет разума! Все дело в желаниях! В наших желаниях! Это как в сказках, когда...

— Успокойся. Переведи дыхание, — сказала матушка. Она взяла Тиффани за плечи и развернула лицом к взволнованной толпе. — Ты на мгновение позволила себе испугаться, роитель почувствовал это, и теперь он идет к тебе. Он не отступит, на этот раз нет, потому что он в отчаянии. Он даже не замечает всех этих людей, они ничего не значат для него. Ему нужна ты. Он явился за тобой. Только ты можешь противостоять ему. Ты готова?

— А если я не смогу...

— Я бы никогда не стала той, кто я есть, девочка, если бы бралась за дело с мыслью о том, что я не смогу! Ты уже однажды одолела его, справишься и теперь!

— Но ведь я могу превратиться в чудовище!

— Тогда против тебя выйду я, — сказала матушка. — Ты будешь иметь дело со мной, на моей земле. Но этого ведь не случится, верно? Ты говорила, тебе надоели невымытые детишки и глупые женщины. Что ж, вот

тебе... другая сторона нашей работы. Уже полдень. Пора бы и Испытания начинать, да только все, похоже, об этом забыли. Ну как... хватит у тебя духу быть ведьмой при подсолнечном свете вдали от своих холмов?

— Да! — Когда такой вопрос задает матушка Ветровоск, это единственный возможный ответ.

Матушка низко поклонилась Тиффани и отошла на несколько шагов назад.

— В таком случае начинайте, как только будете готовы, госпожа, — сказала она.

Желания, желания, желания, думала Тиффани, растерянно роясь в карманах, чтобы сделать путанку. Роитель не злой. Он дает нам то, что мы хотим. То, что кажется нам нужным. А о чем люди просят? О новых желаниях!

Это не оправдание: «Монстр залез ко мне в голову и заставил меня украсть!» Тиффани ведь сама хотела, чтобы деньги были ее. Роитель просто поймал ее на этой мысли.

Это не оправдание: «Да, но я бы ни за что не сделала такого!» Роитель пускает в дело то, что находит: тайные желания, страстишки, подавленную злость — все, к чему люди умеют не прислушиваться. Роитель заставляет прислушаться!

Тиффани лихорадочно пыталась связать кусочки путанки вместе, и тут яйцо выскользнуло из пальцев, доверившись притяжению мира, и шмякнулось на носок ее башмака.

Она уставилась на разбитое яйцо, и подсолнечный свет померк для нее. «Зачем я вообще стала ее плести? — думала Тиффани. — Ведь ни разу же до сих пор не получалось, так почему я решила попытаться сейчас? Потому что верила — на этот раз получится, ответила она себе. Как в сказке. Раз — и все хорошо».

Но жизнь — не сказка, и яйцо было последним...

Раздался крик, но не такой, как все, звенящие сейчас в воздухе. Высокий и протяжный, он в мгновение ока будто перенес Тиффани домой. Канюк нарисовался зрачком в глазу солнца и стал быстро расти, пикируя к земле.

Над самой головой девочки он вышел из пике и снова взмыл к небесам, но прежде обронил что-то маленькое и синее, завопившее: «Раскудрить!!!»

Явор Заядло выпустил когти птицы и камнем полетел вниз, и тут над его головой с хлопком раскрылся купол, точнее, два купола, а еще точнее — парашют, который Явор позаимствовал у Хэмиша.

Едва его падение замедлилось, Явор выпустил парашют и упал точно в середину путанки.

— Думала, мы тя бросим? — крикнул он, повиснув на нитях. — На мне ж гюйс! А ну, делай свое путанце, быр-быро!

— Что? Я не могу! — испугалась Тиффани и попыталась вытряхнуть его из путанки. — Ты ведь погибнешь! Яйца у меня всегда трескались! И какой еще гусь?

— Не препиракай! — крикнул Явор Заядло, подпрыгивая на нитях, как мячик. — Ну кык! Или ты не карга холмов. А ты она.

Люди уже бежали мимо них. Тиффани подняла глаза. Пыль клубилась вокруг, и девочке показалось, что в этой пыли можно разглядеть смутные очертания роителя.

Она снова посмотрела на переплетение нитей и веревочек у себя в руках и ухмыляющуюся физиономию Явора Заядло.

Мгновение застыло, звеня от напряжения.

«Ведьма не отступает перед трудностями, — подумала Тиффани Задним Умом. — Делай через “не могу”.

Ну ладно...

Почему раньше у меня никогда не получалось? Потому что в этом не было нужды. Не было никакой необходимости в том, чтобы путанка сработала.

А теперь мне нужно, чтобы она помогла мне. Нет, не так. Мне нужно, чтобы *я сама* себе помогла.

Думай о том, что делаешь. Не обращай внимания на шум вокруг. Не думай о роителе, который подбирается все ближе.

Использовать надо то, что есть под рукой, тут все правильно. Спокойно... Медленно... Смотри на свою работу. Думай только о том, что происходит сейчас. Все вещицы, взятые из дома, пошли в дело...»

Нет. Не все. Отнюдь не все. На этот раз Тиффани почувствовала, чего не хватает, ощутила форму недостающего...

Она рванула ожерелье на шее, цепочка лопнула, и Тиффани вплела ее в свою путанку, подвесила серебряную лошадь на нитях.

Она вдруг совершенно успокоилась. Мысли сделались ясными и прозрачными, словно лед, яркими и сверкающими, как и должно быть. Так, посмотрим... на этот раз уже гораздо лучше... а теперь надо потянуть вот здесь...

Путанка задвигалась, и серебряная лошадь ожила. И медленно повернулась, пройдя сквозь нити — и Явора Заядло, который завопил:

— И ничутки не больно!

Стопы Тиффани покалывало, будто иголками. Лошадь кружилась и сверкала.

— Спешать, оно, яс-день, не надуть, — сказал Явор Заяadlo. — Но лучше поспешай!

«Я далеко от дома, — подумала Тиффани все так же спокойно и ясно. — Но моя земля всегда стоит у меня перед глазами. И вот я открываю глаза... И открываю их снова...

Ах...

Могу ли я быть ведьмой вдали от моих холмов? Конечно, могу. Я ведь никогда не покидала тебя, Земля Под Волной».

Пастухи на Меловых холмах почувствовали, как содрогнулась земля, — будто гром прокатился под пастбищами. Птицы порхнули прочь. Овцы подняли головы.

Земля содрогнулась снова.

Кто-то потом рассказывал, что видел, как тень на миг затмила солнце. Кто-то говорил, что слышал стук подков.

А мальчишка, который охотился на зайцев в маленькой долине Белой Лошади, утверждал, что склон будто взорвался и оттуда выпрыгнула лошадь, прямо в небо, и грива ее была как морская волна, а шкура бела, как мел. Он говорил, она умчалась в небо, как утренний туман, и полетела к горам, будто грозная туча...

Его, конечно, отлупили, чтобы людям головы не морочил, но он ни о чем не жалел.

Путанка мерцала. Серебро расходилось по ней. Оно стекало на нити с пальцев Тиффани, и они светились звездным светом.

В этом свете она смотрела, как роитель приближается к ней вплотную и расходится вокруг, замыкает в кокон. Его невидимость стала видимой. Словно рябь в воздухе, от которой причудливо отражается свет. В этих сполохах и высверках плыли лица, колыхаясь и растягиваясь, как отражения на воде.

Время замедлилось. Тиффани видела ведьм за мерцающей стеной роителя — они застыли, глядя на нее во все глаза. С одной из них в суматохе слетела шляпа, но не упала, а повисла в воздухе. У нее пока не было времени упасть.

Пальцы Тиффани шевельнулись. Роитель замерцал, растревоженный, как вода в пруду, куда бросили камешек. Прозрачные щупальца потянулись к ней. Она ощущала его ужас, его панику, он чувствовал себя в ловушке...

— Добро пожаловать, — сказала Тиффани.

Добро пожаловать? — отозвался роитель ее голосом.

— Да. Ты можешь войти. Здесь ты в безопасности.

Нет! Мы везде в опасности!

— Здесь тебе ничего не угрожает, — повторила Тиффани.

Пожалуйста! — взмолился роитель. Спаси нас! Дай нам убежище!

— Волшебник понял про тебя почти все, — сказала Тиффани. — Ты ищешь убежища в чужих головах. Но он не задумывался, чего ты боишься. От чего ты хочешь спрятаться?

От всего, ответил роитель.

— Кажется, я понимаю, о чем ты, — произнесла Тиффани.

Ты? Понимаешь ли ты, каково это — знать о каждой звезде, о каждой травинке?.. Да, ты понимаешь. Ты называешь это «открыть глаза снова». Но ты открываешь их лишь на мгновения. Мы живем так вечность. Ни сна, ни отдыха, лишь бесконечный... бесконечный опыт, бесконечное знание. Обо всем. Постоянно. Как мы завидуем вам, как же мы вам завидуем! Счастливы, вы можете закрыть свой разум от ледяного холода космической бездны. Вы умеете впадать в такое состояние... вы называете это скука, да? Редчайший талант во Вселенной! Мы слышали песенку: «Крошка-звездочка, мигни...»* Какая сила! Какая изумительная мощь! Вы можете взять миллиард триллионов тонн пылающего вещества, горнило невообразимо жаркого пламени и превратить в детскую песенку! Вы выстраиваете маленькие миры, маленькие истории, маленькие скорлупки, чтобы защитить свой разум, и вечность не может приблизиться к вам, и вы спокойно просыпаетесь по утрам, а не вопите от ужаса!

Совершенно выпятил! — весело заметил голос в глубине памяти Тиффани. Доктора Хлопстела было не так-то просто заткнуть.

Бедные мы, бедные, сокрушался роитель. Нет для нас ни защиты, ни отдыха, ни укрытия. Но ты — ты способна противостоять нам! Мы чувствуем. У тебя внутри разума — другой разум, а в том еще и еще... Спрячь нас!

— Тебе нужна тишина? — спросила Тиффани.

Да, и не только тишина, ответил роитель. Вы, люди, так хорошо умеете не замечать. Вы почти слепые и почти глухие. Вы смотрите на дерево и видите... просто дерево, большое и твердое растение*. Вы не видите его историю, не ощущаете, как могучая сила качает вверх по стволу соки, не слышите каждое насекомое в кроне, не чувствуете химических реакций в листьях, не замечаете, как дерево растет, не различаете сотен оттенков зелени, и листья поворачиваются к свету скрытно от ваших глаз...

— Но ты не понимаешь, как мы устроены, — сказала Тиффани. — Никто из нас не сможет остаться в живых, если ты захватишь его. Ты даешь

нам то, чего мы хотим, все и сразу. И исполнение желаний всегда приносит беду.

Да. Теперь мы это знаем. Теперь в нас есть эхо тебя. У нас есть... понимание, сказал роитель.

Поэтому теперь мы просим исполнить одно желание. Желание, которое все исправит.

— Да, — сказала Тиффани. — Последнее желание, третье желание всегда таково. «Пусть станет так, будто всего этого никогда не случилось».

Научи нас, как умереть! — взмолились все голоса роителя.

— Я не умею!

Все люди знают дорогу в небытие. Вы ходите по ней каждый день своих коротких, коротких жизней. И ты ее знаешь. Если бы мы тоже могли узнать... Мы завидуем вам. Вы умеете заканчиваться. Вы очень талантливые...

«Я наверняка знаю, как умереть, — подумала Тиффани. — Где-то в глубине души. Надо только поразмыслить... надо шагнуть через «не могу»...»

Она подняла повыше сверкающую путанку. Оттуда по-прежнему били лучи света, но Тиффани она была больше не нужна. Она нашла свой центр и теперь пропускала силу через него. Главное — держать равновесие.

Свет померк. Явор Заядло так и висел на нитях, волосы его встали дыбом, и голова напоминала большой рыжий шар. Выглядел он как пыльным мешком фистукнутый.

— Шышлык бы зарррезал! — заявил он.

Тиффани опустила его на землю (Фигль слегка покачнулся — похоже, у него кружилась голова) и убрала остатки путанки в карман.

— Спасибо тебе, Явор, — сказала она. — А теперь тебе лучше уйти. Дело становится... слишком опасным.

Это она, конечно, зря сказала.

— Никуда я ни пойду! — заорал он. — Я Джинни обещал за тобой призывать! А ну, давай поприкончим с этим!

Спорить было бессмысленно — Явор уже принял боевую стойку: чуть присел и сжал кулаки, пылая воинственной решимостью.

— Спасибо, — сказала Тиффани и выпрямилась.

Смерть всегда следует за нами по пятам, размышляла она. Жизнь заканчивается — и Смерть тут как тут. Значит... он рядом. Совсем рядом.

Пусть это будет дверь. Да, большая старая дверь, деревянная. Из потемневшего от времени дерева, вот.

Она повернулась. Позади нее была черная дверь — не в стене, а прямо

в воздухе.

Петли заскрипят, подумала Тиффани.

Она толкнула дверь, и петли заскрипели.

«Ага, — думала Тиффани. — На самом деле все не совсем так. Я просто рассказываю себе сказку, которую мой разум в состоянии понять, я обманываю себя ровно настолько, чтобы все получилось. Вот и надо продолжать балансировать на этой грани, чтобы все получалось и дальше. А это столь же трудно, как не думать о розовом носороге. Но если матушке Ветровоск удастся не думать о нем, то и я смогу».

За дверью простиралась пустыня: черный песок под тусклыми звездами. На горизонте виднелись горы.

Ты должна проводить нас, сказали голоса роителя.

— А вот эт' не надеть, — отсоветовал Явор Заядло снизу. — Я этому чучундре ни на раз не верю.

— В нем заключена часть меня, — сказала Тиффани. — И вот ей я доверяю. Я ведь говорила, тебе не обязательно идти со мной, Явор.

— Нды? И что, я бу зырить, как ты топс-топс тудыть одна-одинеха? Не надешься!

— Явор, твой клан и жена рассчитывают на тебя!

— Ах-ха, и ежели я даду тебе одной шагнуть чрез порог Смерти, я их запозорю навек!

«Так вот, — подумала Тиффани, глядя во тьму за порогом, — вот в чем заключается наша работа. Мы храним границы. Мы помогаем тем, кто не может сам найти дорогу...»

Она глубоко вздохнула и перешагнула порог.

Ничего не изменилось. Песок под ногами казался крупным и чуть поскрипывал, как она и ожидала, но если шаркнуть ногой, туча песка оседала медленно, как мельчайшая пыль, чего Тиффани не ожидала совсем. Воздух был не холодный, но разреженный и будто колючий.

Дверь за спиной мягко закрылась.

Спасибо, сказали голоса роителя. *Что теперь?*

Тиффани посмотрела по сторонам, потом на звездное небо. Все звезды были незнакомыми.

— Теперь, наверное, ты умираешь, — сказала она.

Но нет меня, который мог бы умереть, возразил роитель. Есть только мы.

Тиффани набрала в грудь побольше воздуха. Весь фокус в словах, а со словами она обращаться умела.

— Я расскажу тебе одну правдивую историю, — начала она. —

Давным-давно мы были маленькими, похожими на кляксы созданиями и жили в море, потом рыбами, потом ящерами и крысами, потом обезьянами, а по пути успели побывать еще тысячами других существ. Вот моя рука — когда-то она была плавником, вот другая — когда-то на ней были когти. Мои человеческие зубы — это клыки волка, резцы кролика и жевательные зубы коровы. Наша кровь солоната, словно море, из которого мы вышли. Мы пугаемся, и крохотные волоски на нашем теле встают дыбом — точь-в-точь как в те времена, когда вместо них у нас была шерсть. Мы носим в себе свое прошлое! Все, чем мы были, прежде чем стать собой, — по-прежнему в нас. Хочешь услышать, чем закончилась история?

Расскажи нам! — попросил роитель.

— Я такая, такая есть, потому что состою из наследия моих родителей, и их родителей, и всех моих предков. Весь мой облик, цвет моих волос — все от них. Я такая, такая есть, потому что люди, которых я встречала, заставили меня думать так, а не иначе. Я сделана из них всех. Так кто тогда я?

Ты — то, что рассказывает нам эту историю, ответил роитель. Ты — то, что ты есть.

— Ну... да. Но ведь и ты так можешь. Вот ты говоришь о себе «мы» — кто это говорит? Кто говорит «мы — не я»? Ты ничем от нас не отличаешься. Просто мы гораздо лучше умеем забывать. И знаем, когда не надо слушать свою внутреннюю обезьяну.

Мы не понимаем, сказал роитель.

— В голове каждого из нас есть обезьяна из прошлого, обезьяна, которая хотела быть главной в стае, — сказала Тиффани. — Когда происходит что-то неожиданное, она бросается в драку. Она не думает. Она действует в ответ на обстоятельства. Быть человеком означает не слушать обезьяну, ящера и другие голоса из прошлого. Но когда ты вторгаешься в головы людей, то заглушаешь человеческие мысли. Ты слушаешь обезьяну. Обезьяна не знает, что ей нужно, она знает, чего она хочет. Так вот, ты — никакие не «мы». Ты — это «я».

Я, мне... — сказал роитель. *Я. Кто я?*

— Хочешь, у тебя будет имя? С ним станет легче.

Да. Имя...

— Мне всегда нравилось имя «Артур».

Артур, повторил роитель. Мне тоже нравится «Артур». И если я есть, я могу перестать быть. Что происходит потом?

— Все те, чьи разумы ты подчинил себе... разве они не умирали? — спросила Тиффани.

Умирали, сказал Артур. Но мы... но я не видел, как это было. Они просто исчезали.

Тиффани оглядела бескрайние пески. Никого, кроме них, не было видно, и все же она уловила легкое движение. Как будто краем глаза удалось заметить игру света на том, чего она не должна была видеть.

— Думаю, — сказала Тиффани, — надо пересечь пустыню.

И куда я тогда попаду? — спросил Артур.

Тиффани ответила не сразу.

— Некоторые люди думают, ты попадаешь в лучший мир, — сказала она. — Другие верят, что ты возвращаешься в этот мир в другом теле. А некоторые считают, что по ту сторону вообще ничего нет. Что ты просто перестаешь быть.

А ты сама как думаешь? — спросил Артур.

— Я думаю, это никакими словами не описать, — ответила Тиффани.

Правда? — спросил Артур.

— Наверное, для этого и надо перейти пустыню. Чтобы узнать самому.

Мне не терпится узнать. Спасибо.

— Прощай... Артур.

Она почувствовала, что роителя больше нет рядом. Почти невидимый — только иногда горсть песка или рябь в воздухе выдавали его, — он двинулся через пустыню.

— И шкатулку дорога! — проорал ему вслед Явор Заяadlo.

— Нет, — сказала Тиффани. — Не говори так.

— Дыкс он же прорву человекoв поубивал, шoб самому не окочурнуться!

— Он не нарочно. Он не понимал, как устроены люди.

— А ты ему шикарну кучу разбредовины втюхнула, — похвалил Явор. — Не всяк гоннагл такую разбредовину напoет.

Тиффани задумалась: обманула ли она Артура? Однажды, когда в деревню забрели странствующие учителя, она отдала целых полдюжины яиц за утренний курс «Чудес Всяленной». Это был ужасно дорогой урок, но он того стоил. Учитель казался немного чокнутым, даже по учительским меркам, но то, что он рассказал, выглядело совершенно логично. Один из самых удивительных фактов о Вселенной, говорил он, заключается в том, что в ней все превращается во все — рано или поздно. Просто иногда для этого требуются миллионы лет. Другие ученики не верили ему и смеялись, но Тиффани знала, что мел холмов — это то, во что превратились крохотные морские жители, обитавшие здесь много-много лет назад. Все участвует в круговороте, даже звезды.

Она сохранила самые теплые воспоминания о том утре, в особенности потому, что ей удалось отработать одно яйцо обратно, указав учителю на ошибку в слове «Вселенная».

Так правда ли это? Может, и не важно. Может, достаточно, если это будет правдой для Артура.

Ее глаза, те внутренние глаза, которые она открыла и открыла снова, стали закрываться. Сила утекала в песок. Нельзя оставаться долго в таком состоянии. Когда ты знаешь так много о мире, начинаешь забывать себя. Люди молодцы, что научились закрывать свой разум. Скука — одно из самых потрясающих чудес на свете. Что может быть удивительнее?

Тиффани присела на минутку, бездумно набрала в горсть песка. Он повис тучкой над ее ладонью и осел не спеша, словно в его распоряжении было все время мира.

Никогда еще она так сильно не уставала.

В голове по-прежнему звучали голоса. Роитель оставил ей эхо чужих мыслей, но не много, всего несколько разумов. Она помнила, как не было звезд и не существовало такой штуки, как «вчера». Она знала, что скрывается по ту сторону небес и ниже травы. Но не могла вспомнить, когда она последний раз спала, спала как полагается, то есть в кровати. Валяться без чувств не считается. Тиффани закрыла глаза и закрыла их снова...

Кто-то с силой пнул ее по ноге.

— Нае дрыхс! — заорал Явор Заядло. — Тута дрыхс низзя. Очнись и пойсь!

Тиффани, плохо соображая от усталости, поднялась на ноги. Песчаная пыль взметнулась маленькими смерчами. Тиффани повернулась к черной двери.

Двери не было.

На песке остались ее собственные следы, но через несколько шагов они обрывались. Да и те, что были, медленно исчезали. Вокруг простиралась мертвая черная пустыня, и больше ничего.

Тиффани обернулась посмотреть на горы, но оказалось, что их заслоняет кто-то высокий, черный и с косой. Раньше его тут не было.

— ДОБРЫЙ ДЕНЬ, — сказал Смерть.

Глава 12

АНТРЕ

Тиффани, запрокинув голову, во все глаза уставилась на черный капюшон. Под ним был голый череп, только в глазницах горели синие огни.

Хорошо еще, она никогда не боялась скелетов. Подумаешь, тот же мел, только ходячий.

Раздался глухой удар. Смерть отступил на шаг и поднял руку к капюшону. Ухватив Явора Заядло за волосы, он отодрал его от себя и стал разглядывать, держа на вытянутой руке. Нак-мак-Фигль отчаянно брыкался и ругался.

— ТВОЁ? — спросил Смерть Тиффани.

Голос был плотный и тяжелый и доносился со всех сторон, как гром в грозу.

— Нет. Э-э... Он свой собственный.

— ЕСЛИ БЫ Я ЗНАЛ, ЧТО СЕГОДНЯ МНЕ ПРЕДСТОИТ ВСТРЕЧА С ФИГЛЕМ, — сказал Смерть, — Я БЫ НАДЕЛ ЗАЩИТНЫЙ КОСТЮМ. ХА. ХА.

— Да, дерутся они много, — признала Тиффани. — Ты ведь Смерть, да? Знаю, возможно, это глупый вопрос.

— ТЫ НЕ БОИШЬСЯ?

— Пока нет. Э-э... ты не мог бы показать, где здесь антре?

Повисла пауза. Потом Смерть спросил слегка озадаченным тоном:

— ТЫ ПРО КЛОУНОВ?

— Нет, — сказала Тиффани. — Все так думают, но на самом деле это просто вход по-щеботански. Где здесь вход в наш мир?

Смерть показал дорогу рукой, в которой по-прежнему сжимал Явора Заядло на последней стадии кипения.

— ОТСЮДА ЕСТЬ ТОЛЬКО ОДИН ПУТЬ. НАДО ПЕРЕЙТИ ПУСТЫНЮ.

— Дойти до самых гор?

— ДА. НО ЛИШЬ МЁРТВЫЕ МОГУТ ЭТО.

— Когдыть-нибудь те придется меня отпустить, шпособие ты наглядное! — вопил Явор Заядло. — И я те так с ноги врежу!

— Но дверь же была! — сказала Тиффани.

— АХ ДА, — сказал Смерть. — НО СУЩЕСТВУЮТ ПРАВИЛА. ЭТО

БЫЛ ВЫХОД.

— А какая разница?

— ВЕСЬМА ЗНАЧИТЕЛЬНАЯ, К СОЖАЛЕНИЮ. ЧЕРЕЗ ТУ ДВЕРЬ ТЫ ПОКИНУЛА ЖИЗНЬ, А ВЕРНУТЬСЯ ЧЕРЕЗ НЕЁ НЕ СМОЖЕШЬ. ВСЁ ДОЛЖНО БЫТЬ ПО ПРАВИЛАМ. И СМОТРИ НЕ ЗАСНИ ЗДЕСЬ, ИЛИ ТВОЙ СОН БУДЕТ ДЛИТЬСЯ ВЕЧНО.

Смерть исчез. Явор Заядло шлепнулся на песок, тут же вскочил и приготовился к драке, но они снова остались одни.

— Тебе надо сотворить дверь на выход, — сказал Фигль.

— Я не знаю как! Явор, я ведь просила тебя не ходить со мной! Ты можешь выбраться отсюда?

— Ах-ха. Мож, смогну. Но я должен призырить за тобой. Кельда на меня гюйс поналожила. Спасти каргу холмов.

— Это Джинни так сказала?

— Ах-ха. И очень всуерьез, — подтвердил Явор Заядло.

Тиффани снова тяжело села, подняв множество фонтанчиков песка.

— Мне ни за что не выйти отсюда.

Да, она смогла попасть сюда, это-то было нетрудно...

Девочка огляделась вокруг. Они были невидимые, но то тут, то там свет чуть искажался и вихрился песок...

Люди, которых она не могла видеть, шли мимо. Мертвые пересекали пустыню, чтобы узнать, что там, по ту сторону гор.

Мне одиннадцать лет, подумала Тиффани. Такое горе будет... Она подумала о ферме, о том, как встретят новость мама и папа. Но ведь тело же не найдут, верно? Поэтому они будут надеяться, что она просто потерялась и однажды вернется. Как старуха Быват, которая до сих пор ставит на окно зажженную свечу для своего сына, пропавшего в море тридцать лет назад.

Может, Явор мог бы передать весточку... Но что им сказать? «Я не умерла, я просто не могу выбраться?»

— Надо было мне думать не только о себе, — сказала Тиффани вслух.

— А ты и дум-дум, — возразил Явор, сидя возле ее башмака. — Твой Артур ушлындрач прочь, знатца, ты упасла жисти куче народу. Ты делала, что должна.

Да, мысленно согласилась Тиффани. В этом и состоит наша работа. Тебя некому защитить, потому что защищать должна ты сама.

Но Задним Умом она подумала: «Я рада, что сделала это. И сделала бы снова, если бы понадобилось. Теперь роитель больше никого не убьет, хоть нам и пришлось для этого заманить его на Испытания». На этом мысль

остановилась. Хотя должна была привести куда-то дальше, к чему-то важному, но Тиффани слишком устала.

— Спасибо, что пришел, Явор, — сказала она. — Но когда... ты уйдешь, ступай прямо к Джинни, ясно? И передай: я очень благодарна, что она послала тебя за мной. Мне жаль, что нам с ней не довелось подружиться.

— Лады. Я все одно ребя уже отослал. Хэмиш меня дожидает.

В эту минуту в воздухе появилась дверь. И открылась.

Матушка Ветровоск шагнула за порог и настойчиво замахала Тиффани.

— У некоторых девочек здравого смысла меньше, чем у младенца. Иди сюда, да пошевеливайся! — велела она.

Дверь у нее за спиной начала закрываться, но матушка проворно развернулась и подставила ногу.

— Даже не думай, хитрюга! — гаркнула она.

— Но... мне сказали, существуют правила! — Тиффани вскочила и поспешила к двери.

Усталости как не бывало. Даже очень уставший организм хочет жить.

— Правда? — усмехнулась матушка. — Ты что-нибудь подписывала? Клятвы давала? Если нет, то это не твои правила. Иди давай живее! И ты тоже, господин Задятло!

Явор Заядло перепрыгнул через ее башмак за миг до того, как матушка убрала ногу. Дверь за ними со щелчком закрылась и исчезла, и они очутились... в серой пустоте, заполненной, казалось, мертвым светом.

— Это ненадолго, — сказала матушка Ветровоск. — Обычно быстро проходит. Просто миру нужно время, чтобы приспособиться. Ой, не смотри на меня так. Ты показала ему Путь, верно? Из жалости. Ну а я эту дорогу давно знаю. И ты тоже будешь по ней ходить еще не раз, чтобы помочь какому-нибудь бедолаге, который сам уйти не может. Но мы не говорим об этом, ясно?

— Тетушка Вровень никогда...

— Я сказала, мы об этом не говорим! — прикрикнула матушка. — Ты знаешь, что еще входит в работу ведьмы? Делать выбор, который кто-то должен сделать. Трудный выбор. Но ты... неплохо справилась. В жалости нет ничего зазорного.

Она отряхнула семена какого-то растения с подола.

— Надеюсь, нянюшка Ягг уже прилетела. Я у нее хотела спросить рецепт яблочного соуса. Ах да, когда мы вернемся, у тебя может слегка закружиться голова. Подумала, лучше предупредить.

— Магушка... — сказала Тиффани. Свет становился все ярче. И вместе с ним снова навалилась усталость. — Что все это было?

— А ты сама-то как думаешь?

Свет обрушился на них, словно взрыв.

Кто-то прикладывал ко лбу Тиффани мокрую ткань.

Она лежала, наслаждаясь чудесной прохладой. Вокруг раздавались голоса, и она сразу узнала вечно недовольный тон Аннаграммы:

— ...А еще она форменное безобразие устроила в лавке Закзака! Честное слово, по-моему, у нее с головой не все порядке. Думаю, у нее буквально чердак поехал. Выкрикивала там всякое, а потом, ну, не знаю, какой-то деревенский фокус использовала, чтобы заставить нас поверить, будто она превратила беднягу Брайана в лягушку. Я-то, разумеется, ни на минуту не обманулась...

Тиффани открыла глаза и увидела круглое розовое лицо Петулии, перекошенное от искренней тревоги за нее.

— Эмм, она очнулась, — сказала толстушка.

Над Тиффани покачивалось несколько остроконечных шляп, направленных почти горизонтально. Когда она села, ведьмочки невольно отшатнулись и выпрямились, шляпы встали торчком. Сверху это, наверное, выглядело, как будто черная ромашка расправила лепестки.

— Где мы? — спросила Тиффани.

— Эмм, в палатке Первой Помощи и Детей-Потеряшек, — сказала Петулия. — Эмм... ты потеряла сознание, когда госпожа Ветровоск привела тебя обратно из... оттуда, где ты была. Все-все заходили сюда посмотреть на тебя.

— Госпожа Ветровоск говорит, ты вроде как утащила чудовище в Загробный мир, — вмешалась Люси Уорбек. Глаза ее сверкали. — Она всем-всем об этом рассказала.

— На самом деле это был... — начала Тиффани, но тут почувствовала, как что-то колет ей спину.

Она протянула руку и достала ведьмовскую шляпу. Шляпа была почти серая от старости и основательно потрепанная. Закзаку и в голову бы не пришло выставить такую в витрине, но все девочки в палатке уставились на шляпу, как голодные собаки на руки мясника.

— Эмм, госпожа Ветровоск отдала тебе свою шляпу, — пролепетала Петулия. — Свою самую настоящую шляпу.

— Она сказала, ты прирожденная ведьма, а у всякой ведьмы должна быть шляпа, — пояснила Поплина Бубен, не сводя с Тиффани восхищенного взгляда.

— Очень мило, — сказала Тиффани.

Ей было не привыкать донашивать чужое.

— Это просто старая шляпа, — раздался резкий голос Аннаграммы.

Тиффани посмотрела снизу вверх на долговязую девицу и медленно, зловеще улыбнулась.

— Аннаграмма! — Она стала поднимать руку с растопыренными пальцами.

Та попятилась.

— Нет! — испугалась она. — Не надо! Только не это! Кто-нибудь, помогите!

— Хочешь шарик, Аннаграмма? — спросила Тиффани, слезая со стола.

— Нет! Пожалуйста! — Аннаграмма отступила еще на шаг, в ужасе заслоняясь руками, споткнулась об лавку и шлепнулась на землю.

Тиффани рывком поставила ее на ноги и ласково похлопала по щеке:

— Ну, не хочешь — как хочешь, значит, не куплю тебе шарик. Но будь добра, выучи, что значит «буквально», хорошо?

Аннаграмма натянуто улыбнулась, боясь пошевелиться.

— Э-э, ладно, — промямлила она.

— Вот и замечательно. Тогда мы с тобой будем друзьями.

Тиффани оставила ее стоять столбом и вернулась за шляпой.

— Эмм, ты, наверное, еще не совсем пришла в себя, — сказала Петулия. — Ты не понимаешь...

— Ха, на самом-то деле я ничуть не испугалась! — заявила Аннаграмма. — Просто валяла дурака!

Никто не обратил на нее внимания.

— Чего не понимаю? — спросила Тиффани.

— Это шляпа, которую она сняла с собственной головы! — хором сказали девочки.

— Ну, вот представь, если бы шляпа умела говорить, какие истории она могла бы рассказать! — добавила Люси Уорбек.

— Я вас разыгрывала! — заявила Аннаграмма в надежде, что ее хоть кто-нибудь услышит.

Тиффани посмотрела на шляпу. Она была очень потрепанной и не так чтобы очень чистой. Если бы эта шляпа умела говорить, то, наверное, гнусавила бы.

— А где сейчас матушка Ветровоск? — спросила Тиффани.

Девочки ахнули. Ее слова потрясли их почти так же, как шляпа.

— А она не против, чтобы ты ее так называла? — спросила Петулия.

— Она сама предложила, — сказала Тиффани.

— А говорят, надо знать ее лет сто, чтобы она такое разрешила... — сказала Люси Уорбек.

Тиффани пожала плечами:

— Ну, не знаю... Так кто-нибудь видел, где она?

— Да пьет чай с другими старыми ведьмами и болтает о соусах и о том, что ведьмы нынче уже не те, что во времена ее молодости, — ответила Лулу Зайка.

Тиффани ушам своим не поверила:

— Что?! Вот так запросто пьет чай?!

Ведьмочки озадаченно переглянулись.

— Эмм, с булочками, — сказала Петулия. — Если это важно.

— Но она ведь открыла для меня дверь. Дверь в... из... из... пустыни! Как можно после этого просто сидеть и есть булочки!

— Эмм, те, что я видела, были с сахарной глазурью, — осторожно добавила Петулия. — Не просто какая-нибудь домашняя выпечка...

— Послушай, — сказала Люси Уорбек, — мы ведь ничего такого, ну, ты понимаешь, не видели. Ты просто стояла там, окруженная этаким сиянием, и мы не могли подойти ближе. А потом появилась матуш... госпожа Ветровоск, и прямо к тебе, и вы там... ну, типа стояли, понимаешь? А потом сияние вжик — и погасло, а ты как бы упала...

— Люси так деликатно пытается *не* сказать, — встряла Аннаграмма, — что на самом деле ты никуда не исчезала. Я говорю тебе это по-дружески, разумеется. Все, что мы видели, — это сияние, а оно могло быть чем угодно.

«Когда-нибудь Аннаграмма станет хорошей ведьмой, — подумала Тиффани. — Она умеет рассказывать себе сказки и буквально верит в них. А еще она умеет вставать после падений, будто неваляшка».

— Ты забыла, что я видела лошадь, — сказала Гарриетта Жулинг.

Аннаграмма закатила глаза:

— Ах да, Гарриетта думает, что видела какую-то лошадь в небе. Только это была лошадь, совсем непохожая на лошадь, говорит она. По ее словам, это выглядело так, как если бы лошадь убрали, а лошадность осталась, да, Гарриетта?

— Я такого не говорила! — огрызнулась та.

— О, прости. Но звучало это именно так.

— Эмм, и еще люди видели белую лошадь на поле поблизости, она паслась там, — сказала Петулия. — А некоторые старшие ведьмы говорят, что они ощутили огромную...

— Да, кое-кто думает, будто видел лошадь на поле, но больше ее там нет, — сказала Аннаграмма монотонным голосом, которым всегда говорила, когда считала, что люди вокруг несут чушь. — Большое дело — увидеть лошадь на поле! Очень редкое явление в сельской местности! И вообще, если там и была белая лошадь, то на самом деле она была серой.

Тиффани присела на край стола и стала смотреть на свои колени. Злость на Аннаграмму на время придала ей сил, но теперь усталость брала свое.

— А синего человечка шести дюймов ростом с рыжими волосами никто, конечно, не видел? — спросила она.

— Что скажете, девочки? — обратилась ко всем Аннаграмма со злорадным энтузиазмом.

В ответ раздалось бормотание в том смысле, что нет, не видели.

— Прости, Тиффани, — сказала Люси.

— Не волнуйся, — усмехнулась Аннаграмма. — Он, должно быть, ускакал на своей белой лошади!

«Опять как тогда, с Волшебной страной, — подумала Тиффани. — Даже я сама уже толком не помню, было ли все на самом деле. С чего бы людям мне верить?» Но она понимала, что должна хотя бы попытаться...

— Там была черная дверь, — медленно проговорила Тиффани. — А за ней — черная пустыня, песок и звезды на небе, но при этом достаточно светло. И там был Смерть. Я говорила с ним...

— Да-а, так вы разговаривали? — перебила Аннаграмма. — И что он сказал, интересно?

— Он не говорил «интересно», — ответила Тиффани. — Мы вообще поговорили совсем чуть-чуть. И он не знал, что антре означает «вход».

— А разве это не заграничная закуска? — спросила Гарриетта.

В палатке стало тихо-тихо, если не считать гула Испытаний, доносившегося снаружи.

— Это не твоя вина, — сказала Аннаграмма тоном, который у нее считался дружеским. — Как я и говорила, госпожа Ветровоск всем головы морочит.

— А как же сияние? — спросила Люси.

— Возможно, шаровая молния, — сказала Аннаграмма. — Они иногда очень странно себя ведут.

— Но это сияние стояло стеной, будто оно из льда! Люди бились об него, как мухи, а пройти не могли!

— Ну, возможно, оно создавало такие ощущения, — ответила Аннаграмма. — Но на самом деле... возможно, оно так действовало на

мышцы, кто знает. Я только пытаюсь помочь, — добавила она. — Кто-то же должен хранить верность здравому смыслу. Она просто стояла там. Вы все ее видели. Ни дверей, ни пустынь. Только она.

Тиффани вздохнула. Она так устала. Хотелось тихонько куда-нибудь уползти отсюда. Хотелось домой. Она бы отправилась туда прямо сейчас, пешком, да вот беда — башмаки почему-то стали неудобными.

Пока девочки спорили, она развязала шнурки и стащила с ноги башмак.

Из него посыпалась серебристо-черная пыль. Пылинки упали на землю, отскочили вверх, закружились облачком тумана.

Девочки обернулись, увидели, и вновь настала тишина. Никто не мог оторвать взгляд от темного облачка. Потом Петулия наклонилась и зачерпнула немного пыли в ладонь. Пока она поднималась, пылинки просочились между ее пальцами. И опустились на землю тихо, как перышки.

— Иногда что-то идет не так, — проговорила Петулия отрешенно, словно мыслями была где-то далеко. — Мне бабка Черношляп рассказывала. Кто-нибудь из вас сидел со стариками, когда они умирали?

Одна или две девочки кивнули, но все не могли отвести глаза от песчаной пыли.

— Иногда что-то идет не так, — повторила Петулия. — Иногда люди умирают, но не могут покинуть этот мир, потому что не знают Пути. Бабка сказала, вот тогда-то и нужны мы, чтобы помочь им найти дверь и не дать заблудиться во мраке.

— Петулия, мы не должны говорить об этом, — мягко напомнила Гарриетта.

— Нет, должны! — Петулия густо покраснела. — Именно здесь и сейчас, именно между нами мы должны об этом поговорить. Потому что бабка сказала, показать Путь — это последнее, чем мы можем помочь. Она сказала, там черная пустыня, которую мертвые должны перейти, и песок в ней...

— Ха! Госпожа Увёртка говорит, это называется черной магией! — заявила Аннаграмма. Слова ее были резкими и внезапными, как разбойничий нож.

— Правда? — сказала Петулия, как сквозь сон глядя на утекающий меж пальцев песок. — А госпожа Черношляп говорит, что луна порой вся светится, а порой уходит в тень, но важно помнить, что это та же самая луна. И... Аннаграмма...

— Да?

Петулия набрала побольше воздуха:

— Никогда, никогда в жизни больше не смей меня перебивать! Не смей! Не смей, слышишь? Я серьезно.

Глава 13

ИСПЫТАНИЯ ВЕДЬМ

А потом... потом были сами Испытания. Ведь ради них все здесь и собрались, верно? Хотя Тиффани, выйдя из палатки вместе с девочками, почувствовала в воздухе смутные сомнения: а стоит ли? Теперь-то, после того, что произошло?

И все-таки площадку снова огородили, и многие старшие ведьмы подтащили стулья поближе к канатам, так что, похоже, Испытания должны были вот-вот начаться. Тиффани тоже подошла ближе и уселась на траву перед площадкой, положив матушкину шляпу перед собой.

Она знала, что остальные девочки устроились позади нее и по рядам зрителей пошли расходиться шепотки и шушуканье.

— И это тоже правда... Она действительно это сделала... Нет, честное слово... До самой пустыни... видели песок... у нее его полные башмаки были, говорят...

Среди ведьм слухи передаются быстрее, чем простуда. Ведьмы ведь болтливы, как скворцы.

Ни судей, ни призов не было. Испытания устроены иначе, объяснила Петулия. Смысл в том, чтобы показать, чему ты научилась и что может из тебя получиться, чтобы зрители по пути домой думали: «Эта Карамелла Бутыльшмат далеко пойдет!» Испытания — вовсе не соревнования, правда-правда. Победительниц не бывает.

Тот, кто поверил бы в это, поверил бы и в то, что луну по небу катают гоблин по имени Уилберфорс.

Что было правдой, так это то, что первой, как правило, выступала одна из старших ведьм с чем-нибудь в меру сложным, но не слишком удивительным, чем-нибудь, что все много раз видели, но не прочь посмотреть еще разок. Ну а дальше уже дело шло веселее. В этом году Испытания открывала кумушка Трэмпл с ее поющими мышами.

Но Тиффани почти не замечала выступления. По другую сторону площадки сидела на стуле матушка Ветровоск, словно королева на троне, окруженная свитой из ведьм старшего возраста.

Перешептывание между тем продолжалось. Возможно, Тиффани, когда открывала глаза, заодно и уши пошире распахнула, потому что теперь она могла слышать даже то, что говорили в дальних от нее рядах зрителей.

— Не училась, просто взяла и сделала... Ты видела ту лошадь?.. Никаких я лошадей не видела!.. Не просто дверь открыла, а еще и за порог... Да, но кто вытащил ее оттуда? Эсме Ветровоск, вот кто!.. А я и говорю, любая дурочка может открыть дверь, а ты попробуй-ка назад выберись! Это настоящая ведьма нужна, вот кто победил, вот кто... одолела тварь и бросила ее там... Я не видела, чтобы ты чем-то помогла, Виолетта Пульсимон! А эта малышка... Так была лошадь-то или нет?.. Хотела показать свою танцующую метлу, да только что уж теперь... А почему госпожа Ветровоск дала девчонке свою шляпу, а? Что она пытается нам сказать? Она вообще ни перед кем шляпы не снимает!

Напряжение искрилось в воздухе, потрескивало между верхушками шляп, словно разряды молнии. Мыши старались изо всех сил, выпевая «Мыльные пузырьки радостно летят», но чувствовалось, что им трудно сосредоточиться. Мыши — животные крайне чувствительные, с тонкой душевной организацией.

Ведьмы склонились к матушке Ветровоск. Тиффани видела, как она оживленно беседует то с одной, то с другой.

— Знаешь, Тиффани, — сказала Люси Уорбек у нее за спиной, — тебе только и нужно, что встать и как бы признать свою победу. Все знают, что ты сделала. Никто никогда как бы ни делал ничего такого на Испытаниях.

— И вообще, старая склочница все время побеждает. Давно пора натянуть ей нос! — сказала Аннаграмма.

«Но она вовсе не склочная, — подумала Тиффани. — Да, мягкой ее тоже не назовешь, мягкости она в ведьмах не любит, потому что мягкий человек, очутившись на тонкой грани, просто расползется.

Что бы она с тобой ни делала, это всегда проверка на прочность». Тут Дальний Умысел подбросил ей мысль, которая тогда, в палатке, так и не смогла оформиться: «Матушка Ветровоск, вы ведь знали, что роитель не тронет никого, кроме меня, правда? Вы сами сказали, что говорили с доктором Хлопстелом. И вы использовали меня, как поющих мышек, чтобы выиграть Испытания? О чем вы подозревали? И что знали наверняка?»

— Тебя признают победительницей, — сказала Поплина Бубен. — Даже многие из старших ведьм обрадуются, если кто-то собьет с нее спесь. Все знают, это была очень могущественная магия. На мили вокруг ни одной путанки не уцелело.

«Выходит, я стану победительницей только потому, что кто-то кого-то недолюбливает? — подумала Тиффани. — Вот уж повод для гордости, ничего не скажешь...»

— Она-то точно заявит о себе, — сказала Аннаграмма. — Вот увидишь. Встанет и расскажет, как монстр уволок бедную девочку в Загробный мир, а она вернула ее обратно. Я бы на ее месте так и сделала.

«Уж конечно, ты бы так сделала, — подумала Тиффани. — Но ты не на матушкином месте. И не на моем».

Она пристально смотрела на матушку Ветровоск — та как раз отмахивалась от двух пожилых ведьм. Что они пытались ей сказать? Может: «С этой девчонки надо бы сбить спесь, госпожа Ветровоск»? И только Тиффани это подумала, матушка повернулась к ней и посмотрела прямо в глаза.

Мыши умолкли, не в силах продолжать от смущения. Сначала стояла тишина, потом зрители начали хлопать, просто потому, что так положено.

Какая-то незнакомая Тиффани ведьма вышла на площадку, продолжая нервно аплодировать. Она хлопала напоказ, держа ладони повыше и не разводя их слишком широко — так хлопают, когда хотят заставить зрителей поаплодировать еще немного.

— Прекрасно, Дорис, ты, как всегда, на высоте, — прощепетала она, налегая на «р». — Твои питомцы далеко продвинулись с прошлого года... Отличная работа, просто замечательная... кхм...

Незнакомая ведьма умолкла в некоторой растерянности. Дорис Трэмпл позади нее ползала на четвереньках, пытаясь загнать мышей обратно в клетку. У одной мышки случилась истерика.

— А теперь, может быть... кто-нибудь еще хочет, э-э... выступить? — сказала ведущая, сияя, как стеклянный шар, готовый разлететься вдребезги. — Дамы?

Все замерло и умолкло.

— Ну же, не стесняйтесь! — Голос ведущей с каждой секундой все больше звенел от напряжения. Нешуточное дело — пытаться направить в нужное русло целую толпу прирожденных организаторов, которые сами кого хочешь направят. — Скромность нам не к лицу! Ну, кто желает?

Тиффани чувствовала, как поворачиваются остроконечные шляпы — одни к ней, другие к матушке Ветровоск. Их с матушкой разделяло несколько ярдов^[17] травы. Тиффани видела, как матушка стряхнула со своего плеча чью-то руку — резким движением, не сводя глаз с Тиффани.

«И только мы сидим тут, не надев шляпы, — подумала девочка. — Когда-то вы подарили мне умозрительную шляпу, матушка Ветровоск. Спасибо вам большое, но теперь она мне не нужна. Теперь я сама знаю, что я — ведьма».

— Ну же, дамы! — продолжала ведущая почти в отчаянии. — Это ведь

Испытания! Они придуманы для того, чтобы мы могли разрешить все спорные вопросы, сделав полезные выводы, в атмосфере всеобщего братства и доброй воли! Я уверена, кто-нибудь из присутствующих здесь дам... или, возможно, девушек... Итак?

Тиффани улыбнулась. Правильно было бы «сестринства», а не «братства». Мы ведь сестры.

— Ну же, Тиффани! — сказала Поплина Бубен. — Все знают, что ты молодец.

Тиффани покачала головой.

— Ну вот, опять. — Аннаграмма закатила глаза. — Старая кошелка заморочила ей голову, это ведь ее излюбленный трюк...

— Не знаю, кто кому что заморочил, — резко сказала Петулия, засучивая рукава, — но я пойду и покажу поросячий фокус.

Она встала, и зрители зашевелились.

— О, я вижу, на площадку выходит... А, это ты, Петулия, — сказала ведущая немного разочарованно.

— Да, госпожа Ставень. Я покажу поросячий фокус, — громко заявила Петулия.

— Прекрасно, но, э-э, у тебя ведь нет с собой поросенка. — Ведущая слегка попятилась.

— Да, госпожа Ставень, я покажу поросячий фокус... без поросенка!

Публика была потрясена. Раздались выкрики: «Это невозможно!» и «Эй, здесь же дети!».

Госпожа Ставень огляделась в поисках поддержки, но таковой не обнаружила.

— Ну что ж... — пролепетала она беспомощно. — Если ты уверена в своих силах, дорогая...

— Я уверена, — сказала Петулия. — Я использую... сосиску! — Она достала сосиску из кармана и подняла повыше, чтобы все видели.

Публика переполошилась еще больше.

Тиффани не видела выступления Петулии. Не видела его и матушка Ветровоск. Их взгляды были прикованы друг к другу, образовав невидимую стальную балку, и даже госпожа Ставень чувствовала ее и держалась в стороне.

Но Тиффани слышала визг и как восторженно ахнула толпа, а потом грянули аплодисменты. Впрочем, публика уже готова была аплодировать чему угодно — так скопившаяся вода выбирает первое попавшееся русло, когда наконец перехлестывает запруды.

А потом ведьмы стали выходить одна за другой. Тетушка Вровень

жонглировала шарами, причем они зависали в воздухе и начинали кружиться в другую сторону. Какая-то ведьма средних лет показала новый способ спасти человека, который подавился. На первый взгляд в нем не было ничего волшебного, но, если подумать, превратить полумертвого человека обратно в живого стоит десятка впечатляющих, но бессмысленных чудес. Потом на площадку одна за другой выходили молодые ведьмы и ведьмы постарше и показывали эффектные фокусы, полезные исследовательские находки и волшебные штучки, которые делали «Фшшш!» или помогали от зубной боли, а одна даже взорвалась...

...А потом поток выступающих иссяк.

Госпожа Ставень снова вышла на площадку, едва ли не покачиваясь от облегчения: Испытания все-таки состоялись! Прежде чем поставить точку, она еще раз поинтересовалась, не желает ли кто-нибудь из уважаемых или, опять же, из начинающих ведьм выступить.

Молчание в ответ было гробовым, хоть гвозди в него забивай.

Наконец ведущая сказала:

— Ну что же, в таком случае я объявляю Испытания состоявшимися и закрытыми! Желающие выпить чаю могут пройти в большой шатер!

Тиффани и матушка встали со своих мест одновременно, помедлили мгновение и поклонились друг другу. На этом матушка повернулась к ней спиной и присоединилась к толпе, бросившейся на чаепитие. Люди, сами того не замечая, расступались перед ней, как море перед особо выдающимся пророком.

Петулию окружили девочки-ведьмы — поросячий фокус имел огромный успех. Тиффани еле протолкалась к подруге, чтобы обнять ее.

— Но ведь победительницей могла бы стать ты! — сказала Петулия, красная от волнения и счастья.

— Это не важно. Правда не важно, — сказала Тиффани.

— Ты отдала свою победу, — произнес резкий голос за ее спиной. — Она была у тебя в руках, а ты ее профукала. Каково это, Тиффани? Каково унижение на вкус?

— Вот что я тебе скажу, Аннаграмма... — начала Петулия, гневно наставив на девицу палец.

Тиффани мягко опустила руку подруги, повернулась к Аннаграмме и улыбнулась ей так светло, что та растерялась.

Тиффани хотела сказать ей: «Там, откуда я родом, Аннаграмма, проводят испытания для собак — Овчарочки Смотры. Пастухи со всей округи собираются, чтобы показать, на что способны их собаки. Победители получают серебряные посохи, пояса с серебряной пряжкой и

всякое такое, но знаешь, каков раньше был главный приз, Аннаграмма? Ни за что не догадаешься. О, на Смотрах, конечно, есть судьи, но тут они не в счет, главный приз вручали не они. Есть... была одна маленькая старушка, она всегда занимала место в первом ряду, стояла, опираясь на ограду, посасывала трубочку, а у ее ног лежали две самые лучшие овчарки, каких знал мир. Их звали Гром и Молния, они могли мчаться быстрее ветра, их шкуры блестели ярче, чем солнце. Но эта старушка никогда, ни разу в жизни не выходила на поле для Смотров. Она знала об овцах больше, чем сами овцы. И каждый молодой пастух всем сердцем мечтал не о каком-нибудь дурацком кубке или поясе, а чтобы, когда он закончит выступать, эта старуха вынула трубку изо рта и проронила: “Сойдет...” Потому что это означало бы, что он настоящий пастух, и все остальные пастухи тоже признали бы это. И если бы ты сказала ему, что он должен посоревноваться с этой старухой, он обругал бы тебя, и затопал ногами, и сказал бы, что проще заплевать солнце, чтобы оно погасло. Как он мог превзойти ее? Она была самой сутью пастушества, вся ее жизнь сводилась к нему. Отвоевать что-то у нее означало отвоевать это у себя. Не понимаешь, да? Но в этом сердце, душа и стержень ремесла. Душа... и... сердце!»

Но говорить все это было бы пустой тратой слов, поэтому она сказала просто:

— Ой, да брось ты, Аннаграмма. Пойдем лучше посмотрим, не осталось ли еще булочек.

В небе раздался крик канюка. Тиффани подняла голову.

Птица легла на крыло и заскользила по воздуху в сторону дома.

Они всегда где-то рядом.

Джинни лежала подле кожного котла. Она открыла глаза.

— Он возвращается! — крикнула она, тяжело поднимаясь на ноги, и повелительно махнула глазевшим на нее Фиглям. — Хватит стоять, рты раззявя! Поймайте кроликов на жар! Нанесите дровей! Сугрейте поболее воды — я буду ванниться! Во что вы пещеру превратили — свинюшник прям!

Быро выгребайте грязи! Чтоб к приходу Большого Человека все сверкалось! И пусть кто-нить тыркс особенной овечьей притирки! Нарубайте зеленых веток, падуба или, мож, тиса! Да начистите золоты блюда, чтобы блестели! Все чтоб сверкалось! Ну, что стоите?

— А что попервей-то делать, кельда? — робко спросил какой-то Фигль.

— Все!

Они наполнили для кельды супницу в ее покоях, и она как следует

вымылась, используя старую зубную щетку Тиффани. Тем временем в большой пещере стоял грохот и гвалт — Фигли пытались одновременно делать множество взаимоисключающих дел. Запахло жареной крольчатиной.

Джинни надела лучшее платье, уложила волосы, накинула шаль и выбралась наружу. Она стояла и смотрела на горы до тех пор, пока примерно час спустя не увидела в той стороне черную точку, которая принялась расти и расти.

Как кельда Джинни поприветствует вернувшегося воина. Как жена она поцелует мужа и пожурит его за то, что долго не возвращался. Но как женщина она едва не таяла от облегчения, благодарности и счастья.

Глава 14

ЦАРИЦА ПЧЁЛ

А две недели спустя Тиффани отправилась повидать матушку Ветровоск.

До ее домика было всего пятнадцать миль по прямой, и поскольку Тиффани так и не освоила метлу, тетушка Вровень подвезла ее.

Это была невидимая половина тетушки. Тиффани распласталась на метле, вцепившись в ручку руками, ногами и коленями (она бы и ушами вцепилась, если б могла). Она прихватила с собой бумажный пакет — никому ведь не понравится, если на голову прилетит неизвестно чья рвота — и большой холщовый мешок, с которым обращалась очень бережно.

Тиффани открыла глаза, только когда ветер перестал свистеть в ушах и звуки подсказали ей, что земля совсем близко. На самом деле тетушка была очень добра. Когда Тиффани свалилась на землю, потому что ноги у нее свело судорогой, метла парила совсем низко над мягким густым мхом.

— Спасибо, — сказала Тиффани, когда встала.

С невидимыми людьми лучше быть повежливее.

На ней было новое платье — зеленое, как и старое. Сложный мир услуг и подарков, в котором обитала тетушка Вровень, произвел на свет четыре ярда прекрасной ткани (легкие роды юной Шустрити) и несколько часов работы портнихи (нога госпожи Подстрели уже почти не болит, спасибо). Черное платье Тиффани отдала. Вот состарюсь, тогда и буду носить платья цвета полуночи*, решила она. А сейчас хватит с меня тьмы.

Тиффани огляделась. Она стояла на свободном от деревьев клочке земли, уходящем под уклон. С трех сторон подступали дубы и белые клены, а внизу открывался вид на поля и дома. Кленовые семенасамолетики лениво пролетали над маленьким садом. Изгороди вокруг сада не было, хотя поблизости паслось несколько коз. Если бы кто-то удивился, почему козы не бесчинствуют в саду, это означало бы, что он забыл, кто здесь живет. Еще тут был колодец. И конечно, дом.

Госпожа Увёртка наверняка его раскритиковала бы. Дом был как из книжки со сказками. Стены стояли косо, привалившись друг к другу в поисках опоры, соломенная крыша сползала набекрень, словно плохой парик, а печные трубы изгибались штопором. Если пряничный домик на ваш вкус — слишком сладко и вредно для здоровья, то такой дом был лишь

ненамного лучше.

В маленьком домике глубоко в лесной чаще жила старая злая ведьма... Это был дом из самой жуткой сказки.

Ульи матушки Ветровоск стояли неподалеку от дома под защитой его стены — несколько старых соломенных, но большинство деревянные, латанные-перелатанные. Пчелы деловито гудели, несмотря на близость зимы.

Тиффани подошла поближе, чтобы взглянуть на них, и пчелы вылетели ей навстречу. Жужжащая туча устремилась к ней, вытянулась столбом и...

Тиффани рассмеялась. Перед ней сложилась ведьма из пчел. Тысячи насекомых зависли неподвижно. Девочка подняла правую руку. Жужжание стало громче, и «ведьма» повторила ее жест. Тиффани повернулась. Рой повернулся тоже, тщательно повторив каждый взмах ее подола. Пчелы с краю отчаянно жужжали — им пришлось лететь быстрее всех.

Тиффани осторожно опустила на землю свою поклажу и протянула руку навстречу «ведьме». Снова загудели пчелиные крылья, силуэт распался и сложился снова, уже чуть дальше, но опять-таки точно воспроизвел ее позу. Пчела, изображавшая кончик указательного пальца, зависла у самого ее ногтя.

— Потанцуем? — предложила Тиффани.

И они закружились под дождем из кленовых семян. Рой танцевал очень неплохо, жужжащая рука все время оставалась протянутой к Тиффани, разве что несколько пчел немного приотставали и пронзительно гудели, пытаясь догнать своих и занять место в строю.

Потом рой поднял руки и закружился в другую сторону, «юбка» взметнулась, как настоящая. Он учился на ходу.

Тиффани засмеялась и повторила пируэт. Пчелиный рой и девочка танцевали на лугу.

Она была счастлива, пожалуй, как никогда прежде. Золотистый свет, кленовые самолетики, танцующие пчелы — все это вместе складывалось в полную противоположность темной пустыне. Свет был повсюду и наполнял ее изнутри. Тиффани могла чувствовать свое тело, и в то же время видеть себя словно бы сверху — как она кружится с жужжащим силуэтом и он вспыхивает золотом, когда на пчел падает солнечный луч. Вот ради таких минут и стоит жить.

Тут «ведьма» наклонилась к Тиффани, словно бы вглядываясь в нее тысячами своих блестящих, как самоцветы, глаз. Где-то в глубине роя послышался тихий свист, и силуэт распался, превратился в тучу насекомых, которая полетела над поляной прочь и скрылась из глаз. И все замерло,

только семена кленов продолжали кружиться в воздухе.

Тиффани перевела дыхание.

— Знаешь, кто-нибудь другой на твоём месте мог бы и испугаться, — раздался голос у нее за спиной.

Она не стала оборачиваться сразу. Сначала сказала: «Добрый день, матушка Ветровоск» — и только потом повернулась.

— А вы когда-нибудь так делали? — спросила она, пьяная от восторга.

— Невежливо начинать беседу с расспросов. Пойдем-ка лучше в дом да выпьем чаю, — сказала матушка Ветровоск.

Внутри дом выглядел так, будто там никто и не жил. У очага расположились два кресла, одно из них — кресло-качалка. Два стула у стола тоже качались, потому что пол был неровный. Буфет у стены, коврик на полу перед огромным камином. В углу — метла, а рядом — нечто загадочное и остроконечное, под покрывалом. Узкая и темная лестница наверх. И все. Ничего блестящего, ничего нового и ничего сверх необходимого.

— Чему я обязана удовольствием видеть тебя в гостях? — спросила матушка Ветровоск.

Она сняла с крюка над огнем закопченный до черноты чайник и наполнила такой же черный заварочный чайничек.

Тиффани развязала мешок, который принесла с собой.

— Я пришла вернуть вашу шляпу, — сказала она.

— А-а, — сказала матушка. — Решила, значит, вернуть? А почему?

— Потому что она ваша, — ответила Тиффани, аккуратно положив шляпу на стол. — Но спасибо, что дали поносить.

— Осмелюсь предположить, многие молодые ведьмы отдали бы свои передние зубы за мою старую шляпу. — Матушка взяла потрепанную шляпу со стола.

— Это правда, — подтвердила Тиффани. Она не стала добавлять: «Они бы и клыки отдали заодно», а добавила другое: — Но мне кажется, каждая ведьма сама должна найти свою шляпу. Ту, которая ей подходит.

— Я вижу, твоя нынешняя куплена в лавке. «Небоскреб» их вроде зовут, — заметила матушка. — Со звездочками, — добавила она, и столько едкого сарказма было в ее голосе, что он мог бы прожечь медный лист, потом стол под ним, пролиться на пол и прожечь еще один медный лист в подвале. — Думаешь, они добавляют шляпе волшебства, звездочки-то?

— Я... думала так, когда ее покупала. А теперь думаю, что пока сойдет.

— Пока ты не найдешь себе подходящую, — сказала матушка

Ветровоск.

— Да.

— А моя тебе не годится?

— Нет.

— Хорошо.

Старая ведьма в несколько шагов пересекла комнату и сдернула покрывало с загадочного предмета в углу. Это оказался деревянный конус на высокой подставке. На нем была... шляпа в стадии строительства: тонкие ивовые прутья и плотная черная ткань, скрепленные булавками.

— Я себе шляпы сама делаю, — сказала матушка. — Каждый год. А чтобы ткань стала твердой и не промокала, у меня есть особая пропитка. Ты удивишься, что можно заложить в шляпу, если мастеришь ее своими руками. Но ты пришла не о шляпах посудачить.

И Тиффани наконец задала вопрос, который ее мучил:

— Это было на самом деле?

Матушка Ветровоск разлила чай по чашкам. Взяла свою и осторожно наклонила ее над блюдцем. Медленно, будто была занята важным и трудным делом, поднесла блюдце с чаем к губам и осторожно подула. Все это она проделала очень неторопливо и спокойно, пока Тиффани сгорала от нетерпения.

— Роителя ведь больше тут нет? — спросила матушка Ветровоск.

— Нет. Но...

— А как ты сама-то чувствовала? Когда была там? Что говорят твои ощущения: это было по-настоящему?

— Нет, — сказала Тиффани. — Они говорят, оно более настоящее, чем то, что есть на самом деле.

— Ну вот. — Матушка Ветровоск отпила из блюдца. — А ответ такой: раз оно не было на самом деле, значит, не было обманом.

— Это как во сне — знаете, когда почти проснулась и сама можешь решать, каким сон будет дальше? — сказала Тиффани. — У меня получалось, надо только быть осторожной. И вот тогда, с роителем, я как будто сильно-сильно потянула себя за шнурки башмаков — и поднялась в воздух. Как будто я сама себе рассказывала сказку...

Матушка кивнула:

— Во всем есть сказка или еще какая история. Все в мире — всего лишь истории, поверь мне. Солнце встает каждое утро — история. Что бы ни происходило, история всегда где-то там, внутри. Перепиши историю — и изменишь мир.

— А как вы собирались одолеть роителя? — спросила Тиффани. — Ну,

пожалуйста! Мне правда нужно знать!

— Как я собиралась его одолеть? — невинно отозвалась матушка Ветровоск. — Я собиралась положиться на тебя.

— Да? А что бы вы стали делать, если бы у меня ничего не вышло?

— Все, что в моих силах, — ничуть не смутилась матушка. — Как и всегда.

— Вы бы убили меня, если бы роитель снова в меня вселился?

Блюдце в руке старой ведьмы не дрогнуло. Матушка задумчиво смотрела на чай.

— Я пощадила бы тебя, если бы смогла, — сказала она. — Но ведь этого не произошло, верно? Лучше Испытаний места было не придумать. Поверь мне, ведьмы могут действовать сообща. Конечно, заставить их объединиться — задача потруднее, чем согнать в стадо кошек, но все-таки это возможно.

— Мне просто показалось, что мы... превратили все это как бы в представление на публику, — сказала Тиффани.

— Ха! Да, и еще какое! — заявила матушка, явно очень довольная собой. — Гром и молния, белые лошади и чудесные спасения! Неплохо за пенни, а? Когда-нибудь ты поймешь, моя милая, что время от времени немного поработать на публику ничуть не повредит твоей репутации. Думаю, даже тетушка Вровень уже согласна с этим, благо теперь она умеет одновременно жонглировать и приподнимать шляпу! Я знаю, о чем говорю, представления — это очень важно!

Она осторожно отпила чаю из блюдца, потом кивнула на стол:

— А твоя бабушка, она носила шляпу?

— Что? А, нет. Обычно нет. — Тиффани никак не могла перестать думать о публике и представлениях. — Только когда погода была уж очень плохая, бабушка надевала на голову старый мешок, получался вроде как капор. Она говорила, что шляпы на холмах только ветром сдувает.

— Выходит, шляпой ей было небо, — сказала матушка. — А плащ она носила?

— Ха, пастухи говорили, если матушка Болен наденет плащ, значит, ветер такой, что скалы сдувает! — с гордостью сказала Тиффани.

— Значит, плащом ей был ветер, — кивнула матушка. — Это особое умение. Дождь не промочит ведьму, если она сама того не захочет. Хотя лично я предпочитаю промокнуть и сказать спасибо.

— За что? — не поняла Тиффани.

— За то, что потом высохну. — Матушка Ветровоск поставила на стол чашку и блюдце. — Девочка моя, ты пришла сюда, чтобы узнать, что

правда, а что нет, но тут я мало чем могу тебе помочь. На самом деле, ты все знаешь сама. Просто пока не знаешь, что ты это знаешь, и всю оставшуюся жизнь тебе предстоит узнавать то, что и так в тебе заложено. И это — правда.

Она заглянула в полные надежды глаза Тиффани и вздохнула:

— Ладно, идем. Преподам тебе урок первый, он же и последний. Его тебе не придется записывать в тетрадку с глазами.

Матушка Ветровоск подвела Тиффани к колодцу в саду и, поискав на земле, нашла прутик.

— Волшебная палочка, — сказала она. — Видишь?

С прутика сорвалось зеленое пламя, и Тиффани чуть не подпрыгнула от неожиданности.

— А теперь ты попробуй, — сказала матушка.

Но у Тиффани, сколько она ни размахивала прутиком, так ничего и не вышло.

— Оно и понятно, — сказала матушка. — Это ведь просто палка. А на самом деле, может быть, я заставила ее плеваться пламенем, а может, я сделала так, чтобы пламя тебе только показалось. Это все равно. Важно, что это сделала я, не деревяшка. Надо только направить свои мысли как нужно, и прутик станет твоей волшебной палочкой, небо станет твоей шляпой, а лужа — твоей магической... магическим... как там называются эти дурацкие большие бокалы?

— Э-э... кубки? — предположила Тиффани.

— Точно. Твоим магическим кубком. Вещи не имеют значения. Важны люди. — Матушка Ветровоск искоса взглянула на девочку. — Ия могла бы научить тебя носиться по твоим холмам вместе с зайцем, я могла бы научить тебя парить над ними вместе с канюком, и еще много чему могла тебя бы научить, но сначала сделай одну вещь. Совсем простую, легче легкого.

Тиффани кивнула, глядя на ведьму большими глазами.

— Итак, ты уже поняла, что блестящие штучки — всего лишь игрушки, которые могут сбить тебя с пути?

— Да!

— Тогда сними эту блестящую лошадку, что ты носишь на шее, и брось в колодец.

Тиффани, наполовину зачарованная матушкиным голосом, послушно расстегнула замочек цепочки. Протянула руку над колодцем...

Серебряные изгибы лошади сверкали.

Тиффани уставилась на нее, будто видела впервые. И...

Матушка испытывает людей на прочность, подумала она. Постоянно.

— Нет, — сказала Тиффани. — Не могу.

— Не можешь или не хочешь? — резко спросила матушка.

— Не могу. — Тиффани вздернула подбородок. — И не хочу.

Она снова надела ожерелье, с вызовом глядя на матушку Ветровоск...

Ведьма улыбнулась:

— Вот и молодец. Если тебе чуждо все человеческое, из тебя и настоящей ведьмы не выйдет. Если слишком боишься сбиться с пути, с места не тронешься. Пожалуйста, можно мне взглянуть на нее?

Тиффани посмотрела в голубые матушкины глаза, расстегнула застежку, сняла украшение и протянула.

— Забавно, правда: когда на нее падает свет, кажется, что она скачет во весь дух, — проговорила та, разглядывая подвеску. — Хорошо сработано. Конечно, это не про то, как лошадь выглядит, а про то, что лошадь на самом деле.

Тиффани уставилась на ведьму во все глаза. На миг перед ней предстала хитро улыбающаяся матушка Болен, но в следующее мгновение это уже снова была матушка Ветровоск. «Кто это сделал, — подумала Тиффани, — я или она? И правда ли я хочу знать ответ или он меня слишком пугает?»

— Я прилетела, не только чтобы шляпу вернуть, — с трудом выговорила она. — Я привезла подарок.

— Вот уж больно надо, чтобы *мне* подарки дарили, — фыркнула матушка.

Тиффани пропустила ее слова мимо ушей, у нее все еще голова шла кругом от случившегося. Она открыла мешок и достала оттуда маленький сверток, очень мягкий и податливый.

— Почти все, что я взяла у господина Рукисилы, я ему вернула, — сказала она. — Но мне показалось, что вы... найдете этому применение.

Старая ведьма медленно развернула оберточную бумагу. «Дыхание ночи» за клубилось в воздухе, как дым, едва она взяла его в руки.

— Он мне нравится, но я не могу его носить, — сказала Тиффани, когда плащ заструился под легким дуновением ветерка. — Для этого надо быть очень авторитетной ведьмой.

— Какой-такой вторитетной? — оцетинилась матушка.

— Это значит, обладать достоинством. Чувством превосходства. Мудростью. Вызывать уважение. Что-то в этом роде, — пояснила Тиффани.

— А-а. — Матушка немного успокоилась.

Она присмотрелась к тому, как плащ мягко плещется на ветру, и

фыркнула. Он был и правда прекрасен. Волшебники, создавшие его, по меньшей мере в одном попали в точку: плащ обладал свойством заполнять пустоту в вашей жизни, о которой вы и не подозревали, пока его не увидели.

— Что ж, пожалуй, есть те, кому дано такое носить, и те, кому не дано, — заключила матушка. Она позволила шелковистой ткани окутать свои плечи и скрепила плащ у горла брошкой в виде полумесяца. — На мой вкус он малость чересчур фатоватый. И малость слишком модный. Да если я в нем на людях покажусь, они еще подумают, что я какая-то легкомысленная чертовка. — Матушка произнесла все это утвердительно тоном, но в конце фразы явственно змеился вопрос.

— Нет, что вы, он вам очень идет. Правда, — весело сказала Тиффани. — Из той, кому чуждо все человеческое, и настоящей ведьмы не выйдет.

Птицы умолкли. Высоко в кронах деревьев белки кинулись наутек и затаились в дуплах. Даже небо, казалось, на миг потемнело.

— Э-э, так я слышала, — сказала Тиффани. И добавила: — От одной женщины, которая в таких делах понимает.

Голубые глаза смотрели ей в самую душу. От матушки Ветровоск ничего не утаишь: что бы ты ни говорил, она видит, что у тебя на уме.

— Заглядывай еще при случае, — сказала ведьма после долгого молчания, медленно кружась и глядя, как струится плащ. — А то уж больно тут тихо.

— С радостью, — сказала Тиффани. — Мне предупредить пчел перед вылетом, чтобы вы успели заварить чай?

Матушка наградила ее суровым взглядом, но сердитые морщинки тут же разгладились, и она улыбнулась:

— Умно.

«Что у тебя внутри? — думала Тиффани. — Кто ты там, внутри себя? Хотела ли ты, чтобы я взяла твою шляпу? Ты притворяешься страшной злой ведьмой, но это неправда. Ты постоянно испытываешь всех, раз за разом, раз за разом, но на самом деле ты хочешь, чтобы кто-то сумел пройти испытание и переиграть тебя. Потому что это, наверное, очень трудно, быть лучшей. Ты не можешь остановиться, ты можешь только проиграть, а для этого ты слишком горда. Гордость! Ты превратила ее в страшную силу, но хранить ее так тяжело. Может, ты просто боишься смеяться, чтобы однажды не услышать в собственном смехе злобное хихиканье?»

Когда-нибудь мы встретимся снова. Мы обе это знаем. Мы встретимся

снова на Испытаниях Ведьм».

— Ну, у меня хватило ума догадаться, как вам удастся не думать о розовом носороге, — сказала Тиффани вслух.

— О, это серьезная магия, как же иначе, — отозвалась матушка.

— Нет. Магия ни при чем. Вы просто не знаете, как выглядит носорог, да?

Матушка рассмеялась, и луг залило солнечным светом. Смех ее был чистым и звонким, как журчание ручейка.

— Точно! — сказала она.

Глава 15

ШЛЯПА, ПОЛНАЯ НЕБА

Это был один из тех странных дней в конце февраля, когда воздух не по-зимнему теплый, а ветер хоть и дует, но словно бы где-то вдалеке, обходя тебя стороной.

Тиффани поднялась по склонам туда, где в уютных распадках меж холмов новорожденные ягнята только-только встали на ножки и принялись скакать по загонам, смешно взбрыкивая и дергаясь, словно деревянные лошадки-качалки.

И должно быть, день и правда был какой-то особенный, потому что взрослые овцы тоже развеселились и присоединись к играм своих ягнят. Они прыгали и кружились, счастливые и смущенные разом, а их отросшая за зиму густая шерсть вздымалась и опадала, как клоунские штаны.

Зима выдалась очень интересной. Тиффани узнала много нового, в том числе что можно быть подружкой невесты на свадьбе, где молодоженам больше 170 лет на двоих. На сей раз господин Заткачик, щеголяя в сползающем парике и сверкая очками, все-таки настоял на том, чтобы дать «нашей маленькой помощнице» одну из своих золотых монет. Это с лихвой возместило неуплаченное жалованье, причитавшееся Тиффани за работу у тетушки Вровень: девочка о нем не спрашивала, а тетушке нечем было его платить. Часть денег Тиффани потратила на добротный коричневый плащ. Он не вздымался на ветру и не развевался за спиной, зато был теплым, плотным и не промокал.

Она еще много чего узнала. Проходя мимо овец с ягнятами, она мягко касалась их разумов, тихонько, чтобы они и не заметили.

Тиффани не стала возвращаться домой на Страшдество, когда официально наступал новый год. В горах у нее тогда было много работы, да и особого смысла лететь не было — все равно в холмах Страшдество не очень-то праздновали. Зато тетушка Вровень с радостью согласилась отпустить ее в феврале на праздник ягнят, который старики называли Овечьей Предмасленицей. Только после этого для пастухов начинался новый год. Карга холмов не могла пропустить такое событие. В эти дни в теплых гнездышках из соломы, укрытых от ветра и обложенных грудami хвороста, приходило на землю будущее. Тиффани помогла ему наступить, она трудилась вместе с пастухами при свете фонаря в загонах, где окот шел

трудно. Она надела остроконечную шляпу и чувствовала на себе взгляды пастухов, когда при помощи ножа, иглы с нитью и ласковых слов уводила маток от порога черной двери и помогала ягнятам появиться на свет. Немного игры на публику, немного сказки — и люди все поймут. Она вернулась домой под утро, гордая, с руками по локоть в крови, но это была кровь жизни.

Позже она поднялась к кургану Фиглей и пролезла в нору. Тиффани уже давно думала об этом визите и подготовилась: аккуратно порвала несколько чистых носовых платков и приготовила травяной шампунь из мыльнянки по рецепту тетушки Вровень. Тиффани подозревала, что все это Джинни очень пригодится. Тетушка Вровень всегда навещала молодых матерей. Это — часть ведьмовской работы.

Джинни обрадовалась ей. Лежа на животе, Тиффани наполовину засунулась в покои кельды, и ей дали подержать всех восьмерых малышей, которых она мысленно называла заядлытами. Они появились на свет в тот же день, что и ягнята. Семеро из них вопили и дрались друг с дружкой, восьмая лежала тихо, дожидаясь своего часа. Будущее пришло.

Не только Джинни изменила свое мнение о Тиффани. Слухи разошлись быстро. Люди на холмах не любили ведьм. Ведьмы всегда приходили откуда-то из других краев, они всегда были чужими здесь. Но это ведь наша Тиффани, она помогает ягнятам появиться на свет, совсем как ее бабка, а говорят, она ведьмовским делам в горах учится! Ах, но ведь все равно она наша Тиффани, с этим-то не поспоришь. Ну да, она расхаживает в остроконечной шляпе со звездами, но сыр она делает отличный, и в окоте толк знает, и она ведь внучка матушки Болен, верно? — и люди со знающим видом стучали себя пальцем по носу. *Внучка матушки Болен*. Помните, что старушка-то умела? Так что если Тиффани и ведьма, то она *наша* ведьма. И в овцах она разбирается, это уж точно. Ха, я слышал, у них там в горах какие-то ведьмовские смотры были, так наша Тиффани показала им, на что способна девчонка с холмов. Время не стоит на месте, понятно? Теперь у нас есть ведьма, да получше, чем у кого-нибудь там! Никто не станет бросать внучку матушки Болен в омут.

Завтра она отправится обратно в горы. Три недели дома были насыщенными, и не только окотами. Роланд пригласил Тиффани в замок на чай. Вышло немного неловко, как это часто бывает, но удивительно было видеть, как он успел за пару лет превратиться из неуклюжего увальня в дерганого юношу, который терял нить беседы от одной улыбки Тиффани. А еще оказалось, что в замке есть книги!

Роланд застенчиво преподнес Тиффани «Словарь необычайнейших

слов и выражений», но и она не упала лицом в грязь, поскольку догадалась еще в горах заказать Закзаку нож. Гном, может, в магии ничего и не смыслил, зато оружейником был великолепным. Шляпу в разговоре очень тщательно обходили стороной. А придя домой, Тиффани обнаружила в словаре закладку на странице, где среди слов на букву «К» было еле заметно подчеркнуто карандашом: «Книксен: неглубокий реверанс, примерно треть от обычного; в настоящее время вышел из употребления». Она покраснела в темноте своей комнаты. Пока ты, вся такая умная и гордая, наблюдаешь за людьми и делаешь выводы, они тоже наблюдают за тобой и делают выводы. И когда тебе об этом напоминают, то всегда застают врасплох.

Тиффани записала это в дневнике, который уже распух от приклеенных на страницы трав, клочков бумаги с пометками и закладок. Его топтали коровы, в него ударяла молния, его роняли в чай. И глаза на обложке у него не было. Глаз отвалился в первый же день. Теперь дневник был настоящим дневником ведьмы.

Она перестала носить шляпу, по крайней мере на людях, потому что туля основательно погнулась о низкие притолоки, а потолок спальни вообще привел «Небоскреб» в полную негодность. Но сегодня Тиффани надела шляпу, хотя ветер так и норовил унести ее и приходилось держать поля обеими руками.

Она пришла туда, где торчали из земли четыре ржавых колеса и пузатая железная печурка. На печке было удобно сидеть.

Безмолвие разливалось вокруг Тиффани, живое безмолвие, а тем временем овцы резвились со своими ягнятами и мир поворачивал к лету.

Зачем люди покидают родные края? Чтобы вернуться. Чтобы посмотреть на них новыми глазами и увидеть новые краски. И те, кто остался дома, тоже смотрят на вернувшегося иначе. Вернуться туда, откуда ты пришел, — не то же самое, что никуда не уходить.

Тиффани смотрела на овец, мысли текли плавно и быстро, и она вдруг поняла, что ее переполняет радость — она радовалась ягнятам, жизни, всему. Радость по сравнению с весельем — все равно что море рядом с лужей. Радость — чувство такое огромное, что едва помещается внутри. И радость Тиффани прорвалась наружу смехом.

— Я вернулась! — закричала она холмам. — Лучше, чем была!

Тиффани сдернула с головы шляпу со звездочками. Это была неплохая шляпа, в самый раз для работы на публику, хотя из-за звезд она и казалась игрушечной. Но это никогда не была ее шляпа. И не могла быть. Единственная шляпа, которую стоит носить, — та, что сделала ты сама.

Купленные или полученные в дар не годятся. Тебе нужна шляпа для тебя одной, сделанная по твоей мерке. Будущее, принадлежащее только тебе, не чье-нибудь чужое.

Тиффани подбросила шляпу как можно выше. Ветер аккуратно поймал ее. Шляпа на миг нырнула к земле, но тут порыв ветра подхватил ее, закружил, завертел, понес над лугами — и она умчалась навсегда.

Тогда Тиффани сделала себе шляпу из неба, села на железную печку и стала слушать, как завывает ветер у горизонта. Солнце садилось.

Тени становились все длиннее, и из кургана неподалеку вылезали маленькие фигурки, шли к священному месту и вместе с Тиффани смотрели на закат.

Свершилось обыкновенное чудо: солнце село и пала теплая ночь.
На шляпе проступили звезды.

От автора

Теория подобия, упомянутая в этой книге, существует и в нашем мире, хотя в настоящее время о ней знают в основном историки и врачи. Сотни, а возможно, и тысячи лет люди верили, что Бог, который, разумеется, создал все сущее, пометил каждое свое творение, чтобы человечество могло понять, к чему его приспособить. Например, золотарник желтый, значит, должен помогать от желтухи (во многом приходилось полагаться на метод проб и ошибок, но некоторые пациенты все же выжили).

По удивительному совпадению Белая Лошадь на Меловых холмах очень напоминает Уффингтонскую Белую Лошадь, которую можно увидеть неподалеку от деревни Уффингтон, на юго-западе графства Оксфордшир. Ее длина — 374 фута, возраст — несколько тысяч лет, и целиком ее можно оглядеть только с воздуха. Из этого следует, что:

а) древние художники рассчитывали, что на Белую Лошадь будут любоваться боги;

или:

б) люди изобрели способ летать гораздо раньше, чем принято считать;

или:

в) люди в те времена были намного, намного выше, чем теперь.

Ах да, и еще одно: в нашем мире тоже проводили Испытания Ведьм. Но это было совсем не смешно.

Комментарии

Стр. 8

Килт — колоритная деталь, доставшаяся Нак-мак-Фиглям от шотландских «собратьев». В нашем, Круглом, мире килты носили — и продолжают носить — шотландские горцы: это кусок шерстяной ткани, длиной до колена, обернутый вокруг бедер и плиссированный сзади, скрепленный пряжками и ремешками. Не вздумайте назвать его юбкой, килт — одежда сурового воина! Килт может дополняться специальной сумочкой под названием спорран и особой декоративной булавкой: она крепится внизу и спереди для утяжеления ткани. Килты шьются из так называемого тартана — шерстяной ткани с традиционным клетчато-полосатым узором. Расцветка тартана является отличительным знаком клана или определенной местности (в нашем мире существует более трех тысяч видов тартанов). Но, в отличие от шотландских килтов, расцветка килтов Фиглей символического значения не имеет.

Стр. 9

Валгалла, «дворец павших» — так называется чертог Одина, верховного божества в германо-скандинавской мифологии, в Асгарде, небесном городе богов. Это огромный зал с крышей из золоченых щитов, подпертых копьями, и 540 дверями. В Валгаллу попадают лучшие воины, погибшие в битве с оружием в руках (еще бы! ведь именно им суждено выступить на стороне богов в последней битве между богами и чудовищами); о таком завидном посмертии мечтает любой доблестный воитель. Целыми днями эйнхерии — обитатели Валгаллы — сражаются насмерть, снова воскресают и садятся за стол пировать. Фиглям, большим любителям «драке и пойло жракс», в Валгалле бы, безусловно, понравилось.

Стр. 10

Гуйс — очень важное обязательство, нарушить которое невозможно в силу традиций и магического подкрепления. Не пернатое.

Обыгрывается такое понятие как *гейс* (др. — ирл. *geis*, гэльск. *geas*) — запрет или табу в Ирландии, распространенный в древности и часто упоминавшийся в ирландских сагах. Гейсы назначались в качестве наказания — или, наоборот, при вручении ценных даров (дарование имени,

женитьба, вступление на царство), чтобы не прогневить ненароком высшие силы излишним благополучием. Гейсом пользовались как могучим оружием. Так, красавица Грайinne, влюбившись в Диармайда, угрожает ему: «Я наложу на тебя опасные и губительные гейсы, если ты не уведешь меня из этого дома нынче же вечером». Гейсы могли противоречить друг другу, но были обязательны к исполнению (даже если исполнение их того гляди обернется крупными неприятностями). Так, один из величайших героев ирландских саг Кухулин (чье имя означает «пес Куланна») принимает гейс не есть мясо своего тезки, и одновременно находится под гейсом, запрещающим нарушать законы гостеприимства и отказываться от предложенной пищи; однажды он оказывается в ситуации, когда вынужден нарушить либо один гейс, либо другой.

Считалось, что тот, кто нарушил гейс, умрет в день Самайна (кельтский праздник окончания уборки урожая и наступления нового года; начинал праздноваться в ночь с 31 октября на 1 ноября. Позже Самайн трансформировался в Хеллоуин, «Вечер всех святых»). Если гейс нарушал король, на его землю обрушивались всевозможные бедствия; на долю короля обычно доставались гейсы самые разнообразные. Так, в саге «Разрушение дома Да Дерга» на Конайре, которому суждено было стать Верховным королем Ирландии, лежат следующие гейсы: «Нельзя убивать тебе диких зверей Керны», «Каждую девятую ночь не можешь ты покидать пределы Тары», «Да не войдут в твоё жилище после захода солнца одинокий мужчина или женщина» — и многие другие. И мы можем предположить, что и на Плоском мире магический запрет, наложенный на главу клана, будет иметь особое значение, а его нарушение — особенно неприятные последствия.

Стр. 17

Мисс Тик занималась тем, что выявляла ведьм.

В Круглом мире род занятий мисс Тик носил гораздо более зловецкий характер: «ведьмознатцем» (witch-finder) — «тем, кто выявляет ведьм» — во времена охоты на ведьм в Европе (особенно в XVII веке) называли следователя, который искал и добывал свидетельства против предполагаемых ведьм, чтобы привлечь их к суду. На протяжении всей книги Т. Пратчетт обыгрывает ряд понятий, связанных с охотой на ведьм, используя их в безобидном смысле, вопреки историческому контексту (см. *Испытания Ведьм, Испытание Водой*).

Стр. 34

Белая Лошадь — эта стилизованная доисторическая меловая фигура в Меловых холмах Плоского мира в точности списана Т. Прагчеттом с реально существующей достопримечательности английского графства Оксфордшир (исторически Беркшир), знаменитой Уффингтонской Белой Лошади. Гигантский геоглиф (т. е. нанесенный на землю рисунок) длиной 110 м. украшает собой склон известнякового холма Белой Лошади в двух с половиной километрах к югу от деревушки Уффингтон; а холм, в свою очередь, глядит сверху вниз на долину Белой Лошади на севере. Из всего множества английских меловых фигур это единственный геоглиф, доисторическое происхождение которого не подлежит сомнению. Фигура была создана в период поздней бронзы и раннего железа (800–700 годов до н. э.): обитатели близлежащего городища выкопали глубокие рвы и заполнили их меловой крошкой. А для того, чтобы изображение не заросло травой, его из поколения в поколение регулярно «пропалывали» — вплоть до XIX века, раз в семь лет.

Дотошная мисс Тик была не так уж и не права, утверждая, что «это ведь совсем не похоже на лошадь, просто несколько кривых линий». Давно ведутся споры о том, является ли Белая Лошадь лошадью или каким-то другим животным; помимо всего прочего, у Лошади отчетливо просматриваются усы. Лошадью ее называют по меньшей мере с XI века: так, в средневековой валлийской «Красной книге из Хергеста» (конец XIV — начало XV вв.) говорится: «Близ города Абинтона есть гора с изображением на ней жеребца, и он бел цветом. Ничего там не растет». Однако в древности местные жители считали фигуру изображением дракона — того самого дракона, которого сразил святой Георгий на Драконьем холме рядом. А британский ветеринар Олаф Суорбрик, подробно изучив геоглиф во всех деталях, выдвинул любопытную теорию о том, что на холме изображена вовсе не лошадь, а бегущий уффингтонский волкодав. По его словам, «анатомически это вообще не лошадь. Это создание чересчур вытянутое и слишком тощее, у него длинный хвост. У лошадей не бывает такого хвоста».

Уффингтонская Белая Лошадь вдохновила многочисленных подражателей на создание других меловых фигур, изображающих белых лошадей. Это Килбурнская Белая Лошадь (1858 г.), вырезанная в склоне холма в Северном Йоркшире, Фолкенстонская Белая Лошадь (2003 г.), вырезанная на склоне Черитонского холма в Кенте, Уэстберийская, или Браттонская, Белая Лошадь на равнине Солсбери (XVIII век) и т. д. Всего таких Белых Лошадей в Великобритании шестнадцать, но Уффингтонская — древнейшая из всех и наиболее почитаемая.

Стр. 83

...в цирке профессора Монти Угорайтона!

Т. Пратчетт обыгрывает название британского комедийного скетч-сериала «Летающий цирк Монти Пайтона» («*Monty Python's Flying Circus*») комик-группы «Монти Пайтон»: сериал выходил на BBC в 1969–1974 гг. Благодаря своему новаторскому абсурдистскому юмору участники «Монти Пайтона» (всего шесть человек) входят в число самых влиятельных комиков всех времен. Группа также выпустила несколько полнометражных фильмов (фильм «Монти Пайтон и Святой Грааль» по сей день остается одной из остроумнейших интерпретаций артуровского мифа), выступала с концертами, выпускала музыкальные альбомы и книги.

Стр. 153

Испытания Ведьм (Witch Trials), как напоминает Т. Пратчетт в конце книги, в нашем мире тоже проводились — но отнюдь не для того, «чтобы все могли вдоволь повеселиться, чтобы поддержать дух всеобщего брат... эм, сестринства». С XVI по XVII вв. по всей Западной Европе прокатилась волна преследований людей, подозреваемых в колдовстве, — так называемая «охота на ведьм». Всего состоялось около 100 тысяч «испытаний ведьм», то есть судебных процессов, а число их жертв оценивается в 40–50 тысяч человек. Дела о колдовстве рассматривались церковным судом (как правило, в католических странах), светскими судами (в странах лютеранских и кальвинистских); распространен был и самосуд над подозреваемыми в чародействе. В атмосфере всеобщей подозрительности, страха и истерии никто не мог считать себя в безопасности: дети и взрослые, мужчины и женщины, даже служители церкви и самые высокопоставленные лица в любой момент могли быть арестованы и сожжены по ложному доносу. Охота на ведьм докатилась и до Америки: в результате одного из таких «испытаний» — печально известного судебного процесса над салемами ведьмами (1692–1693 гг.) было повешено 19 человек, а в тюрьме оказалось около 200. Как замечает Пратчетт, «это было совсем не смешно».

Стр. 251

Чем я заслужил, что судьба привела меня в эту шайку негодяйскую?

Отсылка к стихотворению Роберта Бернса «Экая шайка негодяев в народе» («*Such a Parcel of Rogues in a Nation*»). В русском переводе С. Маршака стихотворение известно под названием «Шотландская слава», а

заключительные его строки звучат как:

Проклятие предавшей нас Мошеннической шайке!

Стр. 256

— Эт' мал-мал грамаздой карге снится, что она — холмы, или холмам снится, что они — мал-мал грамазда карга?

Простодушный вопрос Тупа Вулли является аллюзией на знаменитую даосскую притчу о философе и бабочке:

Однажды Чжуанцзы приснилось, что он — бабочка, весело порхающий мотылек. Он наслаждался от души и не осознавал, что он Чжуанцзы. Но, вдруг проснувшись, очень удивился тому, что он — Чжуанцзы, и не мог понять: снилось ли Чжуанцзы, что он — бабочка, или бабочке снится, что она — Чжуанцзы?

Стр. 317

День был жаркий, и большим успехом, особенно у детей, пользовалось Испытание Водой.

Испытание водой — еще одна зловещая реалья из истории Круглого мира, в мире Пратчетта приобретающая вполне безобидный характер. Во времена охоты на ведьм так называемое испытание водой, одна из разновидностей Божьего суда, служило распространенным способом «определения» ведьмы. Подозреваемую связывали и бросали в воду: считалось, что вода ведьму не принимает, то есть если жертва всплывет, значит, она в самом деле практикует черное колдовство, а если утонет, то это послужит свидетельством ее невиновности.

В оригинале упоминается «макательный стул» (*ducking stool*), он же позорный стул — укрепленное на подвижном бревне крепкое деревянное сиденье (до наших дней сохранились образчики, сделанные из дуба), к которому привязывали или приковывали жертву и опускали ее в воду. В Средние века «макательный стул» использовался в ходе испытания водой; позже стали обходиться без «стула», достаточно было привязать большой палец правой руки жертвы к большому пальцу левой ноги, после чего на веревке, обмотанной вокруг талии, подозреваемую опускали в реку или озеро.

Кроме того, как в Европе, так и в Америке, позорный стул использовался для наказания женщин за дурное поведение (число погружений устанавливал судья). В наши дни, как и в мире Пратчетта, «макательный стул» является популярным аттракционом на ярмарках.

Стр. 329

«Крошка-звездочка, мигни...» («*Twinkle, Twinkle, Little Star*») — популярная английская колыбельная песенка. Стихотворение под названием «Звездочка» написала английская поэтесса Джейн Тейлор в 1806 г. Оно было положено на мотив французской мелодии 1761 года «*Ah! vous dirai-je, maman*»; мелодия эта была очень известна — так, в 1781 году В. А. Моцарт написал на нее свои «Двенадцать вариаций». Русскоязычному читателю стихотворение известно в переводе О. Седаковой:

*Ты мигай, звезда ночная!
Где ты, кто ты — я не знаю.
Высоко ты надо мной,
Как алмаз во тьме ночной.*

Песенка была настолько популярна, что вызывала к жизни множество пародий; самая известная вложена в уста Болванщика в книге Л. Кэрролла «Приключения Алисы в Стране чудес»:

*Ты мигаешь, филин мой!
Я не знаю, что с тобой!..*

(Пер. О. Седаковой)

Стр. 330

Вы смотрите на дерево и видите... просто дерево, большое и твердое растение.

Рассуждения роителя о счастливой неспособности людей разглядеть суть предметов и явлений перекликаются с первыми строками поэмы Дж. Р.Р. Толкина «Мифопоэзия» в защиту мифотворчества: согласно Толкину, истинную суть предметов и явлений человек прозревает сквозь призму мифа. Дословно первые строки звучат так:

*You look at trees and label them just so,
(for trees are 'trees', and growing is 'to grow')...
Вы смотрите на деревья и так их и называете,
(потому что деревья — это «деревья», а рост их означает просто
«расти»)..*

Стр. 365

Вот состарюсь, тогда и буду носить платья цвета полуночи (When I'm old I shall wear midnight).

Эта формулировка перекликается с первой строкой стихотворения Дженни Джозеф «Предостережение» (1961), дословно: «Когда я состарюсь,

я буду носить лиловое» (When I am an old woman I shall wear purple). Лирическая героиня рассуждает о том, что, когда состарится, сможет наконец вести себя так, как ей угодно, и позволять себе что угодно, не считаясь с общественным мнением, поскольку со старухи спрос невелик. Однако решение «быть самой собой» Тиффани принимает в гораздо более юном возрасте, нежели лирическая героиня Дж. Джозеф. В русском переводе Е. Тиновицкой первые строчки звучат как:

*Вот стану старухой, куплю себе красный берет, Бордовое платье,
что мне не к лицу и не в моде...*

Светлана Лихачева

notes

Примечания

1

То есть примерно 15 см. 1 дюйм равен 2,54 см. (*Примеч. ред.*)

Пояснения к словам, помеченым*, смотри в конце книги. (Примеч. ред.)

В нашем мире этот язык называют латинским, а на Диске — лататинским. «Alea jacta est» — «Жребий брошен» — слова, которые, по легенде, произнес Юлий Цезарь, перейдя реку Рубикон перед тем, как начать гражданскую войну в Риме. «Quid pro quo» означает «услуга за услугу». (Примеч. перев.)

Мисс Тик бы взорвалась, если бы не сказала этого, потому что ведьма и учитель — та еще гремучая смесь. И те и другие стремятся, чтобы все было как надо. Им нравится, когда все правильно. Если хотите хорошенько насолить ведьме, можете не возиться с чарами и заклинаниями. Просто поместите ее в комнату, где картина на стене висит немножко кривовато — и сможете любоваться на ведьмины корчи. *(Примеч. автора)*

Миля равна 1609 м. (*Примеч. ред.*)

6

Фут равен примерно 0,3 метра. *(Примеч. ред.)*

Помимо обычного ума, который есть у всех и служит для повседневных мыслей, у Тиффани еще был Задний Ум, занятый размышлениями о мыслях. Такой ум имеется у тех, кому нравится думать. А еще один, Дальний Умысел, замечает все вокруг и думает сам по себе. Мало кто наделен им, и зачастую это к лучшему, потому что от него сплошное беспокойство. Но уметь прислушиваться к нему должна всякая ведьма. *(Примеч. автора)*

Знать словарь почти что наизусть от корки до корки иногда бывает полезным. (*Примеч. автора*)

Тиффани знала, что такое психология, но это ведь был толковый словарь, а не орфоэпический — как правильно произносить слово, там не объяснялось. *(Примеч. автора)*

«Сто и одна вещь, которую может сотворить волшебник» *(лат.)*.

«Чудовищная книга чудовищ» (лат.).

Мера объема в английской системе мер. 1 английский галлон соответствует примерно 4,5 литра. (*Примеч. ред.*)

Слоны-отшельники, обитающие в Очудноземье, имеют очень тонкую шкуру по всему телу, кроме головы, поэтому в молодости часто занимают маленькие глинобитные хижины, пока хозяев нет дома. Слон-отшельник по природе своей существо робкое и старается не причинять никому вреда, однако люди, как правило, покидают хижину вскоре после того, как в ней объявляется слон. Ведь слон постоянно переносит хижину с места на место в поисках травы посвежее, что делает домоводство крайне непредсказуемым. Но, с другой стороны, целая деревня слонов-отшельников, бредущая по равнинам, — одно из красивейших зрелищ Плоского мира. *(Примеч... автора)*

Одна унция равна приблизительно 28 граммам. *(Примеч. ред.)*

15

Фунт равен примерно 0,45 кг, т. е. Брайн весил всего 54 кг. (*Примеч. ред.*)

Если кто-то понял, что это означает, то ему известно о способах Накмак-Фиглей путешествовать больше нашего. *(Примеч. автора)*

Ярд чуть меньше метра, он равен примерно 0,9 м (*Примеч. ред.*)